

ВИКАС
СВАРҮТІ

Вопрос

«Ответ

Выиграли миллион?
Непримиримы
после же разочарования!

Annotation

Кто хочет стать миллионером?

Все!

Но кто сможет ответить на вопросы в популярном телешоу и действительно выиграть миллион?

Только не полуграмотный официант Рама Мохаммед Томас из захолустного ресторана!

Однако именно ему выпадает шанс участвовать в шоу, и именно он становится победителем!

Обман? Жульничество? Преступный сговор?!

Или просто — фантастическое везение?

Устроители шоу пытаются найти ответы на эти вопросы и не торопятся выплачивать выигрыш.

Конечно, победитель может «получить все», но пока — на всякий случай! — его определяют в... тюрьму.

- [Вопрос — ответ](#)
 - [ПРОЛОГ](#)
 - [ТЫСЯЧА РУПИЙ:](#)
 - [ДВЕ ТЫСЯЧИ РУПИЙ:](#)
 - [ПЯТЬ ТЫСЯЧ РУПИЙ:](#)
 - [ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ РУПИЙ:](#)
 - [ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ РУПИЙ:](#)
 - [СТО ТЫСЯЧ РУПИЙ:](#)
 - [ДВЕСТИ ТЫСЯЧ РУПИЙ:](#)
 - [ПЯТЬСОТ ТЫСЯЧ РУПИЙ:](#)
 - [МИЛЛИОН РУПИЙ:](#)
 - [ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ РУПИЙ:](#)
 - [СТО МИЛЛИОНОВ РУПИЙ:](#)
 - [МИЛЛИАРД РУПИЙ:](#)
 - [ЭПИЛОГ](#)
 - [БЛАГОДАРНОСТИ](#)
 - [ОТ ПЕРЕВОДЧИКА](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)
 - [11](#)
 - [12](#)
 - [13](#)
 - [14](#)
 - [15](#)
 - [16](#)
 - [17](#)
 - [18](#)
 - [19](#)
 - [20](#)
 - [21](#)
 - [22](#)
 - [23](#)
 - [24](#)
 - [25](#)
 - [26](#)
 - [27](#)
 - [28](#)
 - [29](#)
 - [30](#)
 - [31](#)
 - [32](#)
 - [33](#)
 - [34](#)
 - [35](#)
 - [36](#)

- [37](#)
- [38](#)
- [39](#)
- [40](#)
- [41](#)
- [42](#)
- [43](#)
- [44](#)
- [45](#)
- [46](#)
- [47](#)
- [48](#)
- [49](#)
- [50](#)
- [51](#)
- [52](#)
- [53](#)
- [54](#)
- [55](#)
- [56](#)
- [57](#)
- [58](#)
- [59](#)
- [60](#)
- [61](#)
- [62](#)
- [63](#)
- [64](#)
- [65](#)
- [66](#)
- [67](#)
- [68](#)
- [69](#)
- [70](#)
- [71](#)
- [72](#)
- [73](#)

- [74](#)
 - [75](#)
 - [76](#)
 - [77](#)
 - [78](#)
 - [79](#)
 - [80](#)
 - [81](#)
 - [82](#)
 - [83](#)
 - [84](#)
 - [85](#)
 - [86](#)
 - [87](#)
 - [88](#)
 - [89](#)
 - [90](#)
 - [91](#)
 - [92](#)
 - [93](#)
 - [94](#)
 - [95](#)
 - [96](#)
 - [97](#)
 - [98](#)
 - [99](#)
 - [100](#)
 - [101](#)
 - [102](#)
 - [103](#)
 - [104](#)
 - [105](#)
 - [106](#)
 - [107](#)
 - [108](#)
 - [109](#)
-

Вопрос — ответ

Моим
родителям, Виноду
и Индре Сваруп, а
также покойному
прадедушке Шри
Ягадишу Сварупу

ПРОЛОГ

Меня арестовали. За победу в телевикторине.

Прошлой ночью. В такую темень явились, когда последняя дворняга под кустом дрыхнет. Взломали дверь, надели наручники и повели меня к джипу с красной мигалкой.

Без шума, без крика. Никто из местных и носа не высунул из своей лачуги. Только старый сыч заухал на ветвях тамаринда.

Аресты в Дхарави — дело привычное, как воры-карманники в пригородном поезде. Дня не пройдет, чтобы какого-нибудь бедолагу не забрали в участок. Некоторых полицейские волокут силком, а те вопят и брыкаются всю дорогу. Другие уходят по-тихому. Те, кто догадывается, даже ждут ареста; такие облегченно вздыхают, увидев джип с красной мигалкой.

Я бы тоже мог вопить и брыкаться. Доказывать свою невиновность, перебудить соседей. Да что толку? Местные и пальцем не шевельнули бы в мою защиту. Ну, выползли бы, протирая мутные глаза, насладились бы спектаклем, обменялись бы избитыми фразами типа «Еще одного забрали» и, широко зевая, вернулись бы спать. Мое исчезновение из величайшей в Азии трущобы никоим образом не повлияет на их жизни. Наутро, как всегда, выстроится та же очередь за водой, и каждый будет лезть вперед, чтобы к семи тридцати успеть на пригородный поезд.

Никто и не задумается, за что меня, собственно, взяли. Верите ли, даже я не ломал над этим голову, когда среди ночи хлипкая дверь затрещала под ударами. Когда вся твоя жизнь проходит «вне закона», то есть на грани полной нищеты, когда сражаешься за каждый клочок земли на городском пустыре и занимаешь очередь даже за дерьмом, арест превращается в нечто неизбежное. Так и ждешь: в конце концов кто-нибудь выпишет ордер, и за тобой приедет джип с красной мигалкой.

Найдутся люди, которые скажут, что я сам накликал беду, ввязавшись в эту викторину. И, тыкая в меня пальцами, напомнят слова местных старейшин: мол, никому не дозволено пересекать черту, отделяющую богатеев от бедняков. Ну в самом деле, с какой стати понесло меня, официанта без гроша в кармане, участвовать в

мозголомке? Голова не тот орган, которым нам положено пользоваться, в отличие от рук и ног.

Но если б они только видели, как я отвечал!.. Жаль, передача еще не вышла в эфир. Хотя слухи уже просочились. Говорят, я что-то там выиграл. Вроде как в лотерею. Узнав такую новость, товарищи-официанты закатали для меня крутую вечеринку в ресторане. Мы пели, плясали, пили до поздней ночи. В первый раз на ужин была не дрянная стряпня от Рамци; нет, мы заказывали куриный бириани^[1] и сикх-кебаб^[2] из пятизвездочной гостиницы на Марин-драйв.^[3] Бармен, дрожа от волнения, предложил мне руку и сердце дочери. Ворчун-хозяин, и тот благосклонно улыбался и даже, представьте, выдал вашему покорному слуге давно задолженную зарплату. В ту ночь он не обзывал меня тупым ублюдком. Или паршивой собакой.

А теперь вот Годбоул обзывает и так, и похлеще. Сижу, скрестив ноги, в камере размером шесть на десять футов, напротив ржавой железной двери, смотрю, как сквозь маленькое квадратное окно с решеткой падает пыльный солнечный луч. Здесь жарко и влажно. По полу размазаны остатки перезрелого манго, над ними жужжат мухи. Грустный таракан пытается влезть на мою ногу. Меня начинает пробирать голод. В желудке ноет.

Наверное, скоро меня во второй раз отведут на допрос. И вот после бесконечного ожидания за мной приходят. Да не кто-нибудь, а сам инспектор.

Годбоул не очень стар, где-то за сорок. Голова у него лысеет, зато усы на круглом лице — как руль от велосипеда. Когда он грузно топает по коридору, упитанный живот нависает над брюками цвета хаки. «Чертовы мухи», — бранится инспектор, замахиваясь на ту, что кружит над самым лицом. И не попадает.

Годбоул сегодня явно не в настроении. Злят его не только мухи, но и жара. Со лба стекают ручьи пота. Инспектор утирается рукавом. Больше всего слугу закона сердит мое имя.

— Рама Мохаммед Томас, что за бред? Все религии намешали в кучу! Или мамаша так и не разобралась, кто твой отец? — в который раз горячится он.

Пропускаю оскорбление мимо ушей. Привык уже.

Констебли перед кабинетом для допросов вытянулись по стойке «смирно». Верный знак: внутри находится важная персона. Еще с утра

они жевали паан^[4] и обменивались грязными шуточками. Годбоул буквально заталкивает меня в кабинет, где у настенного плаката, отображающего количество убийств и похищений за год, стоят двое мужчин. Одного из них — длинноволосого, словно женщина или рок-звезда, — я помню, он присутствовал на записи телевикторины, передавал ведущему команды через наушник. Второй — белый и лысый — мне совершенно незнаком. На нем розовато-лиловый костюм и яркий оранжевый галстук. Только белые носят костюмы в такую душливую жару.

Вентилятор наверху работает в полную силу, однако воздух почти не колышется, ведь окна-то нет. Зной поднимается от беленых стен и висает под низким деревянным потолком. Из обстановки здесь только проржавленный стол посередине и три стула вокруг него. С длинной тонкой балки, что делит комнату на две равные части, точно над столом свисает металлический абажур.

Годбоул представляет меня белому незнакомцу, будто инспектор манежа, объявляющий выступление дрессированного льва:

— Вот и он, сэр. Рама Мохаммед Томас.

Тот промокает лоб носовым платком и разглядывает меня, как обезьянку неизвестной породы.

— Явился наш прославленный победитель! Признаться, он выглядит старше, чем я думал.

Сообразить бы, что у него за акцент. Пожалуй, этот гнусавый выговор я слышал из уст богатых туристов, приезжавших в Агру из дальних мест вроде Бостона и Балтимора.

Американец присаживается. У него темно-синие глаза и розовый нос. Зеленые вены на лбу напоминают ветви деревьев.

— Здравствуйте, — обращается он ко мне. — Я Нейл Джонсон, представитель «Нью эйдж телемедиа» — компании, которая лицензировала телевикторину. А это Билли Нанда, продюсер.

Молчу. Обезьянки не разговаривают. Тем более по-английски.

Американец поворачивается к Нанде:

— Он ведь понимает наш язык?

— С какой стати? — возмущается тот. — Нейл, вы в своем уме? Господи, он же тупой официант в захолустном ресторане!

Воздух прорезает вой приближающейся сирены. В кабинет вбегает констебль, шепчется с Годбоулом. Инспектор пулей вылетает

наружу, возвращается в обществе низкорослого дородного человека в форме высшего полицейского чина и широко улыбается, выставляя напоказ желтые зубы.

— Мистер Джонсон, прибыл комиссар Сахиб.

Американец поднимается с места.

— Спасибо, что приехали, комиссар. Полагаю, вы уже знакомы с Билли.

Тот важно кивает.

— Я сразу же отправился в путь, как только получил сообщение от министра.

— Ах да... Он же старый друг мистера Михайлова.

— Итак, чем могу быть полезен?

— Комиссар, ваша помощь нужна «КХМ».

— «КХМ»?

— Сокращение от «Кто хочет стать миллиардером?».

— А что это?

— Телевикторина, которую наша компания недавно запустила в тридцати пяти странах. Реклама расклеена по всему Мумбаи, видели?

— Не обращал внимания. А почему миллиардером?

— Почему бы нет? Вы ведь смотрели «Кто хочет стать миллионером?»?

— А как же, «Каун банега кроперати»! Вся страна с ума сходила. В нашей семье не пропускали ни одной передачи.

— Скажите, что заставляло вас смотреть?

— Ну... интересно же.

— Теперь подумайте, сохранился бы ваш интерес, составляй выигрыш не миллион, а десять тысяч?

— Э-э... Пожалуй, нет.

— Именно. Видите ли, больше всего на свете людей волнует не секс, а деньги. Чем выше ставка, тем сильнее страсти.

— Понятно. И кто ваш ведущий?

— Лицо программы — Прем Кумар.

— Прем Кумар? Второсортный актер? Он и вполтину не так популярен, как Амитабх Баччан^[5] из «Кроперати».

— Догонит, не волнуйтесь. Конечно, отчасти мы были вынуждены взять его как владельца двадцати девяти процентов акций в индийской дочерней компании «Нью эйдж телемедиа».

— Начинаю улавливать. Ну а при чем здесь этот парень, как бишь его, Рама Мохаммед Томас?

— Он принимал участие в съемках пятнадцатой передачи.

— И?

— И разгадал все двенадцать вопросов. То есть выиграл миллиард рупий.

— Не может быть! Шутите?

— Нет, не шучу. Мы удивились не меньше вашего. Этот юноша сорвал величайший джек-пот в истории. Передачу еще не выпускали в эфир, так что в курсе немногие.

— Ладно. Раз вы говорите «выиграл», значит, выиграл. Так в чем загвоздка?

Джонсон медлит с ответом.

— Можно нам с Билли потолковать с вами наедине?

Комиссар машет рукой в сторону инспектора. Годбоул мрачно смотрит на меня и выходит. Я остаюсь, но этого никто не замечает. Что такое простой официант? Ему даже не полагается понимать по-английски.

— Хорошо. Говорите, — произносит Сахиб.

— Видите ли, комиссар, мистер Михайлов не в состоянии выплатить подобную сумму прямо сейчас.

— Так зачем обещал, если на то пошло?

— Ну... Назовем это коммерческой уловкой.

— Погодите, все равно не понимаю. Уловка или нет, но ваша программа станет лишь популярнее, разве не так, если кто-нибудь получит главный выигрыш? Помню, каждый раз, когда в «Кто хочет стать миллионером?» участник побеждал, число зрителей удваивалось.

— Все дело во времени, комиссар, во времени. Программы вроде нашей не могут полагаться на случай, на то, как масть ляжет. Здесь без расчета нельзя. По нашему расписанию победитель должен был появиться месяцев через восемь, когда доходы от рекламы возместят нам большую часть вложений. И вот этот самый Томас разрушил все планы!

Комиссар кивает:

— Ладно, что вы от меня хотите?

— С вашей помощью мы думаем доказать, что он смошенничал. Парень бы не ответил на все двенадцать вопросов, если бы не имел

сообщника. Сами посудите. В школе он сроду не учился, даже газет не читал. Невозможно, чтобы такой человек честным путем сорвал главный приз.

— Э-э... Всякое бывает. — Сахиб чешет в затылке. — Случается, необразованные мальчишки с возрастом превращаются в гениев. Разве Эйнштейна не выбросили в свое время из средней школы?

— Послушайте, господин комиссар, сейчас вы увидите, что перед нами никакой не Эйнштейн.

Джонсон делает жест Нанде. Тот приближается, проводит пальцами по густым волосам и обращается ко мне на хинди:

— Мистер Рама Мохаммед Томас, раз уж вы показали себя столь блестящим игроком, можно попросить вас подтвердить свои познания прямо здесь? Итак, еще одна короткая викторина. Задания очень просты, любой человек среднего интеллекта в состоянии с ними справиться.

Тут он усаживает меня на стул.

— Готовы? Вопрос первый. Назовите современную валюту Франции. Варианты: а) доллар, б) фунт, с) евро и d) франк.

Я молчу. Внезапно комиссар замахивается и сильно хлещет меня по щеке.

— Оглох ты, что ли, ублюдок? Отвечай, а то зубы пересчитаю!

Нанда принимается скакать точно сумасшедший или рок-звезда.

— Пожаааалста, нельзя ли вести себя цивилизованнее? — блеет он и смотрит на меня. — Ну, каков ответ?

— Франк, — угрюмо говорю я.

— Неверно. Правильный вариант: евро. Ладно, задание второе. Кто первым из людей ступил на поверхность Луны? Был ли это: а) Эдвин Алдрин, ^[6] б) Нейл Армстронг, с) Юрий Гагарин или d) Джимми Картер?

— Не знаю.

— Это был Нейл Армстронг. Вопрос номер три. Пирамиды расположены: а) в Нью-Йорке, б) в Риме, с) в Каире или d) в Париже?

— Не знаю.

— В Каире. Задание четвертое. Кто сейчас президент Америки? Варианты: а) Билл Клинтон, б) Колин Пауэлл, с) Джон Керри и d) Джордж Буш.

— Не знаю.

— Президент Америки — Джордж Буш. Сожалею, мистер Томас, вы ни разу не ответили правильно. — Обернувшись к Сахибу, Нанда переходит на английский: — Видите? Я же предупреждал, он полный тупица. Значит, его победа — жульничество чистой воды.

— Но вы хоть представляете, как он это проделал? — интересуется комиссар.

— В том-то и сложность. Эксперты отсматривали запись передачи чуть не под микроскопом — ни единой зацепки. Однако в конце концов что-нибудь непременно вылезет наружу.

От голода у меня сводит не только желудок, но и горло. Голова начинает кружиться. Перегибаюсь пополам и захожусь кашлем.

Лысый американец Джонсон резко разворачивается в мою сторону.

— Помните, господин комиссар, тот случай несколько лет назад, в Лондоне? Ну, когда армейский майор выиграл главный приз передачи «Кто хочет стать миллионером?»? Компания отказалась платить. Полиция провела расследование, и вскоре мошенник сознался. Он вступил в сговор с профессором, который подавал ему сигналы условным кашлем. Наверняка мы имеем дело с чем-то похожим.

— Так, может, проверить запись насчет посторонних шумов в зале?

— Не стоит, уже проверено. Все чисто. Очевидно, парень пользовался другими подсказками.

— Вибрация пейджера или мобильного?

— Нет. Никаких приборов на нем не было. К тому же ни пейджеры, ни сотовые в студии не работают.

Сахиба озаряет новая догадка.

— А что, если у него в голове имплантирован кристалл памяти?

Джонсон вздыхает.

— Боюсь, господин комиссар, вы насмотрелись научно-фантастических фильмов. Впрочем, что бы там ни было, ваша задача — помочь нам выяснить всю подноготную. Нам неизвестно, кто его сообщник. Мы не представляем, как он подавал сигналы. Но я на сто процентов уверен: парень смухлевал.

— А вы не думали откупиться? — с надеждой предлагает собеседник. — Я хочу сказать, может, он и не в курсе, сколько нулей у

миллиарда. Подбросьте голодранцу пару тысяч рупий, и пусть радуется.

Врезать бы ему по почкам, этому комиссару!.. Положа руку на сердце, до участия в викторине я и впрямь не знал, сколько это — миллиард. Но теперь-то знаю. И намерен биться за свой выигрыш. Со всеми девятью нулями.

Ответ американца Джонсона меня успокаивает.

— На это пойти никак нельзя. Тогда мы будем уязвимы перед законом. Видите ли, он либо честно победил, либо сплутовал. То есть либо миллиард, либо тюрьма. С вашей поддержкой мы надеемся добиться второго, потому что третьего не дано. Мистера Михайлова хватит удар, заставь его кто-нибудь раскошелиться на такую сумму.

Комиссар глядит лысому прямо в глаза.

— Понимаю, к чему вы клоните, — произносит он, растягивая слова. — Но мне-то какой интерес ввязываться?

Джонсон будто по сигналу подхватывает Сахиба за локоть и ведет в дальний угол. Мужчины приглушенно переговариваются. До меня долетают лишь два слова: «десять процентов». Комиссар заметно оживляется.

— Согласен, мистер Джонсон. Считайте, все уже сделано. А теперь не мешает потолковать с Годбоулом.

Вызывают инспектора.

— Годбоул, вам удалось из него что-нибудь вытянуть? Тот бросает на меня злобный взгляд.

— Ничего, комиссар Сахиб. Ублюдок заладил одно и то же: он, дескать, знал ответы. Ему, мол, повезло.

— Повезло, значит? — щерится лысый американец.

— Да, сэр. Но мы еще не применяли допросы третьей степени. А то бы он уже пел канарейкой. Позвольте, сэр, и я вытрясу имена сообщников, не успеете глазом моргнуть.

Комиссар смотрит на Джонсона и Нанду.

— Не возражаете?

Продюсер энергично трясет головой, мотая длинными волосами.

— Вот еще. Никаких истязаний. Газетчики уже пронюхали об аресте. Стоит им узнать о плохом обращении с узником — и нам крышка. У меня и так забот по горло, не хватало только поцапаться с чертовыми защитниками гражданских прав.

Комиссар отечески хлопает его по спине.

— Билли, с каких это пор вы превратились в американца? Не тревожьтесь, Годбоул — мастер своего дела. На теле не останется следов.

От желчи мой правый бок раздувается, точно тяжелый воздушный шар. Хочется сплевать на пол. Сахиб подходит к выходу.

— Годбоул, мы с джентльменами пока удалимся, но к завтрашнему утру я желаю знать имя сообщника и все подробности. Любой ценой выбейте из него нужные сведения. Но поосторожнее. Имейте в виду, от этого зависит ваше продвижение по службе.

— Спасибо, сэр. — Инспектор сверкает искусственной улыбкой. — Не беспокойтесь, сэр. Когда я с ним разберусь, парень сознается и в убийстве Махатмы Ганди.

А в самом деле, кто его убил? Помню только, перед самой смертью он крикнул: «Иду к тебе, Рама!» Я еще удивился: это же мое имя! И отец Тимоти терпеливо растолковал, что Махатма призывал индуистского бога Раму, изгнанного в джунгли на четырнадцать лет.

Между тем Годбоул, проводив комиссара и его спутников, врывается в кабинет, захлопывает за собой дверь и, тыча в меня пальцем, тяжело сопит:

— Ну, все, засранец, раздевайся!

Острая пульсирующая боль истекает из каждой поры на коже. Мои руки привязаны к балке шершавой бечевкой. Деревяшка расположена в девяти футах над полом, так что ноги болтаются в воздухе. Такое ощущение, будто конечности отрывают от тела. Я совершенно голый. Ребра торчат наружу, как у голодающего ребенка из Африки.

Годбоул издевается надо мной больше часа — и до сих пор не закончил, каждые полчаса меня орудия пытки. Сперва загнал мне в задний проход палку, намазанную красным чилийским перцем. Казалось, внутри ползает обжигающая змея. Я извивался, давясь от боли. Потом он сунул мою голову в ведро с водой и держал там, пока легкие чуть не взорвались. Я фыркал, задыхался и почти утонул.

Теперь инспектор сжимает в руках провод под напряжением, словно бенгальский огонь на Дивали.^[7] Пританцовывая, как пьяный боксер, инспектор внезапно бросается на меня и тычет проводом в

левую ступню. Электрический ток пылающим ядом простреливает все мое тело.

Годбоул вопит:

— Говори, ублюдок! Ну, как ты победил в телешоу? Кто подсказывал ответы? Сознайся, и мучения кончатся. Получишь хороший горячий обед. Можешь даже пойти домой.

Но дом — это далеко и нереально. А уж от горячего меня сразу стошнит. Если долго не есть, голод съезживается и умирает, оставляя после себя лишь тупую боль в подложечной ямке.

Накатывает первая волна тошноты. Начинаю терять сознание. Сквозь густой туман вижу высокую женщину с развевающимися волосами. Ветер воет за ее спиной, и длинные локоны, черные как смоль, закрывают лицо. На женщине белое сари из тонкой ткани, которая полощется и трепещет подобно легкому воздушному змею. «Сын мой... — плачет она, воздевая руки. — Сыночек... Что они с тобой делают?»

— Мама! — кричу я и рвусь к ней через пропасть из тумана и мглы.

Однако инспектор грубо хватает меня за воротник. Отчаянно перебираю ногами, ни на шаг не приближаясь к цели. Годбоул бьет меня, и дурнота отпускает.

Инспектор вновь протягивает черную ручку без колпачка. Перо отливает золотом. На кончике поблескивают синие чернила.

— Подписывай! — требует Годбоул.

Бумага составлена очень просто. «Я, Рама Мохаммед Томас, настоящим подтверждаю, что десятого июля принимал участие в телешоу „Кто хочет стать миллиардером?“ и признаюсь, что ради победы прибегнул к мошенничеству. Я не знал ответов на все вопросы. Настоящим отказываюсь претендовать на главный, а также любой другой выигрыш и прошу прощения. Я пишу это заявление в трезвом уме и здравой памяти, без какого-либо нажима с чьей-либо стороны. Подпись: Рама Мохаммед Томас».

Можно не сомневаться: еще немного, и я сделаю так, как он хочет. Долго не выдержу. Меня всегда учили не перечить полиции. Уличные мальчишки, подобные мне, находятся в самом низу пищевой цепочки. Выше нас — мелкие преступники вроде карманников. Над ними — ростовщики с вымогателями. Потом идут мафиози, потом — крупные

дельцы, но выше всех — констебли. В их руках — инструменты власти в чистом ее виде. Полиции никто не указ — как призвать к порядку служителя порядка? Так что я, конечно, поставлю подпись. Через полсотни затрещин. Через пять, от силы шесть ударов током.

Внезапно из коридора доносится какой-то шум. Кричат констебли. Кто-то говорит на повышенных тонах. Дверь вздрагивает и с грохотом распаивается. В кабинет врывается молоденькая женщина, стройная, среднего роста. У нее изящно выгнутые брови и красивые зубы. В середине лба — крупная синяя бинди.^[8] Одежда состоит из белого камеза,^[9] синей дупатты^[10] и кожаных сандалий. В незнакомке явно есть что-то мистическое.

Годбоул настолько растерян, что прикасается проводом к собственной руке и взвизгивает от боли. Он готов уже вытолкать непрошеного гостя вшаей, но вдруг понимает: перед ним дама.

— Кто вы такая, черт побери? Почему врываетесь без спроса? Не видите, я занят!

— Меня зовут Смита Шах, — невозмутимо сообщает женщина. — Я адвокат мистера Рамы Мохаммеда Томаса.

И, посмотрев на меня, поспешно отводит глаза.

Инспектор ошарашен. Он даже не замечает моего изумления. Впервые вижу эту Смиту Шах. У меня и на такси-то не хватит, не то чтобы нанять защитника.

— Простите? — хрипит Годбоул. — Вы сказали — адвокат?

— Да. И все, что сделали с моим клиентом, неприемлемо и абсолютно противозаконно. Я требую прекратить подобное обращение. Согласно параграфам триста тридцатому и триста тридцать первому уголовного кодекса Индии, он имеет право подать в суд. Немедленно предоставьте бумаги на его арест. Я вижу, никто не ведет протокол допроса. И обвинение не было предъявлено в надлежащем порядке, как требует двадцать вторая статья конституции. К тому же вы нарушили параграф пятидесятый уголовного кодекса. Теперь, если у вас нет официального ордера, я забираю клиента для личной консультации.

— Э-э... ммм... Я... Я должен поговорить с комиссаром. Погодите минутку, — вот и все, что удается выдать из себя Годбоулу.

Он беспомощно смотрит на женщину, качает головой и выскальзывает из кабинета.

Я впечатлен. Никогда не подозревал, что адвокаты наделены такой властью над полицейскими. Придется пересмотреть пищевую цепочку.

Не знаю, когда именно инспектор вернулся и что сказал непрошеной защитнице или что она ему сказала: я отключился раньше. От боли, голода и счастья.

Сажу на кожаном диване. В руках дымится чашка чая. Квадратный стол усеян газетами, которые придавлены стеклянным пресс-папье и красной настольной лампой. Стены покрашены в цвет гвоздики. Кругом висят свидетельства и дипломы в рамках. На полках выстроились толстые черные книги с позолоченными буквами на корешках.

Смита возвращается с тарелкой и стаканом. Пахнет едой.

— Вы, должно быть, голодны. Я принесла немного салата и колу. Это все, что нашлось в холодильнике.

Ловлю ее за руку. Ладонь теплая и чуть влажная.

— Спасибо.

Я до сих пор не ведаю, как и почему она очутилась в полиции. Говорит, прочла об аресте в газетах и примчалась, как только смогла. И вот я у нее дома, в Бандре. Лучше не любопытствовать, когда и зачем эта женщина привезла меня сюда. Чудо есть чудо, и не нужно вопросов.

Принимаюсь за угощение, так что за ушами трещит. Набрасываюсь на чапати. Уписываю салат. Выпиваю всю колу. Ем, пока глаза не лезут из орбит.

Поздний вечер. Я уже покушал и поспал. Сажу на большой кровати с голубым покрывалом. У моей бывшей хозяйки, кинодивы Неелимы Кумари, спальня была другая. Вместо зеркал и полок, уставленных наградами, тут книги и огромный плюшевый мишка со стеклянными глазами. Зато есть такой же телевизор «Сони» и даже DVD-плеер.

На краю постели сидит Смита, в руках у нее диск.

— Смотри, я раздобыла копию записи с твоего телешоу. И мы с тобой изучим его самым тщательным образом. Тебе придется в точности рассказать мне, как было дело, почему ты ответил на все вопросы. Но говорить нужно только правду.

— Правду?

— Даже если ты обманул их, мое дело — защищать. Твои слова не будут использованы против тебя в суде.

В голову закрадываются первые сомнения. Не слишком ли все хорошо, чтобы оказаться правдой? Уж не Джонсон ли подмазал эту женщину, чтобы вытянуть позорное признание? Можно ли ей доверять?

Пора принимать решение. Достаяю из кармана монетку в одну рупию. Орел — иду на сотрудничество. Решка — делаю ручкой.

Монетка взлетает в воздух. Орел.

Я спрашиваю:

— Знаешь Альберта Фернандеса?

— Нет. А кто это?

— У него подпольная фабрика в Дхавари. Выпускает застёжки к ремешкам от часов.

— Ну и?

— Он любит резаться в «матка».

— «Матка»?

— Запрещенная карточная игра.

— Понятно.

— Так вот, Альберт Фернандес любит резаться в «матка», и в прошлый вторник случилось что-то поразительное.

— Что же?

— Он выиграл пятнадцать раз кряду. Представляешь? Загреб за вечер пятьдесят тысяч рупий.

— Ну и что? Не вижу связи.

— Разве? Ему повезло в карты. Мне повезло на шоу.

— Хочешь сказать, что ты по чистой случайности двенадцать раз выбрал верный вариант?

— Нет. Ответы-то я знал.

— Ты знал ответы?

— Да. На каждый из вопросов.

— Тогда при чем здесь удача?

— Так ведь они спрашивали только то, что я твердо мог сказать!

Выражение на ее лице говорит мне все. Не в силах терпеть, я разражаюсь печальной и гневной тирадой:

— Понимаю, о чем ты думаешь. Годбоул тоже удивлялся, с чего меня понесло на ту викторину. Ты тоже считаешь меня способным лишь подносить жареного цыпленка да разливать за стойкой виски. Живи как собака и сдохни как насекомое. Верно?

— Нет, Рама. — Она берет меня за руку. — Этого я никогда не подумаю. Но ты пойми. Я собираюсь тебе помочь и должна уяснить, каким образом ты добился выигрыша. Честно говоря, понять трудно. Боже, да я сама не ответила бы на половину вопросов.

— Те, у кого нет денег, тоже умеют задавать вопросы. Держу пари, если бы викторину устроил бедняк, любой богач провалился бы на первом же туре. Пусть я не в курсе, какая валюта во Франции, но без запинки отвечу, сколько денег задолжал Шалини Таи соседу-заимодавцу. Понятия не имею, кто первым ступил на Луну, зато легко скажу, кто в Дхавари выпустил первый пиратский DVD. Ну-ка попробуй, разгадай мою викторину!

— Послушай, Рама, не горячись. Я не собиралась тебя обидеть. Наоборот, хочу помочь. Если ты не врал, объясни, откуда взял ответы.

— Не могу.

— Почему?

— А ты замечаешь каждый свой вдох и выдох? Нет. Но при этом знаешь, что дышишь? Вот и я знал. Хотя не учился в школе. И не читал книг.

— Получается, мне нужно выслушать историю твоей жизни, чтобы докопаться до истины?

— Может, и так.

Смита кивает.

— Значит, вот он, ключ к разгадке. В конце концов, на викторинах проверяются не столько познания, сколько память. — Она оправляет голубую дупатту и смотрит мне прямо в глаза. — Итак, я готова выслушать твои воспоминания. Можешь начать с самого начала.

— В смысле с рождения?

— Нет. С первого вопроса. Но прежде пообещай мне, Рама Мохаммед Томас, говорить одну правду.

— То есть, как выражаются в кино, «правду, только правду, и ничего, кроме правды»?

— Именно.

Я выпускаю глубокий вздох.

— Хорошо, обещаю. А где же книга для присяги? Сойдет любая: Бхагавадгита, Библия, Коран.

— В этом нет необходимости. Я твой свидетель. А ты — мой.

Смита достает из футляра блестящий диск и вставляет его в DVD-плеер.

ТЫСЯЧА РУПИЙ: СМЕРТЬ ГЕРОЯ

Отзвенел третий звонок. Пурпурный занавес готов подняться. Огни потихоньку гаснут, лишь красные буквы «ВЫХОД» продолжают мерцать горячими угольями в полумраке зала. Продавцы поп-корна и прохладительных напитков неторопливо расходятся. Салим и я занимаем свои места.

Салим — мой лучший друг. Это первое, что вам следует знать о нем. Второе — он обожает хинди-кино.^[11] Правда, не все. Лишь то, в котором играет Армаан Али.

Говорят, вначале был Амитабх Баччан. За ним пришел Шахрух Кхан. Теперь вот — Армаан Али. Верховный киногерой. Тот, из-за кого трепещут сердца миллионов.

Салиму нравится Армаан. Точнее, парень преклоняется перед ним. Из тесной комнатки моего друга в чоуле^[12] сделан храм. Стены обклеены всевозможными плакатами, изображающими знаменитого актера. Армаан в кожаной куртке. Армаан на мотоцикле. Армаан без рубашки, с обнаженной волосатой грудью. Армаан с пистолетом. Армаан в седле. Армаан в бассейне в окружении красавиц.

Мы сидим в первом ряду бельэтажа в кинотеатре Бандры под названием «Регал токиз». А-двадцать один и А-двадцать два. Вообще-то это не наши места. На билетах не написано: «БЕЛЬЭТАЖ, цена сто пятьдесят рупий». Там сказано: «ПАРТЕР, двадцать пять р.». Но билетер сегодня в духе — расщедрился, позволил наслаждаться видом сверху, партер-то все равно пустой. Даже на балконе почти безлюдно. На рядах перед нами не больше двух дюжин людей.

Обычно мы с другом занимаем места в партере. Там удобнее свистеть и улюлюкать. Салим убежден: близость к экрану затягивает в мир фильма. По его словам, достаточно протянуть руку — и коснешься любимого героя. Можно пересчитать вены на его бицепсах, увидеть, как сверкают белки его зеленовато-карих глаз, различить еле заметную щетину на раздвоенном подбородке и даже крохотную черную родинку на точеном носу.

Я не в таком уж восторге от Армаана Али. По-моему, он в каждом фильме играет одинаково. Но мне тоже нравится быть в первых рядах, как можно ближе к гигантскому экрану. Отсюда грудь героини кажется объемнее.

Занавес поднят, и мерцающее полотно оживает. Вначале идет реклама. Четыре частных ролика и один правительственный. Нам растолковывают, как добиться блестящих успехов в учебе и стать чемпионом по крикету, поедая на завтрак хлопья «Корн флейкс». Как ездить на быстрых машинах и завоевывать роскошных девчонок, используя «Спайс колон» («У Армаана такой же!» — восклицает Салим.). Как достичь повышения и носить одежду, сияющую белизной, с помощью «Рома суп». Как жить по-королевски, попивая виски «Ред энд уайт». И как умереть от рака, выкуривая по несколько сигарет в день.

После роликов — короткая пауза: меняют бобины с пленкой. На широком экране вспыхивает сообщение, из которого мы узнаем, что фильм отснят на семнадцати бобинах и что полная длина пленки — четыре тысячи шестьсот тридцать девять метров пятнадцать сантиметров. Сертификат, как всегда, подписала некая миссис М. Кейн, председатель совета цензоров. Салим постоянно спрашивает меня об этой леди. Завидует по-черному. Ведь она смотрит фильмы с Армааном раньше всех.

Начинаются титры. Мой друг знает каждого, кто принимал участие в съемках: костюмера, парикмахера-стилиста, гримера. Салим помнит, как зовут главного технического консультанта, продюсера, звукорежиссера и всех до единого ассистентов. Он не силен в английском, однако буквы читает хорошо, даже маленькие. Парень смотрел картину восемь раз и так понемногу выучил имена. Но видели бы вы сейчас его сосредоточенное лицо — ни дать ни взять зритель на главной премьере, прикупивший билет у спекулянтов!

Спустя две минуты на сцене появляется великий Армаан Али — выпрыгивает из белого с синим вертолета. Глаза Салима загораются тем же простодушным восторгом, как и год назад, когда он впервые увидел своего героя. Лицом к лицу.

Мой друг влетает в комнату и валится ничком на постель.

— Салим! — пугаюсь я. — Салим!.. Да что стряслось-то? Почему ты так рано?

Переворачиваю парня на спину. Тот смеется.

— Сегодня произошло невероятное! Это самый счастливый день в моей жизни, — заявляет он.

— Говори же! Ты выиграл в лотерею?

— Нет. На свете есть вещи получше. Я встретил Армаана Али.

Он задыхается от восторга, но слово за словом я вытягиваю из друга эту историю. Салим заметил своего любимого актера, совершая обычный объезд по Гаткопару. Мужчина как раз выходил из «мерседеса», направляясь к пятизвездочной гостинице. Мой друг проезжал мимо — вез упаковку с ленчем последнему заказчику. Увидев кинозвезду, он выскочил из набирающего скорость автобуса, едва не угодил под колеса «марути»^[13] и бросился вслед за кумиром. Но тот уже вращал стеклянную дверь гостиницы. На входе растрепанного парнишку остановил высокий и крепкий охранник в униформе.

— Армаан! — в отчаянии завопил бедняга, пытаясь привлечь внимание актера.

О счастье! Тот услышал крик, замер и обернулся. Их взоры встретились. Кумир неуловимо улыбнулся, еле заметно кивнул и ушел в глубь фойе. Салим позабыл обо всем на свете и бросился домой, ко мне, чтобы огорошить меня потрясающей вестью. Последний клиент в этот день так и остался без ленча.

— Ну, отличается он от того, что мы видели в кино? — допытываюсь я.

— Нет, — мотает головой мой друг. — В жизни Армаан даже лучше, выше и красивее. Мечта моей жизни — пожать ему руку хотя бы однажды. Я бы, наверное, месяц не притронулся к мылу после такого.

Пожалуй, это здорово — иметь простую незамысловатую мечту. К примеру, о том, чтобы пожать руку кинозвезде.

А между тем на экране вышеупомянутая длань сжимает пистолет, наставленный на троих полицейских. В этом фильме Армаану досталась роль гангстера. Бандита с золотым сердцем, который обирает богатых и наделяет бедных. По ходу дела он влюбляется в

героиню, сыгранную подающей надежды актрисой по имени Прия Капур, поет шесть песен, а также исполняет желание любимой матери, взяв ее с собой в паломничество к храму Ваишно Деви.^[14] Вот по крайней мере что мы успеваем увидеть до перерыва.

Зрители в партере приветствуют выход Прии Капур улюлюканьем. Высокая привлекательная актриса несколько лет назад завоевала титул «Мисс Мира». Ее тело напоминает классические статуи красавиц. Налитая грудь, тонкая талия. В последнее время она стала моей любимицей. В фильме Прия часто дует губки и без конца повторяет комику: «Заткнись». Мы хохочем до слез.

— Ну хорошо, твоя мечта пожать Армаану руку, — обращаюсь я к Салиму. — А он-то мечтает о чем-нибудь, как думаешь? У этого парня есть все — смазливость, слава, счастье.

— Ошибаешься, — мрачнеет мой друг. — У него нет Урваши.

Газетчики наперебой трезвонят о разрыве кинозвезды с любимой девушкой после девяти месяцев головокружительного романа. Носятся слухи, что сердце Армаана разбито. Согласно всеобщей молве, бедняга не ест и не пьет. Вроде бы даже готов наложить на себя руки. Зато Урваши Рандхава вернулась к оставленной карьере модели.

Мой друг рыдает. Лицо у него красное и мокрое от слез. Парень не прикасался к еде целый день. Стеклянная рамочка в виде сердца, куда он вклеил снимок Армаана в обнимку с любимой (потратив на это дорогое удовольствие половину скудной зарплаты), валяется на полу. Она разбита на сотню осколков.

— Послушай, Салим, ты ведешь себя как маленький, — утешаю я. — Ведь уже ничего не поделаешь.

— Если б мы только могли побеседовать! Я бы его утешил. Взял бы за руку и дал выплакаться на моем плече. Говорят, от этого на сердце становится легче.

— А что изменилось бы? Урваши-то к нему не вернется.

Друг изумленно поднимает глаза:

— Полагаешь, мне нужно с ней объясниться? Переубедить? А что, вдруг получится? Я скажу ей, что разрыв — большая ошибка. Что Армаан грустит и сокрушается...

Неодобрительно качаю головой. Не хватало еще, чтобы он метался по Мумбаи в поисках ветреницы Урваши.

— Незачем тебе совать нос в чужие дела. Не принимай их заботы близко к сердцу, Салим. Армаан Али — взрослый мужчина, сам разберется.

— Тогда я хотя бы сделаю ему подарок.

Мой друг уходит в лавку, покупает тюбик «Февикола» и принимается склеивать рамку. Работа занимает целую неделю, зато украшение снова цело. И только паутина расходящихся черных штрихов напоминает о случившейся беде.

— Это символ, — радуется Салим. — Даже разбитое сердце можно заново склеить. Обязательно пошлю Армаану.

— Вместе с «Февиколом»?

— Нет. С любовью и нежностью.

Друг заворачивает рамку в чистую тряпочку и отправляет по домашнему адресу Али. Не знаю, получил Армаан подарок или нет. Посылку могли расколотить на почте, мог выбросить охранник или секретарша. Главное, Салим убежден, что помог своему герою залечить душевные раны. Актер тоже склеился и даже вернулся к съемкам блокбастеров. Один из которых мы и смотрим сейчас. Я — в первый, а Салим — в девятый раз.

С экрана льется песня благочестивого содержания. Армаан с матерью карабкаются в гору к усыпальнице.

— Говорят, Мата Ваишно Деви исполняет любое желание. Чего бы ты у нее попросил, Салим? — интересуюсь я.

— А ты?

— Наверное, денег.

— А я — чтобы Армаан помирился с Урваши, — отвечает мой друг не моргнув глазом.

«ПЕРЕРЫВ» — сообщает экран жирными красными буквами.

Мы встаем, разминаем уставшие руки и ноги, берем у торговца пару непропеченных самос.^[15] Мальчишка, продающий безалкогольные напитки, угрюмо глазеет на пустые места. Сегодня ему много не заработать. Мы отправляемся в туалет. Там красивая белая плитка, полно писсуаров и чистые умывальные раковины.

У нас уже есть любимые писсуары. Салим обычно пользуется крайним справа, ну а я предпочитаю одиночный у левой стены. Пока облегчается мочевого пузырь, читаю граффити на плитках. ТРАХНИ

МЕНЯ... ЗДЕСЬ ПИСАЛ ТИНУ... ШИНА — СТЕРВА... Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПРИАНКА.

Прианка? Отколотить бы того, кто испортил последнюю надпись! Поплевав на ладонь, пытаюсь оттереть лишние буквы, но черный маркер почти не смывается. В конце концов отскребаю дурацкий суффикс ногтями. Граффити приобретает первоначальный вид: «Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ, ПРИЯ». Сам написал четыре месяца тому назад.

Раздается второй звонок. Перерыв закончен. Сейчас начнется фильм. Салим уже посвятил меня в дальнейший сюжет. Армаан и Прия споют в Швейцарии, прежде чем девушка погибнет от рук банды соперников. Али расправится в отместку с сотней плохих парней, выведет на чистую воду продажных политиканов и полицейских, после чего умрет геройской смертью.

Возвращаемся. В кинозале снова темнеет. Вдруг на балкон заходит высокий мужчина и присаживается возле Салима. Перед ним две сотни свободных мест, однако незнакомец выбирает А-двадцать. Лица не разглядеть, хотя, судя по длинной струящейся бороде, это глубокий старик. Если не ошибаюсь, на нем костюм патана.^[16]

Меня разбирает любопытство. Почему этот человек явился к середине картины? Может, заплатил полцены? А вот моему другу все равно. Он вытягивает шею, предвкушая любовную сцену, что вот-вот начнется.

Армаан приезжает в Швейцарию якобы по делам, а в действительности ради романа с Прией и, разумеется, песни, во время которой к ним присоединяются двадцать белых танцовщиц в национальных костюмах, подозрительно легких для горной страны с холодным климатом. Но вот музыкальный номер окончен. Али сидит в гостинице у потрескивающего камина.

Героиня принимает ванну. Сначала мы слышим, как журчит вода и Прия мурлычет какую-то мелодию. Потом видим девушку. Та намыливает себе спину. Поднимает ногу, покрытую радужными пузырьками, и ополаскивает из душа. Мы все надеемся, что Прия смое пену и с груди, но актриса нас разочаровывает.

В конце концов она выходит из ванны, облаченная в одно лишь розовое полотенце. Черные как смоль волосы, распущенные по плечам, влажно мерцают. На длинных и гладких ногах нет ни единого

волоска. Взяв героиню за плечи, Армаан осыпает ее лицо поцелуями. Губы опускаются ниже, к нежной впадинке на шее. Струится тихая романтическая музыка. Прия расстегивает его пуговицы, и Али медленно избавляется от рубашки, обнажая мужественную грудь. Жар камина окутывает тела влюбленных золотой дымкой. Красавица глухо постанывает. Затем изгибает спину и позволяет Армаану ласкать свою шею. Его рука скользит за спину актрисы, тянет за полотенце. Розовая ткань распускается и падает к ногам Прии. Перед глазами зрителей на миг мелькают восхитительные бедро и спина. Грудь нам не показывают. Салим убежден, что во всем виновата цензура. Еще бы после этого не завидовать миссис Кейн.

И вот уже герой заключает возлюбленную в объятия. От протяжных вздохов ее прекрасный бюст вздымается, на лбу выступают бисеринки пота. Партер свистит и улюлюкает. Старик рядом с нами беспокойно ерзает на сиденье, скрестив ноги. По-моему, он почесывает свою мошонку.

— Ишь как дедуля-то разрезвился, — шепчу я на ухо Салиму.

Однако другу не до нас. Ведь он, разинув рот, глазает на сплетенные тела, извивающиеся в слаженном ритме под тихую музыку на заднем плане. Камера проходит над спиной актера, которая поднимается и опускается все чаще, и крупным планом берет камин, где, разгораясь, бушует золотое пламя и лижет дрова. Затемнение.

У нас на кухне, в чоуле, печка примерно таких же размеров. Однажды вхожу и вижу: Салим растопил ее бумагой вместо дров.

— Мерзавцы!.. Собаки! — бормочет он и раздирает в клочья плотную глянцевую страницу.

— Что ты делаешь? — пугаюсь я.

— Мщю негодяям, которые оклеветали Армаана, — произносит парень, бросая в погребальный костер новую стопку листов.

Оказывается, он рвет какой-то журнал.

— Что это? — любопытствую я. — Номер-то совсем новый.

— Да, свежий «Старбест». И я уничтожу столько копий, сколько попадется мне в руки. В ларьке было только десять.

Выхватываю из стопки уцелевший журнал. На обложке над снимком Армаана Али кричащий заголовок: «ГОЛАЯ ПРАВДА ОБ ЭТОМ ЧЕЛОВЕКЕ».

— Погоди, здесь же твой кумир! — восклицаю я. — За что его в печку?

— Там написаны ужасные вещи.

— Ты ведь не умеешь читать.

— Немного умею. И потом, у меня есть уши. Сам слышал, как миссис Барве и миссис Ширке упоминали непристойные обвинения в адрес Армаана, о которых здесь говорится.

— Например?

— Якобы Урваши оставила Али, так как он ее не удовлетворял. Дескать, он голубой!

— Ну и?

— Думаешь, я позволю безнаказанно порочить своего героя? Я же знаю, это неправда, вздор от начала до конца! У Армаана полно завистников, готовых пойти на любые козни, лишь бы очернить его доброе имя. Но я не дам им преуспеть. Пойду и подпалю редакцию!

Ярость Салима беспредельна. Еще бы: мой друг ненавидит геев. Бросить на кого-либо тень гомосексуализма — значит нанести несмываемое оскорбление.

Я тоже кое-что знаю об извращенцах. О том, как они поступают с неопытными мальчиками. В темных коридорах. В общественных туалетах. В городских парках. В домах для малолеток.

К счастью, в следующем выпуске редакция берет обвинение обратно. Лишь это спасает даббаваллу^[17] от участи поджигателя.

Меж тем страсти распалются не только на экране. Сосед перемещается ближе к Салиму и как бы ненароком касается его голени. В первый раз мой друг решает, что сам виноват. Второй принимает за случайное совпадение. Третий убеждает его, что дело нечисто.

— Мохаммед, — шепчет Салим, — если этот хрыч не перестанет дергаться, такого пинка получит!..

— Да он же старый, — отзываюсь я. — Может, нога заболела?

Тут начинается эпизод боя — и картина снова поглощает моего друга. Армаан врывается в логово злодея и, пользуясь одновременно приемами бокса, карате и кунгфу, задает противнику жару.

Кстати, неугомонному старикашке тоже не сидится спокойно. Первым делом он опирается на общий подлокотник и понемногу

легонько прижимается к руке Салима. Тот ничего не замечает: он весь в напряженном ожидании кульминации.

Близится знаменитая сцена фильма. Та, в которой Армаан Али умирает, прикончив плохих парней. Его одежда вымокла в крови. По всему телу — дырки от пуль. Брюки покрыты пылью и грязью. Актер ползет по земле навстречу матери, которая только что появилась в кадре.

Обливаясь слезами, мой друг тянется к экрану и страдальчески шепчет:

— Надеюсь, мама, я был хорошим сыном. Не плачь обо мне. Помни: лучше погибнуть геройской смертью, чем жить как трус.

Армаан опускает окровавленную голову на колени матери. А потом произносит, подражая Салиму:

— Надеюсь, мама, я был хорошим сыном. Не плачь обо мне. Помни: лучше погибнуть геройской смертью, чем жить как трус.

Бедная женщина рыдает. Ее горячие слезы орошают лицо Армаана. Тот нежно берет мать за руку. Его грудь передергивает судорога.

Я тоже плачу. Перед глазами возникает иная женщина, которая осыпает дитя поцелуями, прежде чем опустить крохотное тельце в корзину для одежды, обернув потеплее. Где-то злобно воет ветер. Звучат сирены. Полицейские, как всегда, приезжают слишком поздно. Герой выполнил их работу. А вот ему теперь никто не поможет.

Замечаю краем глаза: ладонь бородатого соседа покоится на колене Салима. Парень так захвачен сценой смерти, что даже не реагирует. Старик наглет и принимается потирать джинсы моего друга. Пока на экране Армаан испускает последние вздохи, мужчина давит на промежность Салима и наконец почти обхватывает ее. Опомнившись, друг подпрыгивает.

— Ты, грязный ублюдок! Извращенец вонючий! Убью! — кричит он и вlepляет соседу пощечину.

Тот поспешно убирает руку и пытается встать. Салим хочет поймать его за шиворот, но промахивается и хватает седую бороду. Она вдруг отделяется и остается у него в ладони. Мужчина вскакивает и с придушенным криком устремляется к выходу, до которого всего лишь каких-то двадцать футов.

В этот самый миг что-то происходит с электричеством. Мерцающее полотно гаснет, зато в темном зале загорается аварийное освещение. Беглеца огни застают врасплох. Он замирает, как олень, угодивший в лучи фар, и беспомощно озирается.

Неожиданно электричество включают снова. Аварийные лампы меркнут, и картина продолжается как ни в чем не бывало. Мужчина бежит к черным шторам, над которыми светится надпись «ВЫХОД», и скрывается за ними, грохнув дверью.

Заминка длилась не более секунды. Но мы успели заметить зеленовато-карюю вспышку в глазах. Точеный нос. И раздвоенный подбородок.

По экрану ползут заключительные титры. Салим по-прежнему сжимает в руке спутанные седые волосы со слабым запахом одеколona и спиртового клея. На сей раз парень не видит имен дизайнера и костюмера, осветителей и их помощников, постановщика драк и оператора. Мой друг рыдает.

Армаан Али, его герой, только что умер.

Смита скептически щурится.

— Когда именно произошел этот инцидент?

— Лет шесть назад. Мы еще жили в Гхаткопаре, снимали комнату в чоуле.

— Ты хоть представляешь всю серьезность своих слов?

— А что?

— Да ведь когда история выплывет на свет, карьере Армаана Али конец. Разумеется, если это правда.

— Все еще не веришь?

— Я так не говорила.

— Твои глаза полны сомнения. Впрочем, как пожелаешь. Мое доказательство здесь, на DVD. Посмотрим первый вопрос?

Адвокат кивает и нажимает на пульте кнопку «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ».

В студии сумрачно. Лица зрителей едва различимы. Единственный прожектор выхватывает из темноты меня в кожаном вращающемся кресле. Напротив сидит Прем Кумар. Нас разделяет

полукруглый стол. Передо мной — огромный экран. Сейчас на него будут проецировать ответы. На табло горит надпись: «Тишина».

— Камеры поехали, три, два, один, начали.

Звучит характерная мелодия. Студию заполняет рокочущий голос ведущего:

— И вот мы снова с вами! Кто же тот счастливчик, что переменит ход истории, сорвав самый крупный выигрыш на планете? Да, леди и джентльмены, мы опять собираемся выяснить: Кто Хочет Стать Миллиардером?

«Аплодисменты» — загорается на табло. Зрители начинают хлопать. Слышится свист и одобрительные возгласы болельщиков.

Вступительная мелодия умолкает.

— Сегодня вечером с нами три участника, которых наугад выбрал компьютер, — объявляет Прем Кумар, — Под номером три играет Капил Чоудари из Мальды, что в Западной Бенгалии. Участник номер два — профессор Хари Парикх из Ахмедабада, ну а первый везунчик — это восемнадцатилетний Рама Мохаммед Томас из нашего родного Мумбаи. Поприветствуем его взрывом аплодисментов, леди и джентльмены!

Все хлопают. Дождавшись, пока шум утихнет, Прем Кумар поворачивается ко мне.

— Какое интересное у вас имя: Рама Мохаммед Томас. Оно, без сомнения, отображает богатство и разнообразие индийской культуры. Чем вы занимаетесь, мистер Томас?

— Я официант в баре-ресторане «У Джимми» в Колабе.

— Официант! Ну разве не любопытно? Скажите, а сколько вы зарабатываете в месяц?

— Примерно девятьсот рупий.

— И все? А как вы поступите, если победите сегодня?

— Не знаю.

— Не знаете?

— Нет.

Ведущий сердито хмурится. Согласно сценарию, я должен «раскованно» и «весело» поддерживать «легкую беседу». Ожидалось, что я пообещаю купить ресторан, самолет или остров. Или хотя бы закатить шикарную вечеринку. Жениться на «Мисс Индия». Отправиться в путешествие на Тимбукту.

— Хорошо. Объясняю правила. Получаете двенадцать вопросов, отвечаете на каждый из них правильно — и вы обладатель величайшего куша в истории — миллиарда рупий! Вам разрешается в любой момент покинуть игру и забрать честно выигранные деньги — но только до девятого вопроса! Потом — либо-либо. Но мы еще поговорим об этом, когда придет время. Если не знаете ответа — не стоит пугаться, потому что у вас есть целых две «Спасательных Лодки»: «Звонок Другу» и «Пятьдесят на Пятьдесят». Итак, полагаю, все с нетерпением ожидают первого вопроса. Готовы?

— Да, готов, — отвечаю я.

— Отлично, и вот оно — задание номер один. Очень простое, из области популярного кино. Убежден, в нашей аудитории с ним справится кто угодно. Все мы знаем, что Прия Капур и Армаан Али составили на широком экране самую удачную пару последнего времени. Но можете ли вы назвать знаменитую картину, в которой эти звезды впервые снялись вместе? Варианты: а) «Огонь», б) «Герой», с) «Голод» и d) «Предательство».

Звучит напряженная фоновая музыка, сквозь которую слышится, как четко тикает невидимая бомба.

— Д) — «Предательство», — говорю я.

— Вы ходите в кино?

— Да.

— Смотрели этот фильм?

— Да.

— И вы совершенно, на сто процентов уверены в своем ответе?

— Да.

Раздается барабанная дробь. На экране вспыхивает правильный вариант.

— Совершенно, на сто процентов верно! — восклицает Прем Кумар. — Вы только что выиграли тысячу рупий! А у нас небольшая рекламная пауза.

Студийное табло призывает к аплодисментам. Зрители хлопают. Ведущий улыбается. Я — нет.

ДВЕ ТЫСЯЧИ РУПИЙ: БРЕМЯ СВЯЩЕННИКА

Если вы когда-нибудь приезжали в Дели на поезде, то, по всей видимости, знаете Пахаргандж. Это шумный и пыльный вокзал, на выходе из которого вы почти наверняка свернули налево, к площади Коннаут, минуя многолюдный рынок и недорогие гостиницы с дешевыми проститутками для туристов. А вот сверни вы направо, прошли бы мимо Женской больницы и молочного магазина, и прямо перед вами возникло бы красное здание с большим белым крестом — церковь Святой Марии. Восемнадцать лет назад я здесь появился на свет. Точнее говоря, был оставлен холодной рождественской ночью двадцать пятого декабря. Подброшен в огромную, выставленную монашками корзину для старой одежды. Перст подозрения всегда указывал на родильное отделение больницы. Похоже, что, едва разрешившись от бремени, мать — по причинам, известным лишь ей одной, — вынуждена была оставить меня.

Я часто рисую себе эту сцену. Высокая грациозная женщина в белоснежном сари с младенцем на руках покидает больницу после полуночи. Ревет и беснуется ветер. Ее длинные черные волосы развеваются, скрывая лицо. Под ногами шуршат сухие листья, струится вихрями пыль. Полыхает молния. Женщина тяжелой поступью движется к церкви, прижимая к своей груди малыша. Вот она у самых дверей. Но завывания бури заглушают стук железного молотка. Время на исходе. Обливаясь горькими слезами, женщина осыпает младенца поцелуями, а потом опускает его в корзину, пристроив поудобнее на старых тряпках. Долго смотрит на сына прощальным взором, наконец отводит глаза, бежит прочь от камеры и растворяется в ночи...

Сестры Святой Марии владели детским приютом, а также агентством по усыновлению. Так что меня наравне с прочими сиротами предлагали желающим стать приемными родителями. Всех остальных забрали, но я никому не понадобился. При виде меня будущие мать и отец, наверное, переглядывались и, еле заметно покачав головами, торопились к другой колыбели. Не знаю, почему так

вышло. Может, я был слишком темен. Может, недостаточно красив. Или все время сучил ножками. Может, надо было ангельски улыбаться. Или меньше агукать. Так я провел в приюте два года. Странно, что сестры сами не догадались дать мне имя. Звали просто Малыш. Малыш, который никому не нужен.

В конце концов меня взяли к себе супруги Филомена и Доминик Томас. Родом из Нагеркойла в Тамиле, к тому времени они переехали в Дели. Миссис Томас работала уборщицей в церкви Святого Иосифа, муж ее служил там же садовником. В сорок с лишним они по-прежнему оставались бездетной парой, и приходской священник, отец Тимоти Френсис, настоятельно советовал им подумать о приемном ребенке, дабы заполнить пустоту в семейной жизни. Он даже посоветовал, куда обратиться. Доминик наверняка и не обернулся бы на безымянного Малыша, но Филомена выбрала меня с первого взгляда. Я так чудесно подходил к ее темной коже! Супруги потратили два месяца на оформление бумаг, однако спустя три дня — меня не успели даже крестить — мистер Томас вдруг обнаружил, что пустота в жизни его жены уже заполнена. Не мною, а мусульманином по имени Мастан Шейх, местным дамским портным, специализацией которого были короткие юбки. С ним-то и сбежала миссис Филомена Томас, попросту кинув прежнего мужа и свежеусыновленного мальчика. По слухам, любовники отправились в Бхопал. Трудно сказать, где они сейчас.

Узнав об этом, обманутый супруг впал в ярость и первым делом отнес мою колыбельку к священнику.

— Отче, в этом ребенке кроется корень всех моих бед. Не нужно было нам его навязывать. Сами теперь думайте, как с ним поступить, — заявил он и, прежде чем кюре ответил бы «Аминь», ушел из церкви.

В последний раз мистера Томаса видели покупающим билет до Бхопала. С увесистым дробовиком в руках. Так отец Тимоти взял на себя новую ответственность. Он дал мне пищу, кров и еще дал мне имя: Джозеф Майкл Томас. Обряда крещения не было. Никто не зажег свечей, не опустил меня в купель, не окропил святой водой. И все-таки я сделался Джозефом Майклом Томасом. На целых шесть дней.

А на седьмой святого отца посетили двое. Жирный мужчина в курта-паджама^[18] и худой бородач, облаченный в шервани.^[19]

— Мы из Комитета Всех Вероучений. Меня зовут Ягдиш Шарма, — отрекомендовался толстый. — Это мистер Инаят Хиндаятуллах. К сожалению, третий член правления, мистер Харвиндер Сингх, представитель религии сикхов, задержался в Гурудваре. Перейдем сразу к делу. Нам сообщили, что вы приютили у себя сироту.

— Да, приемные родители уехали, оставив бедного мальчика на мое попечение, — отвечал кюре, ломая голову над причинами столь неожиданного визита.

— И как вы назвали ребенка?

— Джозеф Майкл Томас.

— Разве это не христианское имя?

— Да, но...

— Откуда вы знаете, что истинные родители мальчика были вашей веры?

— Я и не знаю.

— Тогда зачем называть его будто христианина?

— Ну, не ходить же малышу без имени. А что не так?

— Все не так. Неужели вам, отец Тимоти, неизвестно, насколько сильны в наших краях предубеждения против смены религии? Разгневанные толпы сжигают церкви, в которых, как им кажется, происходит массовое обращение в христианство.

— Но это же не обращение.

— Послушайте, отче, мы-то уверены в чистоте ваших побуждений. Однако слух о том, что здесь окрещен мальчик-индуист...

— Да откуда вы знаете, что индуист?

— Отщепенцев, замысливших разнести завтра же вашу церковь, это не очень интересует. Вот почему мы явились помочь. Охладить страсти.

— И что вы предлагаете?

— Переименовать ребенка.

— Что-что?

— Видите ли... Если назвать его в честь одного из наших любимых богов, это может сработать, — предложил мистер Шарма. — Рама, к примеру, звучит неплохо.

Бородач вежливо кашлянул.

— Простите, не подменяем ли мы большее зло меньшим? Хочу сказать, где доказательства, что несчастный малыш родился индуистом? С таким же успехом он может оказаться мусульманской веры. Не лучше ли дать ему имя Мохаммед?

Последующие тридцать минут мистер Шарма и мистер Хиндаятуллах твердили каждый свое. Наконец кюре поднялся.

— Слушайте, если все дело в этом и если всякий сброд оставит мою церковь в покое, то я согласен. Как насчет того, чтобы принять оба ваши предложения? Пусть он будет Рама Мохаммед Томас. Это всех устроит.

Хорошо еще, мистер Сингх в тот день не явился.

Отец Тимоти был высоким белым мужчиной среднего возраста. На церковной земле ему принадлежал просторный дом, окруженный раскидистым фруктовым садом. На целых шесть лет кюре стал мне отцом и матерью, наставником, воспитателем и священником — все в одном. Вспоминая годы, проведенные с ним, я могу утверждать, что видел нечто похожее на счастье.

Отец Тимоти родился в северной Англии, в месте под названием Йорк, но потом на очень долгое время переехал в Индию. Именно благодаря ему я уже в нежном возрасте читал и говорил на безупречном английском. Он разучивал со мной детские стишки, особенно из «Матушки Гусыни». Помню, как, жутко фальшивя, распевал «Ты мигай, звезда ночная»^[20] и «Ты скажи, барашек наш»,^[21] доставляя, наверное, святому отцу приятное развлечение от всех его праведных трудов.

Я чувствовал себя частью одной большой семьи. Кроме самого кюре в доме постоянно находились верный слуга Джозеф и горничная миссис Гонсалес, которая жила поблизости. Да и под окнами вечно болталась куча соседских ребят — дети паяльщиков, сапожников, дворников и рабочих прачечной обожали играть на церковном дворе в крикет и футбол. Отец Тимоти поведал мне о жизни Иисуса Христа, об Адаме и Еве, а уличная родня посвятила в азы своих религий. Так я узнал о Махабхарате и Коране, о хадже Пророка из Мекки в Медину и сожжении Ланки. Вифлеем и Айодхья, Апостол Петр и Хаджи естественным образом воспитывали мою душу и разум.

Однако не стоит заключать из этого, будто бы я рос особенно набожным. Как и всех детей, меня занимали три главных дела: еда, игры и сон. После обеда мы с моими ровесниками ловили бабочек и распугивали пташек в саду кюре. Улучив минуту, пока старина Джозеф прилежно вытирал в кабинете пыль, я несся к манговым деревьям и старался набить карманы спелыми плодами под самым носом у садовника. И если попадался, получал хорошую головомойку на хинди. В дождливый сезон я без удержу плясал по грязным лужам, а иногда ловил в них маленьких рыбок, после чего неизменно чихал и кашлял, чем ужасно расстраивал отца Тимоти. И часто, досыта наигравшись в футбол, возвращался домой в синяках и ушибах, от которых ревел потом ночь напролет.

Приходской священник вел очень активную жизнь. Гулял по утрам, увлекался гольфом, теннисом и волейболом, жадно читал и трижды в год брал короткий отпуск для того, чтобы навестить в Англии престарелую мать. Да, еще он был искусным скрипачом. Почти каждый вечер отец Тимоти выходил в залитый лунным сиянием сад и принимался играть самую задушевную музыку, какую только можно вообразить. И если ночью в дождливый сезон по стеклам бежали прозрачные струи, я знал: это плачет небо, наслушавшись трогательных мелодий.

Мне очень нравилось ходить в церковь. Нравилось ее старинное, тысяча восемьсот семьдесят восьмого года постройки здание с витражами на окнах и внушительной деревянной кровлей, и затейливый резной алтарь, и большое распятие с буквами INRI, и статуя Девы с Младенцем на троне в окружении множества святых. Тиковые скамьи заполнялись только по воскресеньям. Отец Томас читал с кафедры долгую проповедь, а я, как обычно, дремал, просыпаясь лишь тогда, когда всем раздавали вино и облатки. А хоровое пение под органную музыку! А рождественская ель и пасхальные яйца! Жаль, что праздники выпадали так редко. Зато венчания проводились круглый год. Я с замирающим сердцем ждал, пока священник произнесет: «А теперь поцелуйте невесту». И первым бросал конфетти.

Мои отношения с хозяином дома никто не облакал в точные слова. Я и сам не понимал, кем ему прихожусь: сыном или слугой,

нахлебником или домашним любимцем, поэтому в первые годы тешил себя блаженной иллюзией, будто живу с настоящим папой. Однако со временем в душу стали закрадываться подозрения. Во-первых, все прихожане церкви называли кюре отцом, а разве не удивительно иметь сразу столько детей, многие из которых гораздо старше меня? Во-вторых, у нас был разный цвет кожи, и это сильно сбивало с толку. Однажды я взял и спросил его. Кюре поведал правду, хотя и в самых ласковых, осторожных выражениях. Оказалось, что я подкидыш, оставленный в корзине для старой одежды у ворот приюта Святой Марии. Мир детских грез рухнул. В тот день я впервые узнал разницу между биологическим папой и святым отцом. А ночью впервые плакал не от физической боли.

Стоило мне проникнуться мыслью, что в доме я живу не на правах сына, но благодаря великодушию чужого человека, как сердце загорелось желанием отплатить за доброту хотя бы частично. При любой возможности я кидался на помощь. Забрасывал одежду в стиральную машинку. Подолгу сидел и смотрел, как вращается барабан, изумляясь, какое волшебство так чисто удаляет грязь. Однажды запустил туда же пыльные книжки. Старательно мыл посуду. Перебил фарфоровые чашки. Резал на кухне овощи. И чуть не оттяпал себе палец.

Отец Тимоти познакомил меня со многими прихожанами. Например, с миссис Бенедикт, которая бывала на мессе каждый день в любую погоду, пока не подхватила воспаление легких. Еще помню венчание Джессики и то, как она рыдала, когда у ее отца случился сердечный приступ. Меня даже взяли на ужин к австралийскому военному атташе в Дели полковнику Вогу, который, как мне казалось, разговаривал с отцом Тимоти на совершенно незнакомом языке. В другой раз мы были на рыбалке с мистером Лоренсом; бедняга ничего не поймал, зато купил в магазине крупную форель, чтобы предьявить жене.

Все, кого я встречал, не могли нахвалиться на святого отца. Говорили, это лучший кюре в епархии. Сам видел, как он утешал обездоленных, ухаживал за больными, одалживал нуждающимся и даже ел с прокаженными. Отец Тимоти находил улыбку для каждого, ответ на любую беду и библейский стих для всякого события —

рождения, крещения, конфирмации, первого причастия, венчания или смерти.

Воскресенье. Церковь полна людей, собравшихся послушать мессу. Однако сегодня за алтарем отец Тимоти стоит не один. С ним еще человек, тоже в сутане и с белой лентой на шее. По словам кюре, он такой же служитель, хотя с виду походит скорее на боксера.

— ...И для нас огромная радость — приветствовать отца Джона-младшего, присоединившегося к церкви Святого Иосифа в качестве моего помощника. Отец Джон, как видите, намного моложе меня и, хотя вступил в новую должность всего лишь три дня тому назад, обладает большим опытом. Уверен, он быстрее найдет общий язык с прихожанами, большинство из которых, надо полагать, зовут меня за глаза «трухлявым пеньком».

Конгрегация хихикает.

Вечером отец Джон приглашен к нам на ужин. Прислуживать должен старый Джозеф, однако я, желая впечатлить отца Тимоти, беру в кухне тяжелую супницу и нетвердо шагаю к обеденному столу. Чего и ожидать от неопытного семилетки? Разумеется, не успев поставить супницу, я проливаю бульон на гостя. Тот вскакивает словно ужаленный. И первое, что слетает у него с языка:

— Черт побери!

Кюре поднимает бровь, однако не говорит ни слова.

Тремя днями позже мой благодетель уезжает на родину в отпуск, оставив церковь и меня на попечение отца Джона. Встретив его, я вежливо говорю:

— Здравствуйте.

Священник презрительно щурится:

— Это ты, безмозглый подкидыш, облил меня супом на днях! Лучше веди себя тише воды, ниже травы, пока не вернулся отец Тимоти. Я буду очень внимательно следить за тобой.

Джозеф посылает меня отнести отцу Джону стакан молока. Тот сидит перед телевизором.

— Входи, Томас, — приглашает гость. — Хочешь посмотреть кино?

Я гляжу на экран. Картина английская. Кажется, речь идет о церкви: какой-то священник в черном беседует со священником в белом. Приятно узнать, что помощнику нравятся добрые, назидательные фильмы. Впрочем, от следующего эпизода по спине у меня бежит холодок. Девочка моих лет сидит на постели, но это не совсем нормальная девочка. У нее очень странное выражение лица, и глаза вращаются во все стороны. Служитель в черной сутане входит к ней с распятием в руке, и моя ровесница вдруг раздражается самой грязной бранью, какую мне только доводилось слышать. Голос у нее хриплый, словно у пьяного мужчины. Затыкаю пальцами уши, как учил отец Тимоти. Но девочка уже не говорит. Она смеется будто сумасшедшая. Затем разевает рот и выплевывает в священника, словно из садового шланга, клейкую зеленую струю. К горлу подкатывает тошнота. Не выдержав, я убегаю из комнаты. Отец Джон визгливо хохочет вслед:

— Эй, безмозглый подкидыш! Это же просто кино!

Ночью мне снятся кошмары.

Три дня спустя мы с Джозефом идем по магазинам. Покупаем яйца, мясо, муку и овощи. Возвращаемся поздно вечером, и вдруг позади ревет мотоцикл. Я хочу обернуться. В этот миг лихой ездук настигает нас, бьет меня по голове и с визгом уезжает, подняв тучу пыли. Я успеваю разглядеть лишь спину довольно крупного мужчины в кожаной куртке и облегающих черных брюках и седока, одетого точно так же. Остается лишь гадать, кто этот водитель и что я ему сделал. Мне и в голову не приходит подозревать молодого помощника. В конце концов, я всего лишь безмозглый подкидыш.

Проходит неделя. Меня посылают отнести почту в комнату отца Джона. Тот как раз принимает ванну.

— Оставь на столе! — кричит он через дверь.

Собираясь уйти, вдруг замечаю: из-под матраса что-то торчит. Наклоняюсь ближе. Это журнал. Вытаскиваю. Оказывается, там целая стопка журналов — не толстых, но глянцевых. Какие чудные у них названия: «Парад голубых» и «Голубая сила». А ведь мужчины на обложках нормального цвета, разве что голые и волосатые. Поспешно сую находку обратно. И тут отец Джон выходит из ванной. Бедро

обернуты полотенцем, зато вся грудь покрыта картинками и на руках извиваются черные рисованные змеи.

— Ты еще здесь? — сердится он. — А ну, выметайся!

Что это за рисунки на теле и зачем ему странные журналы под матрасом, мне, разумеется, невдомек. Я ведь просто безмозглый подкидыш.

Все чаще у нас по ночам появляются люди чудного вида и напрямик проходят в комнату молодого помощника.

Такое случалось и раньше — к отцу Тимоти приходили за помощью в самые неурочные часы. Правда, никто из страждущих не прикатывал на мотоцикле в черной кожанке и с тяжелой цепью вокруг шеи.

Однажды я решаю проследить за ночным посетителем. Отец Джон открывает ему на стук и торопливо запирает дверь спальни. Я наклоняюсь к замочной скважине. Знаю, это нехорошо, но меня разбирает любопытство. Священник и парень в кожаной куртке садятся на кровать. Отец Джон достает из выдвижного ящика пакет с какой-то белой пудрой. Потом высыпает ее тонкой линией на тыльную сторону левой ладони. То же самое он делает и с ладонью своего приятеля. Оба наклоняются и шумно тянут носами. Пудра исчезает у них в ноздрях. Служитель хохочет, как та девчонка из фильма.

— Клевый порошок, дружище! — восклицает гость. — Даже больно крутой для священника. И чего тебя в церковь занесло?

Отец Джон опять смеется:

— Одежка приглянулась. — Затем поднимается и протягивает посетителю руку: — Иди сюда.

Я в страхе уношу ноги.

Для чего мужчинам пудрить носы? Понятия не имею. Я же безмозглый подкидыш.

Наконец отец Тимоти возвращается из отпуска, чему я несказанно рад. По-моему, его осаждают жалобами на молодого помощника, потому что уже на следующий день в кабинете разражается крупная ссора. Отец Джон вылетает в коридор, хлопнув дверью.

Пасха окончена. Крашеные яйца давно съедены. Наша горничная ходит по дому и постоянно прыскает в ладошку.

— Что случилось, миссис Гонсалес? — интересуюсь я.

— Не слышал? — доверительно шепчет она. — Джозеф застукал отца Джона с женщиной прямо в церкви. Смотри, никому ни слова, особенно отцу Тимоти, иначе такое начнется!

Не понимаю. Кюре и сам постоянно бывает в церкви с мужчинами. Например, когда слушает исповеди.

Сегодня я впервые ступил в исповедальню.

— Да, сын мой, с чем ты пришел? — произносит священник.

— Это я, отче.

Отец Тимоти подсакивает от удивления.

— Томас! Я, кажется, велел тебе не шутить такими вещами!

— Мне надо исповедаться, святой отец. Я согрешил.

— Правда? — Кюре мгновенно смягчается. — Ну и что ты сделал не так?

— Подглядывал в замочную скважину за вашим помощником. И еще смотрел его вещи без разрешения.

— Хорошо, сын мой. Не думаю, что мне стоит это выслушивать.

— Вам придется, святой отец.

И я выкладываю все: и про журналы под матрасом, и про ночных гостей в кожанках, и про белую пудру в носках.

Вечером в кабинете разгорается настоящий скандал. Я слушаю крики под дверь. Кюре заканчивает спор угрозой доложить о поведении отца Джона епископу.

— Я священник, — серьезно произносит он. — А это тяжкая ноша. Если она тебе не под силу, возвращайся в семинарию.

Утром в церковь наведется английский турист. Узнав, что молодой человек тоже родом из Йорка, отец Тимоти пригласил его к себе на несколько дней.

— Ян, познакомься. — говорит он, — это Томас, он живет с нами. Томас, это Ян. Ты столько расспрашивал меня о родном городе, вот наш гость все тебе и расскажет.

Мне нравится Ян. Ему пятнадцать или шестнадцать лет. У юноши нежная кожа, голубые глаза и золотые волосы. Приезжий показывает снимки Йорка.

— Вот это наш главный собор, — поясняет он.

Я вижу огромный храм, красивые сады, музеи, парки.

— А ты не встречал мать отца Тимоти? — допытываюсь я. — Она живет где-то там.

— Нет, но теперь обязательно встречусь, он дал мне адрес.

— А твоя мама тоже из Йорка?

— Да. Только она погибла десять лет назад. Попала под мотоцикл. Ян достает из бумажника фотографию. На ней изображена златовласая женщина с нежной кожей и голубыми глазами.

— Так почему ты приехал в Индию? — не отстаю я.

— Хочу повидаться с папой.

— А чем он занимается?

Молодой человек медлит с ответом.

— Преподает в католической школе в Дехрадуне.

— Почему вы не живете вместе?

— Потому что я учусь в Йорке.

— Тогда почему твой папа не переедет к тебе?

— Есть обстоятельства. Но трижды в год мы все-таки видимся. На этот раз я сам решил нагрязнать в гости.

— Ты его любишь?

— Да, очень сильно.

— Хотел бы никогда с ним не расставаться?

— Конечно. А твои родители, чем они занимаются?

— У меня их нет. Я безмозглый подкидыш.

Три дня спустя отец Тимоти приглашает на ужин с Яном и отца Джона. Они едят, беседуют допоздна, кюре даже играет на скрипке. Где-то после полуночи молодой помощник уходит, а Ян продолжает болтать с отцом Тимоти. Сквозь открытые окна доносится их смех. Почему-то я никак не могу заснуть.

В саду сияет полная луна. Ветер, завывая, раскачивает ветви эвкалиптов и шелестит листвой. Мне хочется в туалет, приходится вставать и идти. Дорога лежит мимо комнаты отца Джона. Внизу под дверью — полоска света. Слышится шум, неясная возня. Подкрадываюсь на цыпочках. Заглядываю в замочную скважину. Внутри творится нечто пугающее. Ян сторбился у стола, молодой помощник склонился сзади над ним. Мужчина совершенно голый, пижама валяется у него в ногах. Даже безмозглый подкидыш способен

почувать неладное. Что же делать? Я мчусь к отцу Тимоти, хотя и знаю: тот уже крепко спит.

— Просыпайтесь, отче! Ваш помощник что-то нехорошее делает с Яном!

— С кем? С Яном?

Кюре мгновенно приходит в себя, и мы вместе бежим к отцу Джону. Отец Тимоти ураганом врывается в комнату. Видит все, что видел я. И тут же бледнеет как смерть. Он даже хватается за дверь, чтобы не упасть. Потом багровеет от гнева. Кажется, еще чуть-чуть — и на его губах выступит пена. Мне страшно. Никогда не представлял себе святого отца в такой ярости.

— Ян, ступай в свою комнату, — гремит голос кюре. — Томас, ты тоже.

Теперь я совершенно сбит с толку, однако делаю, как велят.

Наутро за окном раздаются два колокольных удара. Я пробуждаюсь и сразу чувствую: что-то не так. Со всех ног бегу к церкви, чтобы увидеть душераздирающую картину. Отец Тимоти, облаченный в сутану, лежит в багровой луже у алтаря, как раз под распятием Иисуса Христа. Похоже, перед смертью он молился, преклонив колени. В десяти шагах от него распростерлось тело отца Джона, забрызганное кровью. Голова раздроблена на куски, частички мозга присохли к сиденьям скамеек. Молодой помощник одет в кожаную жилетку, обнаженные руки покрыты чернильными змеями. Правая рука все еще сжимает дробовик.

Кажется, кто-то разом выдавил воздух из моих легких. Я кричу, и мой пронзительный визг разрывает мертвую тишину этого утра, точно выстрел. С эвкалипта в испуге поднимается стая ворон. Старина Джозеф, протиравший от пыли украшения в кабинете, замирает и прислушивается. Миссис Гонсалес поспешно выбирается из душа. Ян просыпается и тоже мчится к церкви.

Склонившись над отцом Тимоти, я рыдаю, как может рыдать восьмилетний ребенок, потерявший все, чем дорожил. Светловолосый, голубоглазый мальчуган подбегает ко мне, садится рядом и смотрит на безжизненное тело гостеприимного кюре. Потом начинает кричать вместе со мной. Мы держимся за руки и плачем не менее трех часов, даже когда видим полицейский джип с красной мигалкой, даже когда

приезжает врач в белом халате, даже когда оба трупа, накрыв чистой тканью, увозят на карете «скорой помощи», даже когда миссис Гонсалес и Джозеф отводят нас домой и всеми силами утешают.

Позже, гораздо позже Ян спрашивает:

— Ты почему так долго плакал, Томас?

— Потому что сегодня по-настоящему осиротел, — отзываюсь я, по-прежнему не в силах поверить в случившееся. — Он был мне как отец. И все, кто приходил в церковь, называли его только так. А ты почему столько слез пролил? Из-за того, что вы делали с братом Джоном?

— Нет. Я, как и ты, лишился всего. Теперь мы оба сироты.

— Но твой папа жив! Он в Дехрадуне!

— Я соврал, — отвечает Ян и снова принимается всхлипывать. — Сегодня можно сказать правду. Тимоти Френсис был вам святым отцом, а мне — папой.

Смита выглядит опечаленной.

— Какая грустная история, — произносит она. — Теперь-то я понимаю, что имел в виду отец Тимоти, говоря о тяжелой ноше священника. Невероятно, как ему удавалось долгие годы вести двойную жизнь кюре, который втайне ото всех был мужем и отцом. Что же стало с Яном?

— Не знаю. Возвратился в Англию. Кажется, к своему дяде.

— А ты?

— Меня послали в детский дом.

— Ясно. Что ж, посмотрим второй вопрос.

И адвокат нажимает на пульте кнопку «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ».

Рекламная пауза еще не окончена. Склонившись ко мне, ведущий шепчет:

— Лучше я сразу скажу тебе следующее задание. Как расшифровывается ФБР, знаешь? Ты ведь слышал об этой организации?

Мотаю головой:

— Нет.

Прем Кумар недовольно морщится:

— Я так и чувствовал. Ладно, мы позволим тебе заработать еще немного денег. Можем поменять вопрос. Быстро соображай, какие аббревиатуры тебе известны.

Размышляю пару секунд.

— Насчет ФБР я не в курсе, зато хорошо помню INRI.

— И что это?

— Так пишут на верхушке распятия.

— А-а! погоди, дай мне свериться с банком данных.

Рекламная пауза истекает. Слышится вступительный проигрыш.

Ведущий поворачивается ко мне:

— Интересно, мистер Рама Мохаммед Томас, какой вы религии? Ваше имя охватывает все вероучения сразу. Если не секрет, куда вы ходите молиться?

— Разве для этого обязательно посещать мечеть или храм? Я верю тому, что сказал Кабир. [\[22\]](#) Хари на востоке, Аллах на западе. Загляни в свое сердце — найдешь и Раму, и Карима.

— Отлично сказано, мистер Томас. Похоже, вы у нас эксперт по религиям. В этом случае следующий вопрос вас ни капли не затруднит. Итак, вот оно, задание номер два, стоимостью в две тысячи рупий. Назовите в правильной последовательности буквы, которые пишутся на распятии. Варианты: а) IRNI, б) INRI, в) RINI и наконец, д) NIRI. Вам ясен вопрос, мистер Томас?

— Да.

— Хорошо. И ваш ответ?..

— Вариант б). INRI.

— Вы совершенно, на сто процентов уверены в этом?

— Уверен.

Слышится барабанная дробь. На табло загорается правильный ответ.

— И совершенно, на сто процентов правы! Только что вы получили две тысячи рупий.

— Аминь, — киваю я.

ПЯТЬ ТЫСЯЧ РУПИЙ: БРАТСКАЯ КЛЯТВА

«Внимательно рассмотрите проблему со всех сторон, прежде чем принимать решение. В случае необходимости будьте готовы от чего-то отказаться. Новые соседи внесут в вашу жизнь приятное разнообразие. Дома возникнет небольшое осложнение, но вы быстро и правильно с ним справитесь. Не раздавайте добрых советов, пока вас об этом не попросят».

Вот что предвещает сегодняшний гороскоп из «Махараштра таймс» всем, кто, подобно мне, родился в конце декабря.

Вообще-то я не читаю «Махараштра таймс». И прочих газет тоже. Но время от времени таскаю их из мусорного ведра миссис Барве. Бумагой удобно растапливать печку. Иногда, если нечем заняться, пробегаю глазами страницы, не успевшие обратиться в пепел.

Гороскопам я не верю. Иначе уже скончался бы, судя по предсказаниям в «Пандит рамашанкар шастри». Впрочем, на сей раз в газетных посулах содержится доля истины. В комнату за стеной въезжают новые соседи, а дома и впрямь возникает небольшое осложнение.

Мы только что вернулись из «Регал токиз». Обуреваемый слепой яростью, Салим срывает плакаты с Армааном Али, повисевшие на стенах нашей комнатухи целых три года. Постер с героем в кожаной куртке разодран в клочья. Артист на мотоцикле изувечен острым ножом. Кумир без рубашки, с обнаженной волосатой грудью выброшен в мусорный бак. Али с пистолетом искрошен в мелкие кусочки. Армаан с конем на пару жарятся над огнем. Без привычных украшений тесное жилье внезапно приобретает еще более убогий вид. Ничто не скрывает от глаз пятна плесени на беленых стенах.

Несмотря на предупреждение в гороскопе, не могу удержаться, чтобы не дать Салиму добрый совет:

— Видишь, как я был прав десять месяцев тому назад, когда ты рвался помирить Армаана с Урваши? Говорил же: не лезь в чужие дела, не взваливай на себя чужие беды. Пусть это послужит тебе уроком на будущее.

Друг мрачно сопит, вытирая ноги о плакат с Армааном в бассейне с красотками.

За стенкой слышатся шаги и голоса. Неужели соседнюю комнату наконец-то сняли? Вот здорово! Люблю знакомиться с новыми людьми. Надеюсь, там есть мальчишки нашего возраста. Путул и Дханеш — приятели неплохие, вот только родители редко пускают их играть со мной по воскресеньям, а это мой единственный выходной день. Аджах-задавала, тот и вовсе действует на нервы. Как-то раз он поднял меня на смех, когда я сказал, что устроился литейщиком. А что такого? Конечно, прислуживать кинозвезде интереснее. Однако все лучше, чем стоять с протянутой рукой. Работая у Неелимы Кумари, я почти забыл, что значит жить в чоуле. Вонючие подмышки Мумбаи — как еще называть эти постройки, переполненные мелкими обывателями? Здесь немногим приятнее, чем в трущобах Дхарави. Миссис Барве однажды сказала: дескать, в особняках из гранита и мрамора люди наслаждаются, в грязных и жалких хижинах — терпят, а мы — просто живем.

И даже пользуемся кое-какими преимуществами, добавил бы я. Того, что случилось с Неелимой, здесь невозможно вообразить, поскольку местные обитатели все друг про друга знают. У нас на всех одна крыша, и не только. Пусть мы не встречаемся на светских вечеринках, зато не можем не видеться по утрам, выстраиваясь перед общим санузелом. Многие находят своих любимых именно в такой вот очереди.

Уж мне-то не грозит увлечься девчонкой из чоула. Они такие толстые и уродливые, совсем не похожи на мою любимую актрису Прию Капур. Да еще глупые как на подбор. Ну, разве станет нормальный человек нянчиться с куклами, когда есть такие приличные игры, как бокс и кабадди?^[23] Не то чтобы мне самому хватало времени на забавы. Я ведь целыми днями в литейной, возвращаюсь часам к шести, а плавить металл — работа не из легких. В цеху невыносимо жарко, глаза то и дело слепят ярко-оранжевые вспышки.

— Томас! — кричат мне.

Это мистер Рамакришна, администратор чоула. Очень важная персона. Когда перегорает лампочка или слабеет напор воды, мы бежим за ним. Умоляем его подождать, если нечем платить за комнату. Ему же в последнее время докучаем просьбами починить перила на

втором этаже: стойки совсем расшатались и представляют угрозу для жизни.

Выхожу в коридор. Мистер Рамакришна знакомит меня с невысоким мужчиной средних лет, глядя на хмурое лицо которого можно подумать, что он уже неделю не был в туалете.

— Томас, это мистер Шантарам, отныне он живет в соседней комнате с женой и дочкой. Я тут говорил ему, какой ты ответственный мальчик, так что помоги, пожалуйста, новичкам освоиться. Ну, мистер Шантарам, я вас покидаю.

О нет! Еще одна семья без мальчиков! Сквозь полуоткрытую дверь я мельком вижу седую женщину; на кровати сидит девчонка старше меня с убранными назад длинными черными волосами. Перехватив мой любопытный взгляд, сосед поспешно захлопывает дверь.

— Чем вы занимаетесь, мистер Шантарам?

— Я ученый. Астроном. Ты все равно не поймешь. Сейчас у меня перерыв в научной работе — временно служу заведомом по продажам в магазине «Вимал». А здесь мы ненадолго, скоро переедем в благоустроенные апартаменты, и не куда-нибудь, а в Нариман-Пойнт.

Врет. Всякий, кто может жить в Нариман-Пойнт, нипочем не поселится в чоуле. Даже на очень короткое время.

Стены в наших комнатках тонкие, как бумага. Если приложить ухо и сосредоточиться, а лучше приставить перевернутую кружку, легко разобрать, что происходит у соседей. Салим и я частенько шпионим за теми, кто живет слева. Их комната примыкает к нашей кухне. Мистер и миссис Бапат уже немолоды. Молва утверждает, будто бы муж иногда поколачивает благоверную. Если и так, по ночам они всякий раз идут на мировую: мы с другом то и дело хихикаем, слушая их пыхтение, сопение, охи и ахи.

Сегодня я приставляю нержавеющую кружку к стене, за которой поселился Шантарам, и прижимаюсь ухом. Глава семейства изрекает:

— Это гиблое место, настоящая черная дыра. Оставаться здесь — ниже моего достоинства, но ради вас двоих я готов мириться с унижением, пока не отыщу приличную работу. Имейте в виду: я не потерплю в этой комнате парней с улицы. Бог знает, из каких притонов их понабрали. К примеру, двое мальчишек за стенкой. Сразу видно, те

еще проходимцы. Запомни, Гудия: замечу, что болтаешь с местными, выдеру кожаным ремнем, ясно тебе? — грохочет он, и я в испуге роняю кружку.

Несколько недель я почти не встречаю Шантарам и совсем не вижу его домашних. Дочка, наверное, каждый день ходит в колледж, однако вечерами, когда я возвращаюсь, она уже дома, и дверь заперта крепко-накрепко.

Что касается моего друга, ему вообще не до новых соседей. Парень совсем заработался, развозя коробки с ленчем. Салим поднимается в семь утра и надевает просторную белую рубашку и хлопковые штаны. На голове — неизменная белая кепка с эмблемой фирмы. Таких, как он, в Мумбаи около пяти тысяч. Примерно два часа кряду мой друг собирает коробки с обедами домашнего приготовления, обходя ради этого двадцать пять квартир. Потом отвозит еду на пригородный вокзал Гаткопар. Здесь упаковки сортируют по месту назначения, помечают особыми яркими точками, штрихами и крестиками на крышках и грузят на особые поезда, с которых ленч доставляется точно ко времени перерыва различным начальникам и «синим воротничкам» по всему городу. Салим и сам получает коробки, прибывшие другим поездом, которые развозит по району Гаткопара, предварительно расшифровав адреса, закодированные при помощи разноцветных значков. Тут нужно быть очень осторожным. Ошибки недопустимы: чтобы распрощаться с работой, достаточно вручить индустру говядину, ветчину — мусульманину или чесночно-луковый ленч — приверженцу джайнизма.

Девять вечера. Салим листает журнал о новостях кино. Я, забравшись на кровать с ногами, подслушиваю, чем занимаются соседи.

— Подойди, Гудия, — произносит Шантарам. — Загляни-ка в окуляр. Я уже настроил свой телескоп. Видишь вон ту ярко-красную планету посередине? Это Марс.

— Салим, дуй за кружкой, — шепчу я. — Ты должен это слышать! И друг прилипает ухом к стене вместе со мной.

В течение следующих тридцати минут мы узнаем удивительные вещи о небе. Нам рассказывают о созвездиях, галактиках и кометах. О Большой и Малой Медведицах. О Полярной звезде и каком-то Млечном Пути. О кольцах Сатурна и лунах Юпитера.

Слушаю Шантарам, а сердце переполняется непонятной тоской. Почему я расту без отца, который объяснял бы мне про планеты и звезды? Ночной небосклон, всегда казавшийся далекой черной кашей, вдруг обретает порядок и дивный смысл. Едва урок закончен, мы с приятелем кидаемся к окну и, вытянув шеи, пытаемся найти небесные вешки, о которых толковал Шантарам. Без помощи телескопа нашим глазам видятся лишь белые точки во мраке. Но мы визжим от восторга, разыскав семь звезд Большой Медведицы. И даже сознание того, что лунные пятна не просто пятна, а моря и кратеры, преисполняет нас радостью первооткрывателей. Мы словно познали все тайны Вселенной.

Ночью мне снится не женщина в колышущемся белом сари, а кольца Сатурна и луны Юпитера.

Проходит неделя. Однажды я вздрагиваю от неожиданного звука, что долетает из-за комнаты Шантарам:

— Мяу!

Ну, нержавеющий прибор для подслушивания у меня всегда под рукой...

— Смотри, папа, — говорит Гудия. — Подружка Рохини дала мне котенка от своей кошки. Правда, хорошенький? Можно его взять?

— Только животных нам не хватало, — ворчит отец. — Тут и людям-то негде развернуться, куда уж со зверем?

— Пожалуйста, мамочка, он такой крошечный! Пап, ну пожалуйста! — умоляет девочка.

— Ладно, Гудия, — смягчается Шантарам. — Можешь оставить его. Только придумай кличку.

— Ой, папа, спасибо! Вообще-то я думала назвать его Томми.

— Это слишком обычно. Кот будет жить в семье астронома, значит, имя получит в честь одной из планет.

— Может, Юпитер?

— Нет. Среди нас он самый маленький, так что быть ему Плутоном, не иначе.

— Чудесно, папа, мне нравится! Эй, Плутон! Иди сюда, Плутон, попей молочка.

— Мяу! — отвечает котенок.

Эти короткие сцены заставляют меня пересмотреть свое мнение о мистере Шантараме. Что, если он вовсе не такой уж плохой человек? Но вскоре я лишний раз убеждаюсь, как обманчива бывает наружность. И как нелегко провести черту между добрым и злым.

Однажды сосед приходит домой совершенно пьяным. От него за милю разит дешевым виски. Мужчина едва держится на ногах и не может сам одолеть лестницу. Так происходит и на следующий день, и после. Очень быстро по чоулу разносится весть: оказывается, мистер Шантарам — неизлечимый пропойца.

В индийских фильмах алкоголики такие забавные. Достаточно вспомнить Кешто Мукхерджи с бутылкой, чтобы от души расхохотаться. Но в жизни любитель спиртного вызывает не смех, а скорее ужас. Стоит соседу вернуться навеселе, и кружки для подслушивания не нужны. Шантарам изрыгает ругань самым грубым и громким голосом, так что я и Салим трепещем от страха, словно крики относятся к нам. Со временем жестокая брань превращается в некий ритуал, и мы на полном серьезе не засыпаем, пока не услышим, что захрапел мужчина за стеной. Теперь мы боимся промежутков между возвращением соседа с работы и долгожданной минутой, когда тот наконец вырубается.

Все ждут, что его помутнение вот-вот закончится. Но дела становятся только хуже. Шантарам пьет все больше, и вот он уже в раздражении бросается вещами. Сначала в стены летят пластмассовая посуда и книжки. Потом в ход идут глиняные горшки с мисками. Постоянный грохот делает жизнь по соседству невыносимой, но мы понимаем: жаловаться мистери Рамакришне бесполезно. Кто будет слушать мальчишек одиннадцати и тринадцати лет от роду, которые к тому же то и дело задерживают плату за комнату? Так что мы только вздрагиваем, услыхав звон фарфора, и съеживаемся от звона тарелок о нашу стену.

Впрочем, это еще цветочки. Довольно скоро сосед начинает швырять вещи в людей. Главным образом в домашних. При этом львиная доля ярости достается жене.

— Сучка проклятая! Это ты довела меня до такой жизни! Я мог бы исследовать черные дыры, а вынужден расхваливать сари и блузки задрипанным домохозяйкам! Ненавижу! Чтоб ты сдохла! — вопит он и мечет, что под руку попадет: кофемолку, тарелку, стакан. Целясь в супругу, дочь или котенка.

Как-то ночью он переходит все границы и запускает в жену чашкой с крутым кипятком. Гудия пытается закрыть маму собой, и дымящаяся жидкость ошпаривает ей лицо. Девочка визжит от боли. Несчастную увозят на «скорой». Миссис Шантарам едет с ней. Хмельной отец даже не соображает, что натворил. Два дня спустя мама Гудии просит меня навестить бедняжку.

— Ей так одиноко. Может, потолкуете немного?

Я еще никогда не бывал в больнице, но соглашаюсь сопровождать соседку.

Первым делом в подобных местах ошеломляет запах. Меня тошнит от резкой вони дезинфицирующего средства, пропитавшего каждый угол грязных палат. Второе, что поражает, — вокруг нет веселых лиц. Пациенты лежат на зеленых постелях, стена и охая, и даже врачи с медсестрами смотрят сердито и угрюмо. Но самое ужасное — это равнодушие. Здесь никто никому не нужен. Я-то воображал, как вокруг бедняжки Гудии вьется целый рой докторов, а та одиноко лежит в ожоговом отделении, даже сиделки рядом нет. Лицо девочки забинтовано; видны только черные глаза.

— Смотри, Гудия, кто пришел тебя навестить, — широко улыбается миссис Шантарам.

Робко приближаюсь. Девочка намного старше меня. Мы почти незнакомы. Я всего лишь лазутчик, подслушавший пару эпизодов из ее жизни. Хотя губ не видно, во взгляде явно сквозит улыбка, и это ломает лед между нами.

Я сижу рядом с ней три часа, болтая о том о сем. Гудия спрашивает:

— Почему у тебя такое необычное имя, Рама Мохаммед Томас?

— Это очень длинная история. Узнаешь, когда поправишься.

Девочка говорит о себе. Оказывается, она сдает экзамены в университет. Мечтает стать доктором. Потом она интересуется моей жизнью. Я ничего не рассказываю об отце Тимоти, зато выкладываю

свои впечатления о чоуле и работе в литейной. Гудия жадно слушает, внушая мне чувство нужности и желанности.

Приходит врач и сообщает миссис Шантарам, что ее дочери повезло. Девочка получила ожоги лишь первой степени, поэтому постоянных шрамов не останется. Через неделю ее выпишут.

Три часа, проведенные у постели больной, помогают мне кое-что узнать о ее отце. Мать Гудии делится со мной:

— Мой муж — известный космический исследователь. Работал в институте, изучал небо с помощью огромных телескопов. Мы жили в большом бунгало в академическом городке. Через три года он обнаружил новую звезду. Открытие было очень важным, но лавры пожал один из коллег. Это сломало моего мужа. Он взялся за бутылку. Начал драться с коллегами, а как-то раз в ярости чуть не до смерти избил начальника. Из института его тут же выгнали. Могли бы арестовать, но я так умоляла директора... Потом муж устроился учителем физики в хорошую школу. Только пить не бросил и держать себя в руках не хотел. Колотил учеников за мелкие провинности, так что оттуда он тоже вылетел через полгода. С тех пор подрабатывает, где придется: заведующим столовой, бухгалтером на заводе, теперь вот помощником продавца одежды. Когда истощились последние сбережения, нам пришлось переехать.

— Может, он все-таки бросит пить? — говорю я.

— Муж клялся не притрагиваться к бутылке, и я уже надеялась, что худшее позади, но он не сдержал обещание, и видишь, чем все закончилось.

— Я тебя кое о чем попрошу, — произносит Гудия. — Пожалуйста, присмотри за Плутоном до моего возвращения.

— Обязательно.

Внезапно девочка протягивает руку и берет мою ладонь.

— Ты брат, которого у меня не было. Правда, мама?

Миссис Шантарам кивает.

Это что-то новое. Даже не знаю, что и сказать. Прежде я часто представлял себя чьим-то сыном, но братом?.. Поэтому я просто сжимаю ладонь девчонки, чувствуя, как между нами возникают невидимые узы.

Ночью мне снится женщина в белом сари, прижимающая к своей груди младенца. Позади воеет ветер, и черные распущенные волосы

скрывают ее лицо. Героиня моих грез опускает ребенка в корзину с одеждой и удаляется. Однако на ее место приходит другая женщина, тоже высокая и грациозная, но с забинтованным лицом. Она берет малыша на руки и осыпает его поцелуями, приговаривая:

— Братик ты мой.

— С-е-с-т-р-а, — лепечет в ответ младенец.

— Мьяяууу!

Сдавленный вопль пронзает ночную тишину. Проснувшись, я безуспешно пытаюсь понять, откуда он долетел: из мира снов или же из-за стенки.

Наутро тельце котенка, покалеченное и обмякшее, лежит в мусорном баке миссис Барве, том самом, где я обычно беру «Махараштра таймс». Шея котенка сломана, от шерсти несет дешевым виски. Шантарам уверяет жену, что любимец дочки сбежал. И хотя мне известна правда, бессмысленно кому-то ее доказывать. Если вдуматься, Плутон действительно скрылся от нас — в иной, более чистый и светлый мир.

— Мне так нравится Гудия, — делюсь я с лучшим другом. — Придется позаботиться о том, чтобы отец никогда больше не заставлял ее страдать.

— Но что ты можешь? Он у себя дома.

— Это и нас касается. Мы же соседи, в конце концов.

— А помнишь, как ты меня учил? Дескать, незачем совать нос в чужие дела, брать на себя чужие заботы. Помнишь, Мохаммед?

Я не знаю, что ему ответить.

Гудия возвращается домой, однако мы не видимся: мистер Шантарам по-прежнему не разрешает мальчикам заходить в комнату. Его жена говорит, он осознал вину и намерен исправиться. В глубине души она, конечно, тоже знает, что он неисправим. Но даже ей неизвестно, до каких глубин готов опуститься озлобленный пропойца.

Не проходит и недели, как он причиняет дочери новую боль. Теперь мистер Шантарам пытается трогать ее. Не как отец.

Вначале я не понимаю. Какие-то увещания: «Гудия, луна моя», потом седая женщина принимается кричать и рвать на себе волосы, а девочка плачет, забившись в угол:

— Папа, не трогай меня! Пожалуйста, папочка!

От ее жалобного визга в голове у меня что-то лопается. Я готов устремиться в соседнюю комнату и голыми руками убить Шантарама. Стоит лишь набраться храбрости... Но тут из-за стенки раздается оглушительный храп. Вырубился! Гудия по-прежнему плачет, это слышно и без кружки.

Со мной творится что-то странное. Как должен вести себя брат, когда сестра содрогается от рыданий? Трудно сказать, у меня ведь нет опыта. Знаю только, что девочку надо утешить. Это нелегко, если между вами стенка, пусть даже такая тонкая. Опускаю глаза: вниз, там, где проходит водопроводная труба, есть небольшое отверстие. Рука пролезет. Спрыгиваю с постели и, распластавшись на полу, тянусь через круглую дырку.

— Сестренка, не надо слез, — плачу я. — На, держи мою ладонь.

Кто-то чутко хватается руку и гладит от локтя до запястья. Точно слепой ощупывает лицо собеседника. Наши пальцы сплетаются, и меня пронзает волшебное ощущение силы, могущества, любви — назовите, как вам угодно. В этот миг мы едины. Боль Гудии становится и моей болью.

Салим наблюдает за мной с изумлением.

— Ты никак сбрендил, Мохаммед? Соображаешь, куда ты полез? По этой дыре к нам ходят крысы и тараканы.

Но мне уже нет дела ни до него, ни до целого света. Не знаю, как долго мы с Гудией держимся за руки. Проснувшись наутро, я все еще лежу на полу; рука в дыре, а в кармане рубашки мирно дремлет семейка тараканов.

На другой вечер сосед опять является пьяным до беспамятства и начинает приставать к дочери.

— Ты красивее всех звезд и планет. Моя Луна, моя Гудия, моя куколка. Вчера ты ускользнула, но сегодня папа не даст тебе уйти.

— Прекрати! — кричит супруга.

Муж не обращает внимания.

— Не волнуйся, милая, в нашей любви нет ничего дурного. Даже великий император Шах-Джахан^[24] пылал когда-то страстью к собственной дочке Джаханаре. И кто же отнимет у мужчины право вкусить плоды с дерева, которое он сам и насадил?

— Ты демон! — выкрикивает жена, и Шантарам бьет ее. Слышно, как со звоном разлетается бутылка.

— Не-е-ет! — визжит Гудия.

Кажется, мой мозг безжалостно разрезают автогеном, а сердце захлестывает волна расплавленного металла. Дальше терпеть невозможно. Я мчусь к мистеру Рамакришне, чтобы сказать, что наш сосед вытворяет со своей женой и дочерью нечто кошмарное... С таким же успехом я мог толковать о погоде.

— Послушай, — ухмыляется Рамакришна, — семья есть семья, это их личное дело. Ты еще слишком зелен, сирота, и не знаешь жизни. Мумбаи полнится историями домашнего насилия, побоев, издевательств и кровосмешения. И никто ничего не делает. Нас, индийцев, отличает потрясающее умение видеть боль и нищету вокруг, при этом сохраняя возвышенное спокойствие духа. Вот и веди себя соответственно: захлопни глазки, заткни уши, закрой рот, и будешь доволен, как я. А теперь уходи, мне спать пора.

Бегом возвращаюсь к себе. Шантарам храпит за стенкой, а Гудия кричит, что стала грязной.

— Не трогайте меня никто! — визжит она. — Я заражу всякого, кто ко мне прикоснется!

Кажется, девчонка теряет разум. Со мной происходит примерно то же самое.

— Зарази меня. — И я протягиваю руку сквозь круглое отверстие.

Гудия тут же хватается ее.

— Я скоро умру. — Девочка всхлипывает. — Наложу на себя руки, лишь бы не уступить ему.

Ее отчаяние хлещет потоком через дыру в стене и обволакивает меня огненной пеленой.

— Этого не будет, — срывается с моего языка. — Обещаю тебе как брат.

Салим угрюмо косится со своей кровати, будто я только что заключил преступную сделку. Но сейчас мое сердце выше любых законов. Чувствуя худенькие пальцы девочки, тепло ее ладони, я знаю: мы оба — загнанные животные, сообщники. Мой грех понятен: сироте не положено вваливать на себя чужие заботы. А в чем же провинность Гудии? Только в одном: она девочка и дочь своего отца.

Я исполняю обещание на следующий день, когда Шантарам возвращается с работы и взбирается по шаткой лестнице медленными, нетвердыми шагами. Даже от его одежды несет виски. Вот он как раз перед тем участком, который так и не починил Рамакришна, и я бросаюсь на мужчину сзади. Врезаюсь в его спину, а тот врезается в перила. Стойки уже совсем расшатались. Дерево не выдерживает лишней тяжести, начинает хрустеть и подламываться. Шантарам теряет равновесие и с грохотом валится вниз.

В кино злодеи медленно летят с небоскребов, молотя воздух руками, дрыгая ногами и громко вопя: «Аааааааааа!» В реальной жизни все не так. Сосед падает, словно камень, ничем не размахивая. И вот он уже на земле, распластался ничком, раскинув руки и ноги.

Я смотрю на безжизненное тело, и до меня постепенно доходит смысл происшедшего. Перед глазами ярко вспыхивают последствия.

Джип с красной мигалкой прибывает на место преступления. Полицейские аккуратно очерчивают мелом труп. Щелкают затворами фотоаппаратов, объясняя друг другу: вот, мол, куда упало тело. Затем поднимают глаза и видят меня на втором этаже. Инспектор тычет пальцем:

— Убитого столкнул тот парень. Арестуйте его!

Меня забирают в каталажку, где раздевают и бьют. Потом я сижу в суде. Грозный обвинитель в черном одеянии восседает под вентилятором. Satyameva Jayate — «Истина всегда восторжествует» — гласит поблекшая, запыленная золотая табличка за его спиной. Едва посмотрев на меня, судья оглашает вердикт: «Рама Мохаммед Томас, объявляю вас виновным в преднамеренном убийстве мистера Шантарамы. Согласно статье триста второй уголовного кодекса, приговариваю вас к смертной казни через повешение». «Нет!» — ору я и пытаюсь бежать, однако ноги забиты в колодки, а на запястьях наручники. Меня ослепляют повязкой, отводят в камеру для смертников. На шею накидывают петлю, жмут на рычаг. И я визжу от боли, а ноги беспомощно дергаются в пустоте, легкие резко сдуваются.

Раскрыв глаза, я вижу, что попал на небеса. Только уж очень похожие на лестницу чоула. Внизу, под ногами, недвижно лежит сосед. Люди уже собираются.

— Зовите полицию! — восклицает кто-то.

Не долго думая кубарем слетаю по ступеням и пускаюсь в бегство. Миную ворота, молочный ларек, многоэтажное здание. Вот и пригородный вокзал. Сажусь на экспресс до станции Виктория. Обшариваю платформы в поисках нужного поезда. Наконец нахожу его и запрыгиваю на подножку за миг до отправления.

Итак, я покинул Мумбаи, оставил Гудию, бросил Салима и устремился в единственный город, который знал. Дели.

Во время всего рассказа Смита хранит молчание. Вижу, ее глубоко впечатлила история. В уголке ее глаза блестит слеза. Должно быть, женщины сердцем понимают боль друг друга, и страдания Гудии вызвали у защитницы сочувствие.

Беру пульт.

— Ну что, включаем дальше?

И я нажимаю «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ».

Прем Кумар разворачивается в кресле.

— Мистер Томас, вы одолели два задания и заработали две тысячи рупий. Давайте посмотрим, сумеете ли вы справиться с третьим, которое стоит пять тысяч. Готовы?

— Готов, — отзываюсь я.

— Отлично. Вопрос номер три. Относится он к области...

В это мгновение главный прожектор гаснет, и мы с ведущим погружаемся во мрак.

— Ой! Хьюстон, у нас проблемы, — произносит Прем Кумар.

Зрители смеются. Не уловив шутки, я переспрашиваю:

— Что вы такого сказали?

— Да это известная фраза из картины «Аполлон Тринадцать». Уверен, вы редко смотрите английские фильмы. Выражение используется, когда внезапно возникает серьезное осложнение, вот как сейчас. Шоу не может продолжаться, пока не исправят свет.

Пока технари проверяют проводку, Прем Кумар прислушивается к голосу в головном телефоне. Затем наклоняется и шепчет мне в ухо:

— Ну все, ковбой, кончилась твоя золотая жила. Новый вопрос очень сложный, особенно для официанта. Я бы с удовольствием помог, однако продюсер велит переходить к профессору. Извини, друг, не твой день!

Он отпивает лимонад и чмокает губами. Проектор наконец починили. «Аплодисменты» — требует студийное табло.

Когда хлопки утихают, ведущий смотрит на меня:

— Мистер Томас, вы одолели два задания и заработали две тысячи рупий. Давайте посмотрим, сумеете ли вы справиться с третьим, которое стоит пять тысяч. Готовы?

— Готов, — отзываюсь я.

— Отлично. И следующий наш вопрос из области астрономии. Скажите, мистер Томас, знаете ли вы, сколько планет находится в Солнечной системе?

— Какие у меня варианты?

— Это еще не задание, мистер Томас. Я просто интересуюсь, известно ли вам это.

— Неизвестно.

— Правда? Надеюсь, вы хотя бы в курсе, как называется планета, на которой мы с вами живем?

Аудитория смеется.

— Земля, — угрюмо киваю я.

— Замечательно. Хотя что-то вы знаете. Итак, готовы к третьему вопросу?

— Готов.

— Ладно. Задание номер три. Назовите самую маленькую планету в Солнечной системе. Варианты: а) Плутон, б) Марс, в) Нептун и д) Меркурий.

Прежде чем успевают прозвучать заставка, с моих губ слетает:

— Мяу!

— Простите? — изумляется Прем Кумар. — Что вы сказали? Мне на секунду послышалось какое-то мяуканье.

— Я сказал: «А».

— А?

— Вот именно. Вариант А. Плутон.

— Вы совершенно, на сто процентов уверены, что А?

— Да.

Звучит барабанная дробь. На табло загорается верный ответ.

— И вы совершенно, на сто процентов правы! Плутон действительно самая маленькая планета в Солнечной системе. Мистер Томас, вы только что выиграли пять тысяч рупий!

Некоторые зрители, впечатленные моими познаниями, поднимаются с мест и аплодируют стоя. Но Смита не издает ни звука.

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ РУПИЙ: ДУМАЙ О КАЛЕКАХ

И солнце будто стало тусклее, и птички щебечут натужно, и воздух какой-то пыльный, и небо на тон потемнело.

Когда тебя забирают из прекрасного большого бунгало с чудесным садом, полным тепла и света, чтобы запихнуть в неопрятную, всю в трещинах постройку, где ты должен делить и без того тесную спальню с дюжиной других ребят, начинаешь несколько желчно смотреть на мир.

От желчи, как известно, развивается желтуха. Не самая приятная из болезней, зато позволяет перебраться из битком набитой общей комнаты в «одиночку». Это огромное помещение с металлической кроватью и зелеными занавесками. Называется изолятор.

Последние полмесяца я был прикован к постели. А кажется, болею с тех самых пор, как умер отец Тимоти и меня увезли из церкви. Нет, они приехали не на джипе с красной мигалкой — на голубом фургоне с окошками, затянутыми проволочной сеткой. В таком возят бродячих собак. Только этот предназначался для отлова бродячих детей. Будь я помладше, угодил бы опять в агентство по усыновлению и был бы выставлен на продажу. Но для восьми лет поздновато, и меня отослали в делийский детский дом для мальчиков, что в районе Туркман-Гейт.

Заведение рассчитано на семьдесят пять человек, однако внутри нас набралось полторы сотни. Разруха, шум, грязь. Два туалета, протекающие раковины, замаранные унитазы. По коридорам и кухне шастают крысы. В классной комнате — обветшалые парты, надтреснутая доска. Преподаватели, не учившие годами. Спортивная площадка, где турники не видны за травой, и где, зазевавшись, можно ссадить колено о камень размером с футбольный мяч. Физрук в белоснежной майке из хлопка и брюках со стрелками хранит снаряды для крикета и бадминтона в аккуратном стеклянном ящике, никогда не позволяя к ним прикасаться. Есть и гигантская столовая с дешевым настилом на полу и длинными деревянными столами. Мрачный повар тайком перепродает курятину и другое мясо в рестораны, а нас держит

на вегетарианской диете из овощного бульона и твердых почерневших чапати. Он постоянно ковыряет в носу и бранит любого, кто просит добавки. Надзиратель, мистер Агнихотри — добрый пожилой человек, но мы-то знаем, что реальная власть у его заместителя, мистера Гупта по прозвищу Ужас Туркман-Гейт. Он здесь хуже всех. Коренастый и волосатый, пахнет кожей и целыми днями жует паан. Две толстые золотые цепи на его шее позвякивают при ходьбе. В руках неизменно качается короткая бамбуковая трость, которой мистер Гупта бьет нас, когда ему заблагорассудится. Бродят неясные слухи, что по ночам он вызывает мальчиков к себе в кабинет, но это не обсуждается. Нам хочется говорить о приятном. Например, о разрешении смотреть телевизор в общем зале. Каждый вечер на два часа мы собираемся вокруг двадцатидюймового экрана «Дианора», чтобы насладиться песнями из индийских картин на пятом канале или мыльными операми на «Дурдашан».^[25]

Особенно мы радуемся воскресным фильмам. Еще бы, ведь они дают заглянуть в мир безудержных фантазий. Мир, где у мальчиков есть мамы, папы и дни рождения. Где люди живут в исполинских домах, раскатывают на гигантских машинах и получают огромные подарки. Мы любуемся этим миром, хотя и не даем себя увлечь. Ни один из нас не надеется жить, как Амитабх Баччан или Шахрукх Кхан. Самое большее, на что мы способны, — стремиться на место тех, кто сегодня властвует над нами. Поэтому на вопрос учителя: «Кем ты хочешь стать в будущем?» — никто не ответит: пилотом, премьер-министром, банкиром или актером. Любой не задумываясь выпалит: поваром или уборщиком, или физруком, в лучшем случае — надзирателем. Вот до какой степени окружающая действительность принизила нас в наших собственных глазах.

Я тут со многими завязал близкие отношения. Кое-кто помладше, большинство — старшие. Мунна, Каллу, Пьяре, Паван, Джашим, Ирфан... Переселиться сюда из дома отца Тимоти значило для меня угодить с небес прямо в преисподнюю. И только познакомившись с остальными, я понял: для многих детский дом стал раем, а вовсе не адом. Ребята происходили из грязных трущоб Бихара и Дели, а некоторые — из самого Непала. Они рассказывали об отцах-наркоманах и матерях, торгующих собой. Я видел шрамы, оставленные кулаками жадных дядюшек и деспотичных теток. Узнал о

рабском труде и жестокости в семьях. И научился бояться полицейских. Это они посылали сюда мальчишек, стащивших буханку хлеба из придорожного ларька, или торговавших из-под полы театральными билетами, а то и просто не понравившихся констеблю.

Нередко встречались «завсегдатаи», то есть ребята, которые возвращались в детдом уже после того, как о них пытались позаботиться «на воле». Мунна страдал от побоев мачехи. Джашима выжил бессердечный брат. Павана полицейские выловили в злочном мотеле, куда его пристроил на работу доброжелательный родственник. Несмотря на столь тяжкое прошлое, мальчики прямо-таки жаждали вновь перейти под «опеку», сменить уже знакомый ад на неизведанный.

Я стал среди них вожаком, не прилагая усилий. Не потому, что был сильнее или жестче характером. Просто я, безродный подкидыш, умел говорить и писать по-английски. На власть имеющих это оказывало магическое воздействие. Главный надзиратель время от времени спрашивал, как я поживаю. Физрук разрешил играть в крикет на самодельной площадке во внутреннем дворе, пока Мунна не ухитрился разбить окно надзирателя, после чего на подвижные игры наложили запрет. Суровый повар иногда мог расщедриться на добавку. Гупта ни разу не вызывал меня по ночам. А доктор без обычных проволочек отправил меня в изолятор, не дав заразить всю спальню.

Чуть более двух недель я упивался покоем отдельной палаты, когда неожиданно поставили еще одну койку. В детдом прибыл новенький, причем, как говорили, в ужасном состоянии. Его внесли на носилках. На мальчике была разодранная оранжевая жилетка, потертые грязные шорты и желтый табиз^[26] на шее. Так я впервые повстречал Салима Ильяси.

Этот парнишка наделен всем, чего недостает мне. Гибкое тело, курчавые черные волосы и ангельская улыбка, от которой на щеках появляются ямочки. Для семилетки у него даже слишком острый, пытливый ум. Робко запинаясь, мальчик рассказывает о себе короткими скупыми фразами.

Родился и жил в деревне под Бихаром среди таких же бедняков-крестьян и горстки богатых землевладельцев. Народ придерживался в основном индуистской веры, однако имелось и несколько мусульманских семей — таких, как у моего соседа по палате. Отец его

был чернорабочим, мама вела хозяйство, а старший брат служил в чайной. Салим ходил в деревенскую школу, а вечерами возвращался в крытую соломой хижину на окраине поселка Заминдар.

На прошлой неделе морозным январским утром в местном храме Хануман^[27] случилось неприятное происшествие. Ночью кто-то пробрался в святое святых и осквернил идола бога-обезьяны. Храмовый жрец объявил, что накануне поблизости крутились молодые мусульмане. Этого хватило. Индуисты мгновенно впали в безумную ярость. Вооружившись мачете и мотыгами, палками и факелами, они ринулись разорять дома иноверцев. Салим играл на улице, а его родные пили чай, когда явилась толпа и прямо на глазах мальчишки подожгла хижину. Ребенок слышал вопли матери, крики отца, рыдания брата, однако взбешенная орава не выпустила никого. Салим добежал до вокзала и запрыгнул в первый же поезд. Тот и доставил его в незнакомый Дели без одежды и без еды. Беглец провалялся на станции двое суток голодный, бредил от горя и начавшейся горячки, пока один из констеблей, обнаружив его, не послал в детдом.

Салим говорит, что видит во сне искаженные лица злодеев, и материнский плач отдается в его ушах. Парень содрогается, представляя себе, как любимый брат корчится среди пламени. Потом заявляет, что начал бояться и ненавидеть индуистов.

— Как твое имя? — спрашивает он.

— Мохаммед, — отвечаю я. Мы быстро становимся закадычными друзьями. У нас так много общего: оба безродные сироты без надежды вернуться под отчий кров, оба любим играть в шарики, а еще — смотреть фильмы. Когда приходит время покинуть палату, я использую свое влияние, чтобы наши кровати поставили рядом.

Однажды поздно вечером Салима вызывают к заместителю надзирателя. Гупта — вдовец и живет в уединении.

— Что ему надо? — недоумевает мой друг.

Пожимаю плечами:

— Не знаю, я у него не бывал. Но сегодня мы это выясним.

Приятель спускается вниз, а я неслышно, на цыпочках, слеую за ним.

— Входи... Входи Салим, — глухо звучит из-за двери в ответ на робкий стук.

Заместитель сидит на постели в помятой курта-паджама. Держит в руке бокал, наполненный золотистой жидкостью. Его глаза напоминают большие пуговицы. Я тихонько подсматриваю сквозь тонкую щель между занавесками в дверном проеме. Гупта гладит лицо мальчишки, ощупывает пальцами тонкий нос и губы. Потом неожиданно приказывает:

— Снимай шорты.

Салим ошарашен таким требованием.

— Делай, как тебе говорят, ублюдок, или получишь по шее! — рывкает мужчина.

Мой друг повинуется. Он медленно спускает шорты, я отвожу глаза.

Гупта подходит к мальчику сзади, звеня золотыми цепями.

— Вот и хорошо, — бормочет он, распуская пояс и скидывая штаны. Я вижу его волосатый зад.

Салим еще ничего не понял, но над моей головой уже вьется дымок. Я вдруг с отчетливой ясностью понимаю, что именно творилось в комнате отца Джона той ночью. И вспоминаю, что было потом.

Мой душераздирающий вопль взрывает мертвую тишь, словно граната. От него пробуждаются мальчишки, мирно дремавшие в общих спальнях, и повар, храпевший в кухне, и сам надзиратель, и даже бродячие псы во дворе, которые принимаются лаять как бешеные.

Ошеломленный, сбитый с толку Гупта пытается вытолкать Салима прочь, однако повар, охрана и надзиратель врываются к нему раньше. Грязный секрет заместителя разоблачен. (Впрочем, никто ничего не предпринимает по этому поводу.) Зато и сам господин заместитель замечает меня, подглядывавшего из-за штор. С тех пор он делается моим смертным врагом. Салим потрясен случившимся, но все-таки невредим. Парень уже давно забыл, как ненавидел индуистов. А вот ужас перед насилием укоренился в нем на всю жизнь.

Чудесный весенний день еще прекраснее от того, что мы оказались за пределами детского дома. Одна международная частная организация устроила нам увеселительную поездку в город. В автобусе с кондиционером нас катают по Дели. Завозят в зоопарк посмотреть на зверей, и мы впервые видим гиппопотамов, кенгуру,

жирафов и гигантских ленивцев. Видим пеликанов, розовых фламинго и утконоса. Следующая остановка — Кутб-Минар, самая высокая в Индии башня. Хохоча и толкаясь, мы забираемся по лестнице на балкон второго этажа. Люди внизу кажутся муравьями. Расшалившись, мы кричим:

— Ого-го-го!

И слушаем, как замирает звук, не долетая до земли. Напоследок нас отвозят к Индийским Воротам,^[28] туда, где бурлит карнавал. Каждому выдают по десять рупий на карманные расходы. Я мечтаю проехаться на колесе обозрения, однако Салим хватает меня за рукав и тянет в другую сторону, к палатке с надписью: «Пандит^[29] Рамашанкар Шастри, всемирно известный гадатель по ладони. Всего лишь десять рупий за сеанс!» Под навесом сидит старичок, облаченный в дхоти-курта.^[30] У него седые усы, ярко-красный тилак^[31] на лбу и толстые очки. На затылке торчит черная косичка.

— Хочу узнать свое будущее, — сверкает глазами приятель. — За каких-то десять рупий!

— Не глупи, — укоряю я его. — Эти люди — сплошные обманщики. Ничего им не известно. Да и что интересного в нашем будущем?

— Все равно хочу!

— Ладно, — сдаюсь я. — Давай, но мне своих денег жалко.

Салим отдает десять рупий и с охотой протягивает ладонь.

Пандит качает головой:

— Нет, не левую. Это для девчонок. Мальчики показывают правую.

Мой друг торопливо меняет руку.

Гадатель через лупу разглядывает путаные линии, словно знаки на карте затерянных сокровищ. Наконец отводит увеличительное стекло и удовлетворенно вздыхает.

— Замечательная ладонь, мальчик. Это лучшая линия судьбы, какую мне доводилось видеть. Тебя ждет чудесное будущее.

— Правда? — радуется Салим. — И кем я стану?

Кажется, Шастри об этом не думал. Он прикрывает глаза на десять секунд, потом распахивает веки.

— Ты очень красивый ребенок. И будешь известным актером, — объявляет он.

— Вроде Шахрукха Кхана? — взвизгивает мой друг.

— Еще знаменитее, — отвечает пандит. И поворачивается ко мне:

— А ты разве не хочешь показать руку? Всего лишь десять рупий.

— Нет, спасибо.

Я трогаюсь прочь, но Салим преграждает мне путь:

— Ты должен, Мохаммед. Пожалуйста. Ради меня.

Скрепя сердце раскошеливаюсь и протягиваю ладонь.

Гадатель угрюмо поправляет очки с толстыми стеклами, внимательно смотрит. Сосредоточенно размышляет больше пяти минут, пишет кое-какие пометки, что-то рассчитывает на бумаге.

— В чем дело? — тревожится мой приятель. Пандит хмурится и покачивает головой:

— Линия ума довольно сильная, а вот линия сердца слабая. Видно, со звездами что-то не так. Расположение планет неблагоприятное. Холм Юпитера очень хороший, однако холм Сатурна сводит его на нет. Впереди много преград и ловушек. Можно, конечно, кое-что сделать, чтобы облегчить твой путь, но это недешево обойдется.

— Сколько?

— Примерно двести рупий. Почему бы тебе не спросить у отца? Это ведь он владелец того большого автобуса?

Меня разбирает смех.

— Ха! Пандит-джи, прежде чем плести чепуху о будущем, надо было проверить, кто перед вами. Мы просто сироты из детского дома, и автобус вовсе не наш. Впрочем, вы уже выманили у нас последние рупии. Пойдем, Салим, довольно терять время.

И мы уходим, но тут обманщик окликает меня:

— Послушай! Я тебе кое-что дам.

Возвращаюсь в палатку. На ладонь падает потертая монетка в одну рупию.

— Что это, Пандит-джи?

— Счастливая монетка. Храни ее. Пригодится.

Прячу дар в кулаке.

Салиму хочется мороженого, однако на рупию ничего не купишь. Мы смотрим, как другие дети радуются аттракционам. Бесцельно подбрасываю монетку, она проскальзывает сквозь пальцы, катится под скамейку. Наклоняюсь подобрать «амулет». Монетка выпала орлом.

Рядом с ней лежит оброненная кем-то бумажка в десять рупий. Волшебство, да и только. Мы с другом покупаем себе по мороженому. Я бережно опускаю монетку в карман. И впрямь счастливая!

Салим огорчен: мое будущее оказалось не столь безоблачным, как у него, зато уже ждет не дождется, когда станет кинозвездой. Перед нами гигантская афиша «Скоро на экране». На ней в зловещих огненно-свинцовых тонах изображен герой с пистолетом в руке, кровавыми пятнами на груди и с черной банданой на голове, а также злодей, нацепивший кривую ухмылку, и героиня с большой грудью.

Заметив замороженный взгляд своего друга, я любопытствую:

— Ты что там увидел, Салим?

— Да вот, пытаюсь понять, — отзывается тот, — пойдет мне черная бандана или нет.

Сейчас мы сидим в классе; мистер Джоши, узкий специалист по ковырянию в носу и отрыжке, как обычно, преподавать не в настроении. Вместо урока он украдкой читает роман, запрятанный под обложку учебника. А мы пока пускаем самолетики, вырезаем рисунки на партах и просто дремлем.

Внезапно вбегает Мунна — его поставили на страже в коридоре — и запыхавшимся голосом предупреждает:

— Мастер-джи, мастер-джи, Сахиб идет!

Мистер Джоши громко рыгает и мигом прячет роман. Потом, щелкнув пальцами, встает из-за стола.

— Итак, ребята, на чем же мы остановились? Ах да. Вы рассказывали, кем хотите стать, когда вырастете. Кто еще ответит?

Мой друг поднимает руку. Впервые за все время учебы.

— Да, Салим? О чем ты мечтаешь?

— Мастер-джи, я стану известным актером, — торжествующе заявляет мальчик. — Мне звездочет предсказал.

Класс покатывается со смеху.

Про этого большого человека ходят разные слухи. Одни считают его алмазным королем, у которого нет наследников, и потому он время от времени усыновляет мальчишек из детдома, забирая их к себе в роскошные палаты. Другие утверждают, что в Мумбаи у него своя школа, куда подающих надежды ребят отбирают для специального

обучения. Так или иначе, стоит Сетх-джи обратить на тебя благосклонное внимание, и дело в шляпе.

Салиму без разницы, кому верить — первым или вторым. Важнее то, что большой человек живет в Мумбаи, в центре индийской киноиндустрии. Мой друг уверен: Сетх-джи приехал забрать его из детского дома в блистательный мир Болливуда. Это судьба. Пророческие слова гадалея готовы исполниться в точности.

И вот нас выстраивают в общей столовой для смотра. Салим успел помыться. Вообще-то он успел помыться трижды, вновь и вновь отскабливая с кожи любое, даже невидимое пятнышко грязи. Парень принарядился в лучшее. Красиво причесал волосы. Сегодня он самый приличный мальчик во всем детдоме. Мне горько думать, как будет разбито его сердце, если большой человек остановит выбор на ком-то еще.

Наконец долгожданный гость прибывает в обществе двух незнакомцев. Что-то не похож этот Сетх-джи на алмазного короля. Скорее уж на гангстера. Впрочем, никто из нас не видел алмазных королей. Может, они все смахивают на гангстеров. Очень смуглая кожа, густые черные усы, как у грабителя Веераппана,^[32] белый костюм. На шее качается длинная и тяжелая золотая цепь, достающая аж до второй пуговицы. Пальцы усеяны кольцами в разноцветных камнях — красных, зеленых, синих. Громилы за спиной напоминают бандитских прихвостней. Позже я узнаю их имена — Мустафа и Пунноозе. Гупта почтительно топчется впереди. Его золотые цепочки меркнут по сравнению с украшением на шее большого гостя.

— Сетх-джи, вы совсем позабыли нас, так долго не были, — льстиво упрекает он. — За это время появилось много новых мальчиков. Уверен, здесь многие придутся по вкусу.

И начинается смотр. Мы нацепляем на лица радужные улыбки. Алмазный король или владелец необыкновенной школы обходит нас, оглядывая с головы до пальцев ног. Непонятно, чем он интересуется: вопросов не задает, лишь всматривается в лица. Большой гость обходит весь ряд, идет по второму разу. На меня он даже не оборачивается. Зато замирает перед моим товарищем и спрашивает с явным акцентом южанина:

— Как тебя зовут?

— С... Салим Ильяси, — запинаясь от волнения тот.

— Когда его доставили? — обращается Сетх-джи к нашему Гупте.

— Месяцев одиннадцать назад из одного поселка под Бихаром.

— Сколько ему лет?

— Восемь.

— Родственники есть?

— Никаких, Сетх-джи. Вся семья погибла в беспорядках на религиозной почве.

— Печально, — произнес гость. — Однако именно такой мальчик мне и нужен. Можете выправить бумаги?

— Одно ваше слово, Сетх-джи. Кто понравится, того и дадим, даже моргнуть не успеете. Мустафу оформим родным дядюшкой. С законом проблем не будет. По правде говоря, социальные организации только рады их сплавить.

— Отлично. Так вот сегодня сойдемся на этом парне.

Гупта глядит на Салима, потом косится на меня (я стою рядом).

— А как насчет него?

Сетх-джи смотрит мне в глаза и медленно качает головой:

— Слишком взрослый.

— Что вы, ему всего десять. Зовут мальчишку Томас, и он прекрасно говорит по-английски.

— А мне все равно. Хочу того, другого.

— Так ведь их водой не разлить. Если берете Салима, возьмите уж и Томаса.

Смуглокожий гость начинает сердиться.

— Сдался мне ваш Томас-Хомас!.. Хватит и одного.

— Простите, Сетх-джи, я все-таки настаиваю. Это как товар в нагрузку.

— В нагрузку?

— Ну да, два в одном. Первый за деньги, второй — просто так. За счет заведения. — Гупта ухмыляется, показывая зубы в пятнах от паана.

Большой человек советуется с приспешниками, потом изрекает:

— Ладно, Гупта. Выправляйте бумаги на обоих. Мальчишек заберу в понедельник.

Салим кидается в мои объятия. Он прямо-таки на седьмом небе. Ночью моему другу не спится от радостного возбуждения. Он грезит целлулоидными снами о сладкой жизни в Мумбаи. О золотых закатах

на Марин-драйв, естественно, в компании Амитабха, и нежно-розовых восходах на пляже Чоупатти, конечно же, рядом с Шахрукхом.

Мне тоже не удастся как следует отдохнуть. Я мечусь и ворочаюсь в постели до утра. Нет, в голову не лезут мысли о рае и звездах. В тяжелом забытии я вижу себя торговцем у дороги. Смуглый мужчина выбирает с лотка приглянувшиеся фрукты. На его шее качается звонкая цепь. И вот покупатель бросает мне пригоршню мелочи. Я кладу в его сумку сочный плод манго, а следом подсовываю гнилой банан. За просто так, в подарок.

Путешествие до Мумбаи проходит без приключений. Сетх-джи, как нам сообщают, отправляется вперед самолетом, а его спутники едут с нами в спальном купе. Мустафа и Пунноозе одеты в лунги,^[33] курят биди^[34] и дрыхнут почти все время, а в перерывах успевают кое-что порассказать о большом человеке. Его настоящее имя — Бабу Пиллаи, но для всех — Маман, по-малайски Дядя. Родом он из Коллама в Керале, однако уже давно живет в Мумбаи. Этот мужчина, наверное, очень добрый, иначе не основал бы школу для детей-инвалидов. Маман убежден, что маленькие калеки близки к небесам, как никто другой. И он выручает подобных нам из детских домов — по его словам, тех же тюрем, только с другим названием. Не появись этот господин, мыть бы мне и Салиму окна машин на перекрестках или полы в частных домах. Теперь же нас научат полезным навыкам и вышколят для успеха.

Мустафа и Пунноозе — прирожденные торговцы. К концу поездки даже я верю, что вытянул счастливый билет в лотерею, и отныне жизнь преобразится до неузнаваемости.

Иногда наш вагон пролетает сквозь трущобы, которые тянутся вдоль пути грязными лентами. Полуголые ребятишки с раздутыми животами машут нам, пока их матери моют посуду в сточных канавах. Мы тоже машем в ответ.

Виды и звуки Мумбаи ошеломляют нас. Вокзал Черчгейт выглядит в точности так же, как в знаменитой картине «Жизнь в Бомбее». Салим чуть ли не ждет увидеть Говинду,^[35] поющего возле церкви. Мустафа показывает пляж на Марин-драйв. Я как замороженный впервые смотрю на океан; громадные волны грохочут и

накатывают на каменистый берег, однако мой друг ничего этого не видит. Его глаза устремлены к палаткам, где продают закуски с безалкогольными напитками.

— Вот здесь Говинда с Равиной^[36] угощались бхелпури!^[37] — восторженно восклицает он.

Проезжаем мимо мавзолея Хаджи Али.^[38] Завидев гробницу, Салим воздевает руки к Аллаху, совсем как Амитабх Баччан в «Носильщике». Минуем районы Ворли, Дадар и Махим; взрослые спутники обращают наше внимание на самые интересные достопримечательности. В Махим-Форт мой друг жестом велит водителю остановиться.

— В чем дело? — спрашивает Мустафа.

— Ни в чем. Просто хотел посмотреть место, где контрабандисты разгружали свои товары в фильме «Мафия».

Приближаемся к Бандре, дальше — Джуху и Андхери, усеянные жилищами знаменитостей. Высокие стены оград, целые взводы охранников, одетых в особую форму... В глазах Салима дрожат слезы. Через темные окна такси мы смотрим, разинув рты, на безразмерные бунгало и многоэтажные жилые застройки. Ни дать ни взять сельские простачки, случайно угодившие в большой город. Мумбаи пронесится перед нашими взглядами, словно увиденный сквозь разноцветную линзу. Солнечные лучи кажутся еще ярче, ветер — прохладнее, люди — удачливее. Как же, ведь они живут рядом с мегазвездами Болливуда! Весь город прямо кипит от счастья.

И вот мы прибываем на место, в Кореагон. Вопреки ожиданиям дом Сетх-джи не похож на роскошное бунгало. Это громадное обветшалое здание с двориком, крохотным садом и парой чахлах пальм. Владения огорожены высокой стеной, по верху которой проложена колючая проволока. У порога сидят двое темных крепких мужчин, в руках у них толстые бамбуковые палки. Ноги привратников скрещены, и мы замечаем полоски на их нижнем белье. От мужчин исходит сильный запах арака.^[39] Пунноозе говорит с ними на малайском — шпарит как из пулемета. Мне удастся разобрать лишь одно слово: «Маман». Похоже, охранников нанял мистер Бабу Пиллаи.

Проходим вовнутрь. Мустафа тычет пальцем в какие-то ржавые железные строения вроде крупных барачков.

— Вон она, школа для малолетних инвалидов. Там они и живут.

— Почему не видно детей? — удивляюсь я.

— А все уехали на практические занятия. Не волнуйся, вечером познакомитесь. Пойдемте, покажу вашу спальню.

Комната маленькая и просто обставленная. Двухъярусная кровать и длинное зеркало, встроенное прямо в стену. Салим занимает верхний ярус. В подвале расположен санузел, которым можно пользоваться. Там есть раковина и душевая занавеска. Не по-звездному, конечно, однако сойдет.

Кажется, мы единственные дети в этом доме.

Ближе к вечеру Маман приходит навестить нас. Мой друг захлеб рассказывает ему, как счастлив поселиться в Мумбаи и как ему не терпится стать известным актером. Большой человек улыбается.

— Ты петь-то умеешь? Это первое и главное условие в такой работе.

— Нет, — печалится мальчик.

— Не страшно. Я раздобуду для тебя лучшего учителя музыки. Скоро ты запоешь не хуже самого Кишор Кумара. [\[40\]](#)

Салим готов броситься высокому гостю на шею, но чудом сдерживается.

Вечером нас отводят в школу на ужин. Здешняя столовая ничем не отличается от детдомовской: дешевый линолеум на полу, длинные деревянные столы, и даже повар — иссиня-черная копия нашего старого знакомого. Мустафа приглашает меня с другом к себе за столик, и нас обслуживают прежде остальных. Еда тут горячая и вкусная, не то что тепловатая бурда, которую мы получали в Дели.

Один за другим начинают подтягиваться прочие ребята, и наше представление о преисподней стремительно изменяется. Я вижу безглазых мальчишек, нащупывающих путь при помощи трости; вижу своих ровесников с перебинтованными, жутко изуродованными руками; детей с обрубками вместо ног, передвигающихся на особых костылях; учеников, у которых порваны рты и вывернуты пальцы, так что хлеб им приходится зажимать локтями. Многие похожи на клоунов и ведут себя подобающе. Вот только мы не смеемся, а плачем. Хорошо хоть успели поужинать.

Троих мальчишек, стоящих в углу, почему-то никто не обслуживает. Один из них облизывает губы.

— Что там за ребята? — интересуюсь я. — Разве им не хочется есть?

— Это наказанные, — объясняет Мустафа. — Работали спустя рукава. Не бойтесь, они поужинают позже.

На следующий день приходит учитель музыки. Он моложав и чисто выбрит; у него овальное лицо, большие уши, тонкие костлявые пальцы и фисгармония в руках.

— Зовите меня мастер-джи, — наставляет учитель. — Для начала послушайте, как я спою.

Мы — воплощенное внимание, хоть и сидим на полу.

— Са-ре-га-ма-па-дха-ни, — выводит мастер-джи. — Семь нот, — объясняет он, — без которых не обходится ни одно музыкальное сочинение. А теперь попробуйте повторить их. Старайтесь, чтобы звуки шли не с ваших губ и не из носа, но из самой глубины горла.

Салим откашливается и начинает:

— Са-ре-га-ма-па-дха-ни...

Мальчик поет в полную силу, от всей души. Стены легко резонируют при звуках его чистого голоса, ноты получаются ясные, незапачканные.

— Замечательно! — Учитель хлопает в ладоши. — Ты певец от Бога. Только усердно занимайся и скоро достигнешь диапазона в три с половиной октавы, не меньше!

И вот он смотрит на меня:

— Ну а почему бы тебе не попробовать?

— Са-ре-га-ма-па-дха...

Конечно, я тоже стараюсь, но голос хрипит, а ноты неуклюже рассыпаются по полу горстью мраморных шариков.

Музыкант затыкает пальцем ухо.

— Парень, ты ревешь, точно буйвол. Вижу, тут придется поработать серьезно.

— Что вы, мастер-джи, — заступается мой друг, — мастер-джи, у Мохаммеда голос тоже хороший. Вы бы слышали, как он орет!

Еще две недели мастер-джи разучивает с нами религиозные песнопения, созданные великими святыми, а также дает уроки игры на фисгармонии. Теперь мы знаем дохи^[41] Кабира и бхаджаны^[42]

Тулсидаса^[43] и Мирабаи.^[44] Нам достался отличный преподаватель, который умеет разъяснить сложные духовные истины, заключенные в песнях, простыми человеческими словами. Особенно мне нравится Кабир, сказавший однажды:

Целую вечность считаешь ты бусины четок,
Но разум по-прежнему бродит, не зная покоя,
Забудь же о четках в своей руке
И начинай двигать бусины сердца.

Вообще-то Салим у нас мусульманин, а бхаджаны написаны индуистами, однако мастера-джи это нимало не смущает. Моего друга тоже. В самом деле, раз уж Ами табх Баччан не гнушается ролью мусульманского кули, а Салман Кхан^[45] способен сыграть императора, то и Салим Ильяси споет бхаджану с упоением храмового служителя.

Тем временем в школе для калек у нас появляются приятели, несмотря на хитрые уловки Мустафы и Пунноозе, почему-то недовольных нашим желанием общаться с теми, кого они по ошибке зовут «пристукнутыми детьми». Понемногу мы узнаем печальные истории своих ровесников и выясняем, что, если дело касается жестоких родственников и полицейских, Мумбаи ничем не отличается от столицы. Однако даже в обрывочных беседах правда неумолимо начинает выплывать наружу.

Первым потрясением становится разговор с Ашоком.

— Никакие мы не школьники, — усмехается наш новый тринадцатилетний друг с изуродованной рукой. — Мы побирušки. Выпрашиваем подаяние в пригородных поездах. А некоторые и по карманам шарят.

— И куда вы деваете заработанное?

— Отдаем хозяину за еду и кров.

— Хочешь сказать, Маман — гангстер?

— А вы думали, ангел с крылышками? Да мне все равно, лишь бы прилично кормил по два раза в день.

Мои надежды разбиты. Но Салим упорно продолжает верить в лучшее. Для него человек изначально добр, и все тут.

Перед сном удается потолковать с десятилетним слепцом Раджу.

— Почему ты сегодня наказан?

— Заработал мало.

— И сколько вы должны отдавать каждый день?

— Все, что получим. Но не меньше ста рупий, иначе не видать ужина.

— А что тогда?

— Спишь голодным. В животе как будто крысы грызутся.

— На, возьми чапати. Мы для тебя оставили.

А вот Радхея, одиннадцатилетнего мальчишку без ноги, никогда не наказывают.

— Как у тебя получается всегда хорошо зарабатывать?

— Тсс!.. Это секрет.

— Не бойся. Мы никому ни словечка.

— Ладно, так и быть. Но вы обещайте молчать! Понимаете, в Джуху Виле Парле^[46] живет одна актриса. Квартира двадцать четыре. Если рупий не хватает, я иду к ней. Она и покормит, и денегат подбросит, сколько нужно.

— Как ее имя?

— Неелима Кумари. Раньше, говорят, была настоящей звездой.

— Красивая?

— В молодости, наверное, головы кружила. Ну а теперь стареет. Знаете, ей ведь нужна прислуга в доме. Если бы не моя нога, убежал бы отсюда и стал работать на актрису.

Ночью во сне я прихожу на Джуху Виле Парле, квартира двадцать четыре. Нажимаю кнопку звонка и жду. Открывает высокая женщина в белом сари. Воющий ветер путает ее длинные черные волосы, отбрасывает пряди на лицо, скрывая его черты. Я собираюсь что-то сказать, но дама странно смотрит куда-то вниз. Опускаю глаза — и с ужасом вижу, что у меня больше нет ног.

Я просыпаюсь в холодном поту.

Вскоре мы знакомимся с Мулаем, тринадцатилетним парнем без руки.

— Опостылела такая жизнь, — сетует он.

— Тогда почему ты не сбежишь?

— Куда? Мумбаи не моя родная деревня. Город огромный, а голову негде приклонить. Даже в канаву спать не пустят, если нет связей. И кто меня защитит от уличных шаек?

— Шаек?

— Ну да. В прошлом месяце двое отсюда удрали, так через три дня кушать захотели — сами вернулись. Банда Бхику нипочем не позволит зарабатывать на своей территории. А здесь нам дают хотя бы еду и кров, и прочие шайки нас не беспокоят.

— Нет, мы не хотим связываться ни с какими бандитами, — серьезно говорю я, припомнив старую доху: «Кабир пришел на рынок, он всем добра желает. Ни дружбы, ни вражды ни с кем он не желает».

В общей столовой царит возбуждение. Прибыл новенький из Пакистана. Мустафа вводит его, восторженно цокая языком и хлопая себя по бедрам.

— Сегодня утром вот такого привезли! От самого Шакила Рана.

Мы окружаем новичка и недоверчиво прикасаемся к нему, точно к лесному хищнику, запертому в клетке. Правда, двенадцатилетний мальчишка мало походит на зверя. Скорее на инопланетянина из рекламы британского печенья, которую крутят по телевизору. Голова у парня овальная, заостренная кверху, глаза как у китайца, мясистый нос и тонкие губы.

— Откуда он? — спрашивает Пунноозе.

— Говорят, из святилища Шаха Даула^[47] в пакистанском Пенджабе, — охотно поясняет товарищ. — Там этих пацанов зовут крысятами.

— Как у них получаются такие головы?

— Да вроде бы их с рождения стягивают железными обручами, чтобы не росли. Отсюда и неповторимая форма. Здорово, правда?

— Думаю, мальчишка далеко пойдет. Маман будет доволен.

— Да уж, — кивает Мустафа. — Чрезвычайно ценный экземпляр.

Я слышу их разговор, и мне почему-то вспоминается медведь, которого мы с отцом Тимоти видели на площади Коннаут. На шее у зверя был тугой ошейник, а морду закрывала черная маска. Хозяин колот его острой пачкой, и бывший хищник вскидывался на задние лапы, потешая публику. Люди вокруг смеялись, бросали монеты.

Владелец животного быстро собрал деньги и тронулся дальше давать очередное представление. Меня поразили глаза того зверя. В них было столько тоски, что я невольно спросил отца Тимоти, умеют ли медведи плакать.

Случайно натыкаюсь на Джиту, который прячется в туалете.

В руках у мальчишки целлофановый пакет, наполненный чем-то желтовато-белым. Парень раскрывает его и шумно втягивает воздух носом и ртом, прижимая прозрачную пленку к лицу. Одежда его пахнет краской и растворителем. Под ноздрями красная сыпь. Губы покрыты липким потом. После вдоха полуприкрытые глаза стекленеют, а руки принимаются дрожать.

— Джиту!.. Джиту!.. — Я трясу его за плечи. — Что ты делаешь?

— Плаваю в небе, — вяло звучит в ответ. — Сплю на облаках. Не трогай меня.

Растерявшись, я бью его по щекам. Парень кашляет черной слизью.

— Просто я нюхаю клей, — объясняет он позже. — Покупаю у сапожника, втянулся уже. Клей убивает голод и боль. И перед глазами такие яркие картинки... Даже маму иногда вижу.

Я тоже хочу попробовать. Джиту охотно делится. После вдоха голова начинает кружиться, пол под моими ногами качается и плывет. Вижу высокую женщину, облаченную в белое сари, с ребенком на руках. Ветер с воем треплет ее волосы, затеняя лицо. Но вот малыш протягивает крохотную ручку и нежно отводит в сторону черные пряди. Перед ним изможденные, провалившиеся глаза, крючковатый нос, острые зубы в блестящих каплях крови, и жирные белые личинки копошатся в старческих складках дряблой кожи под челюстью. Младенец визжит от ужаса, бросается прочь...

С этого дня я зарекаюсь нюхать клей.

Тем временем уроки музыки подходят к концу. Мастер-джи необыкновенно доволен успехами Салима.

— Ты действительно постиг искусство пения, мой мальчик. Осталось освоить последнее...

— И что же?

— Творения Сурдаса. [\[48\]](#)

— А кто это — Сурдас?

— Известнейший исполнитель бхакти, сложивший во славу Кришны тысячи песен. Однажды он свалился в заброшенный колодец, а вылезти не смог. Так и сидел там почти неделю, продолжая молиться. И вот на седьмой день послышался детский голос, который предлагал ему спасение. С помощью незнакомого ребенка Сурдас выбрался на волю, однако таинственный избавитель исчез. Ибо это был не кто иной, как сам Кришна. И благодарный поэт посвятил свою жизнь сочинению песнопений в его честь. Играя на однострунной эктаре,^[49] он описывал в стихах детство Кришны... — И мастер-джи запевает: — «Мои глаза жаждут твоего присутствия...»

— Как это: глаза — и жаждут? — удивляюсь я.

— А разве я не сказал? Он ведь был совершенно слепым.

Нынче последний день занятий, и мастер-джи осыпает Салима похвалами. Я же совершенно не в себе и постоянно отвлекаюсь — наверное, обезумел от общения с юными калеками. Конечно, в каком-то смысле мы все бедолаги, но дети из «школы» Мамана кажутся мне самыми обездоленными на свете.

Пунноозе заходит в класс, негромко толкует с учителем, потом достает кошелек и отсчитывает деньги. Мастер-джи с благодарным видом убирает солидную пачку в передний карман своей курта. Мужчины уходят, оставив меня с товарищем и фисгармонией.

— Зачем я только уехал из Дели, — вздыхаю я. — Ты-то, Салим, хотя бы петь научился, а мне от этого переезда ни жарко, ни холодно.

И вдруг... Что это? На полу лежит бумажка в сотню рупий. Первое побуждение — прикарманить нежданный подарок судьбы, однако Салим вырывает у меня находку, принимается горячо убеждать, и вот мы идем по коридору возвращать находку. Пунноозе уже в кабинете Мамана. Тот как раз произносит за дверью:

— Дороговато нам обходится этот учитель. Он хоть что-нибудь обещает?

— Ну, старший, по его словам, полная бездарность, зато у младшего настоящий талант. Мастер говорит, такой ученик ему попался впервые в жизни.

— Полагаешь, можно рассчитывать на три сотни?

— Какое там три! Парень поет, как бог. А личико! Кто перед ним устоит? Я бы сказал: четыре-пять сотен, если не больше. Нам повезло, мы срубили джек-пот, Маман.

— А тот, другой?

— Неинтересен. Пусть зарабатывает сотню, как все, или протянет ноги.

— Хорошо. На следующей неделе посылаем обоих на дело. Разберемся с ними сегодня же. После ужина.

При этих словах мороз бежит у меня по коже. Хватаю Салима за руку и чуть ли не силой волоку в нашу комнату. Мой друг немного встревожен подслушанным разговором, особенно его смутили непонятные цифры. Но в моей голове части картинки уже сложились в одно целое.

— Салим, нам надо бежать отсюда. Прямо сейчас.

— С какой стати?

— Вечером после ужина случится что-то ужасное.

— Не понимаю.

— А вот я все понял. Знаешь, почему нас учили песням Сурдаса?

— Потому что он был великим поэтом?

— Нет, потому что он был слепым. И нас ослепят этой же ночью, чтобы могли просить подаяния в пригородных поездах. Теперь-то я убежден: здешние ребята нарочно изуродованы руками Мамана и его банды.

Мой друг отказывается верить в подобную бесчеловечность.

— Хочешь, беги один, — упирается он.

— Я без тебя не могу.

— Почему?

— Да потому, что я твой ангел-хранитель. Мы с тобой — два в одном.

Салим обнимает меня.

— Послушай. — Я достаю из кармана счастливую рупию. — Ты веришь в судьбу, правда? Орел — делаем ноги, решка — остаемся. Согласен?

Друг молча кивает. Бросаю монетку. Выпадает орел. Салим почти готов бежать из разбойничьего логова, и все же его терзают сомнения.

— Куда мы пойдём? И что будем делать? Мы здесь никого не знаем.

— Я знаю. Помнишь актрису, о которой рассказывал Радхей? Неелиму Кумари? Ей нужен слуга. Я вызубрил адрес наизусть. И выяснил, каким поездом до нее добраться.

— А может, лучше в полицию?

— Рехнулся? Неужели тебя жизнь ничему не учит? Вспомни, что нам рассказывали в Дели. Как бы ни обернулось дело, никогда, никогда не ходи в полицию. И точка.

Мы прячемся в ванной комнате в подвале. Из крана мерно каплет вода. Друг забрался мне на плечи, пытается ножиком разболтать шурупы, на которых держится стальная оконная решетка.

— Скорее! — умоляю я сквозь стиснутые зубы.

А наверху головорезы Мамана топают по нашей комнате, распахивают шкафы и чуланчики. Слышатся крики, брань. С грохотом разбивается бутылка. Наши и без того взвинченные нервы готовы лопнуть. Бедный Салим перепуган до смерти, дышит быстро-быстро. В моих ушах отдается стук сердца. Шаги приближаются.

— Всего один остался, — шепчет мой друг. — Но кажется, его застопорило. Боюсь, не выйдет.

— Пожалуйста... Постарайся! — взываю я. — Тебе, что ли, жить надоело?

Салим налегает на болт с удвоенной силой. Ножик скрипит от натуги. Наконец железка не выдерживает и поддается. Вытащив болты, мой друг снимает решетку. Оцениваю взглядом размер получившейся дыры: пролезть можно. Снаружи легкий ветерок покачивает пальмовые листья. Люди Мамана начинают спускаться к подвалу, когда Салим, извиваясь, пробирается на свободу. Потом хватает мою руку и помогает протиснуться. Вдвоем, задыхаясь и дрожа, мы карабкаемся вверх по холму из гравия и мусора.

Ночь тиха, и в небе светит полная луна. Жадно глотаю свежий, привольный воздух. Он пахнет кокосами.

Поезд несет нас от Гореагона к центру обширного метрополиса. Время позднее, и в нашем вагоне всего лишь несколько пассажиров.

Читают газеты, режутся в карты, сетуют на правительство, пускают газы. Торговец напитками вносит большую сумку-холодильник.

— Кола, «Фанта», «Лимка», «Севен-ап»! — зычно сообщает он.

Бутылки холодные, сразу видно. На разноцветных боках и горлышках мерцают крохотные капельки влаги. Мой друг проводит языком по пересохшим губам и нежно поглаживает карман рубашки. Торговец глядит на него с надеждой. Салим решительно качает головой, и тот проходит мимо.

Вскоре за ним появляется следующий — бородатый старик с подвешенным на шее широким подносом. Чего там только нет: изъеденные ржавчиной жестянки, мутные стеклянные флаконы и щедрая россыпь крохотных пакетиков, содержащих сучковатые корни, сушеные листья, порошки, семена...

— Юсуф Фахим, бродячий Хаким!^[50] — представляется торговец. — Снадобья ото всех болезней, не найдете лучше и полезней! От рака до запора, от рвоты до икоты! Излечу от любой заразы, только скажите сразу.

Ему не повезло: в вагоне набрались одни здоровые, и старичок неторопливо уходит, оставив после себя едкий запах имбиря и куркумы.

Поезд пронесется мимо жилых районов и спортивных площадок. В освещенных окнах мелькают люди: они работают у себя в кабинетах, смотрят телевизор, ужинают, застилают кровати. За две остановки до прибытия из дальнего конца вагона слышатся шаркающие шаги.

Ощупывая дорогу тросточкой, появляется невысокий, щуплый мальчик лет семи-восьми в голубой жилетке и пыльных шортах с эктарой в руках. Вроде незнакомый: у Мамана мы такого не видели.

В каких-то пятнадцати футах от нас он замирает и принимается в полный голос исполнять одно из известнейших произведений Сурдаса: «Я слышал, Кришна помогает слабым».

Стоит его мелодичному пению каскадами обрушиться на наши уши, как мы невольно вздрагиваем. Перед глазами всплывают юные калеки Мамана: Раджу и Радни, Ашок и Мули... Друг испуганно жметя ко мне, а я забиваюсь подальше, в самый угол. Однако невидящий взгляд несчастного, словно радар, поворачивается в нашу сторону, сверлит наши души. Целых пять мучительных минут мы

вынуждены слушать, пока не закончится песня. Потом ребенок достает пластмассовую чашку и просит подаяния. Пассажиров осталось не так много, и никто даже не лезет за мелочью.

Парень готов удалиться ни с чем, когда Салим достает из кармана бумажку, зажимает ее в руке и виновато косится на меня. Молча киваю. Болезненно поморщившись, друг раскрывает ладонь как раз над кружкой, и смятая сотенная купюра переходит к маленькому нищему.

Смита невольно передергивается.

— Не могу представить, чтобы в наши дни находились люди, способные столь варварски относиться к невинным детям.

— Печально, но это правда, — киваю я. — Не убеги мы с другом той ночью — до сих пор побирались бы, распевая в пригородных поездах.

— Ну а все-таки устроились вы на службу к той знаменитой актрисе?

— Да, я устроился.

— А как же Салим?

— Неелима Кумари сняла для него комнатку в чоуле, в Гаткопаре.

— Погоди-ка, разве в последней истории вы жили не вместе и ты не работал в литейном цеху?

— То было после, когда я ушел от хозяйки. Точнее, когда она меня покинула.

— Как это?

— Скоро узнаешь.

Адвокат качает головой и нажимает кнопку на пульте.

Ведущий глядит прямо в камеру.

— А мы переходим к четвертому вопросу за десять тысяч рупий! Он, как всегда, простой и незамысловатый, если, конечно, вы разбираетесь в духовных песнопениях. Мистер Томас, по его словам, верит во все религии сразу. Посмотрим, хорошо ли ему знакомы родные бхаджаны. Готовы? — поворачивается он ко мне.

— Готов.

— Отлично. Задание номер четыре! Какому из богов поклонялся слепой поэт Сурдас? Варианты: а) Раме, б) Кришне, с) Шиве и d) Брахме?

Звучит напряженная музыка.

— «В», — говорю я. — Кришне.

— Вы совершенно, на все сто процентов уверены в ответе?

— Да.

Нарастающая дробь барабанов. Табло загорается.

— И это совершенно, на сто процентов правильно! Вы только что выиграли десять тысяч рупий! — объявляет Прем Кумар.

Зал аплодирует. Ведущий широко улыбается. Я — нет.

ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ РУПИЙ: КАК РАЗГОВАРИВАТЬ ПО- АВСТРАЛИЙСКИ

— Пожалуйста, назовите свое имя, пол и возраст, сэр, — произносит переписчик населения, робкий с виду парень в толстых очках с черной оправой.

Он стоит на пороге с пачкой формуляров и что-то там царапает синим фломастером.

Полковник Тейлор выглядит крайне раздраженным, отвечая на вопросы. Кремовый костюм из парусины отлично сидит на его рослой фигуре, как и прочие костюмы, которые он носит, не снимая, зимой и летом. У мужчины густые усы с проседью, тонкие губы и пышный румянец во всю щеку. Рыжеватые волосы усердно зачесаны назад. Хозяйская семья и даже слуги собрались на парадном крыльце словно для группового снимка.

— Меня зовут Чарлз Тейлор, мужчина, сорок шесть лет. Вот моя жена, — он указывает на стройную блондинку в длинной юбке, — Ребекка Тейлор, женщина, сорок четыре года. Это наш сын Рой, мужского пола, пятнадцать.

Долговязый Рой, облаченный в фирменные линялые джинсы, футболку и кеды, возится с мобильником.

— А это наша дочь Мэгги, женского пола, семнадцать.

Мэгги не такая высокая, как ее брат, зато настоящая красавица. Круглое личико, голубые глаза, золотые волосы. И очень короткая юбка.

Хозяин выпрямляется во весь рост и прибавляет солидности собственному голосу:

— Я австралийский военный атташе. Не думаю, что мы, дипломаты, обязаны принимать участие в вашей переписи. Единственные, кого не мешало бы туда занести, — это слуги. У ворот вы видите Бхагвати, он у нас водитель и садовник, мужчина, пятьдесят два. Есть еще горничная Шанти, женского пола и, кажется, восемнадцати лет от роду, но сейчас ее нет дома. Вот Раму, наш повар,

мужчина, двадцать пятый год, ну и Томас, мужского пола, пятнадцать. На этом все?

— Нет, сэр, придется задать вашим слугам несколько вопросов, сэр. Новейшие анкеты такие длинные и полны всякой всячины. Вроде того: что за телепрограммы вас интересуют, ваша любимая еда, в каких городах вы были и даже, — парень хихикает, — сколько раз в неделю занимаетесь любовью, представляете?

— Ах, Чарлз, — шепчет на ухо мужу миссис Тейлор, — неужели Раму и Томас должны тратить время на подобную чепуху? Может, избавимся от этой птицы?

Полковник извлекает на свет пачку «Мальборо».

— Слушайте, мистер Как-вас-там, нашим слугам некогда заполнять длинные вопросники. Примите от меня эти сигареты, и почему бы вам не перейти к следующему дому? Уверен, ваш длинный список уж как-нибудь обойдется без четырех человек.

Переписчик жадно глядит на пачку, облизывает губы.

— Э-э... вы так добры, сэр. Но, видите ли, я не курю, сэр. Впрочем, если у вас найдется немного виски «Блэк лейбл»... или даже «Ред лейбл», я был бы весьма благодарен, сэр. В самом деле, что такое четыре души по сравнению с тысячами? Капля в океане! — Тут он как-то неискренне смеется.

Смерив незваного гостя презрительным взглядом, хозяин уходит в свой кабинет и возвращается с непечатой бутылкой «Джонни Уокера» марки «Ред лейбл».

— Бери и выметайся. Чтоб я тебя здесь больше не видел.

Переписчик бодро машет рукой на прощание.

— Будьте спокойны, сэр, ближайšie десять лет не появлюсь.

И он уходит, довольно насвистывая.

Миссис Тейлор довольна не меньше его.

— Ох уж эти грязные индийцы, — улыбается она. — На все готовы ради бутылки виски.

Бхагвати смеется в ответ. Он и понятия не имеет, в чем дело. Просто радуется всякий раз, когда сахиб или мэм-сахиб^[51] явно в духе. Раму тоже скалит зубы. Этому для счастья надо немного: увидеть Мэгги в короткой юбке.

И только я не улыбаюсь. Ну хорошо, мы слуги, и в доме нас не считают за полноценных людей. Но быть исключенным из переписи

населения родной страны — это уже чересчур. И в конце концов, когда они перестанут величать нас «грязными индийцами»? За время работы я слышал это высокомерное выражение по меньшей мере полсотни раз. И все-таки кровь закипает. Ну ладно, почтальон, электрик, служащий телефонной компании, констебль и теперь вот переписчик проявили слабость к виски. Но ведь не все же мои соотечественники — жалкие пропойцы. Хотелось бы при случае растолковать это миссис Тейлор. Хотя, разумеется, я ничего подобного делать не буду. Если живешь в «крутом» районе столицы, вкусно питаешься трижды в день и вдобавок зарабатываешь полторы тысячи — да-да, полторы тысячи рупий в месяц! — поневоле научишься молча глотать обиды. И скалиться, когда веселятся сахиб и мэм-сахиб.

Сказать по чести, Тейлоры все-таки очень добры ко мне. Дело в том, что не каждый обрадуется, когда из Мумбаи как снег на голову свалится незнакомый юный сирота. Я все напутал. Полковник Вог, предшественник моего нынешнего хозяина, дважды переезжал с места на место. И вообще Тейлоры ходили в англиканскую церковь, а значит, не имели никакого отношения к отцу Тимоти. На мое счастье, им срочно требовался слуга. Прошлого-то как раз выбросили на улицу.

За те пятнадцать месяцев, что я здесь работаю, выгнали еще пятерых. И все из-за хозяина. Потому что он — Тот, Кто Все Знает. Прямо как Бог, только на земле. Ягдиш, садовник, своровал из сарая немного удобрений — уволен уже на следующий день. Горничная Шеела украла из комнаты хозяйки браслет — уволена на следующий день. Раджу, прежний повар, ночью наведалься в бар и приложился к бутылке виски — побит и... да-да, вы догадались — уволен. Аджай, его преемник, надумал ограбить дом и неосторожно упомянул о своем плане в дружеской беседе по телефону — уволен и арестован заодно с товарищем. Базанти, новая горничная, один разок примерила платье Мэгги — не сомневайтесь, уволена на следующий день. Остается полной загадкой, как мистеру Тейлору удается знать вещи, которые происходят за плотно закрытыми дверями, даже глубокой ночью, даже в самых доверительных разговорах, когда кругом ни души.

Пока что я единственный, кто еще держится. Признаюсь, порой и меня разбирает желание прикарманить монетку-другую из мелочи, рассыпанной на столике хозяйки, или же стянуть из холодильника сладкую шведскую шоколадку. Но я не поддаюсь искушениям. Потому

что полковник Тейлор Всегда Все Знает. И семья проникается ко мне настоящим доверием. Христианское имя и чистая английская речь тоже играют свою роль. Не считая Шанти, которую наняли пару месяцев назад, меня одного допускают в личные комнаты членов семьи, в качестве исключения позволяют смотреть телевизор и время от времени поиграть с Роем в «Нинтендо». Однако даже мне ни под каким видом не разрешается входить в кабинет хозяина, прозванный в доме Берлогой. Это маленькая таинственная комната, примыкающая к господской спальне. Тяжелая деревянная дверь защищена очень толстой железной решеткой с тремя замками — двумя поменьше и одним огромным, блестящим, точно золото, с надписью: «Американский автоматический. Бронированный». Рядом на стене — белая электрическая панель. На ней — череп с костями, а еще кнопки с цифрами от нуля до девяти, как у телефона. Хитрый замок не откроется, если не набрать нужный код. Любой, кто попытается его взломать, получит удар силой в четыреста сорок вольт и умрет на месте. Когда на панели горит красная лампочка, это значит, комната заперта. Стоит хозяину войти внутрь, огонек меняется на зеленый. А больше туда никому нельзя. Даже миссис Тейлор. Даже Мэгги с Роем.

Жизнь в этом доме почти залечила душевные раны, полученные в Мумбаи. Первые несколько месяцев я вздрагивал всякий раз, когда мимо проезжал джип с красной мигалкой. Со временем страх преследования начал понемногу таять. Шантарам и Неелима стали болезненными, но далекими воспоминаниями. Правда, я часто думал о Гудии: как она там? Однако нелегко помнить человека, лица которого ты никогда не видел. Мало-помалу и этот образ растворился в дымке прошлого. А вот Салима я так и не смог забыть. Меня терзали угрызения совести. Нельзя же бросать друзей на произвол судьбы! Интересно, разносит ли он по-прежнему домашние обеды? Увы, выходить на связь опасно: он слишком честен и может запросто выдать меня полиции.

У Тейлоров я научился готовить барбекю и делать фондю. Стал знатоком по смешиванию напитков и замерять количество виски в стакане при помощи специального гвоздика. Пробовал кенгуриные бифштексы и клецки из крокодильего мяса, доставленные прямоком из Канберры. Увлёкся регби, теннисом и непонятной штукой под

названием австралийский футбол,^[52] которую смотрит по телику Рой. Чего я до сих пор не освоил, так это австралийский акцент. Хотя каждый вечер тренируюсь у себя в комнате. «Здорово, братан, подъезжай к восьми часам к Золотым Воротам», — произношу я, коверкая слова, и покатываюсь со смеху.

Больше всего мне по душе ходить за покупками с миссис Тейлор. В основном их еда приходит из Австралии, хотя время от времени хозяйка закупает привозные товары на Супербазаре и Хан-маркете. Берет испанские чоризо,^[53] и редкий сыр рокфор, и корнишоны в рассоле, и красные чилийские перчики в оливковом масле. А в самые прекрасные дни она отводит Роя и Мэгги в «Кидз-март» — величайший в целом мире магазин для детей. Там есть игрушки, одежда, кассеты и даже велики. Пока брат и сестра выбирают себе футболки и джинсы, я просто брожу среди этой роскоши в свое удовольствие.

Каждый месяц Рой и Мэгги получают журнал. Его название — «Австралиан джиогрэфик». По-моему, это лучшее издание на свете. Страницы переполнены снимками самых восхитительных мест на земле — оказывается, все они расположены в Австралии. Мили золотых песчаных пляжей. Острова, окаймленные прелестными пальмами. Океаны, полные китов и акул. Города, набитые несметными небоскребами. Вулканы, которые плюются смертоносной лавой. Укрытые снегом вершины гор над ярко-зелеными равнинами. В свои четырнадцать лет я мечтаю лишь об одном — когда-нибудь повидать это волшебство собственными глазами. Побывать в Куинсленде и Тасмании, посмотреть на Большой Барьерный риф, и можно умереть спокойно.

Чем еще приятна здешняя жизнь — работы немного. В доме Неелимы я был единственным слугой, а тут нас четверо. Раму — повар, и кухня целиком на нем. Шанти стелет кровати, занимается стиркой. Мне остается лишь уборка и пылесос. Иногда случается наводить глянец на столовое серебро, складывать стопками книги в хозяйской библиотеке и помогать Бхагвати со стрижкой кустов. Комнаты прислуги примыкают к основному зданию особняка. Садовник с женой и сыном занимает большую из них, во второй, поменьше, живет Шанти, а мы с поваром делим третью. Кровать у нас двухэтажная, и мне достается спать наверху.

Раму — отличный парень, к тому же бесподобно готовит. У Тейлоров он работает четыре месяца и больше всего гордится знанием французской кухни: довелось как-то прислуживать семье парижан. Ему по зубам и *gâteau de saumon*,^[54] и *crepes suzette*,^[55] и мои любимые *crevettes au gratin*.^[56] Раму хорошо сложен, да и лицо хотя и рябое, а все равно довольно приятное. Мой сосед обожает индийские фильмы. Особенно те, в которых богатая героиня сбегает с возлюбленным, не имеющим гроша в кармане. Подозреваю, что Шанти втайне увлечена статным поваром. Она так на него смотрит, а иногда и подмигивает, что поневоле призадумашься. Однако Раму не обращает на нее внимания. Ведь он влюблен в другую. Вообще-то я поклялся не разглашать его тайны. Могу лишь намекнуть: это очень красивая девушка с голубыми глазами и золотыми локонами.

Да, я живу в комнате для прислуги, но, если честно, временами чувствую себя чуть ли не частью семьи. Всякий раз, отправляясь в «Макдоналдс», Тейлоры покупают мне «детский завтрак». Собравшись поиграть в «Скрабл», брат и сестра непременно зовут составить им компанию. И Рой приглашает вместе смотреть крикет по телевизору — правда, потом бесится, когда австралийцы продувают. И если семья уезжает на родину, то никогда не забывает привезти мне гостинец — брелок со словами «Я люблю Сидней» или майку с шуточной надписью. От этой нежданной доброты на глаза наворачиваются слезы. Наслаждаясь ломтиком эдамского сыра или стаканом шипучки из корнеплодов, я с трудом верю, что каких-то пять лет назад был сиротой и ел твердые почерневшие чапати в грязной столовой детдома. Порой мне действительно кажется, будто мы родные люди. Рама Мохаммед Тейлор!.. Однако достаточно полковнику обругать или выгнать очередного слугу или просто помахать указательным пальцем, приговаривая: «Грязные индийцы», — и сладкие грезы рассыпаются в прах. Нет, я всего лишь подкидыш, который подглядывает сквозь решетку окна за удивительным и бесконечно чужим миром.

Впрочем, кое-что здесь мне все-таки принадлежит, а именно заработанные деньги. Хотя, конечно, их еще надо увидеть и подержать в руках. После множества неудач со слугами полковник Тейлор надумал выдавать мне, как несовершеннолетнему, лишь пятьдесят рупий в месяц на карманные расходы. Остальное, по его словам,

причитается получить по окончании срока найма. И то — если буду вести себя хорошо. Иначе плакала моя зарплата. В отличие от меня Раму получает каждый месяц целых две тысячи. Повар уже сколотил состояние в восемь тысяч, которое он бережно хранит под матрасом. А у меня на руках только сотня да маленький красный дневничок, где аккуратно подсчитываются обещанные накопления. На сегодня Тейлоры задолжали мне двадцать две с половиной тысячи рупий. Стоит подумать — и голова кружится. По ночам я вижу себя в чудесных местах со страниц «Австралиан джиогрэфик». А вот мечты соседа простираются гораздо дальше. Он грезит, как женится на прелестной белой девушке и проведет медовый месяц в Сиднее, после чего откроет сеть французских ресторанов, где станут подавать оленину и крем-брюле.

Приходит сосед-старьевщик. Миссис Тейлор сбывает ему большие стопки газет и журналов, скопившихся в доме за полгода: «Таймс оф Индия», «Индиан экспресс», «Пионер» и «Хинду», «Фемина», «Космополитен», «Австралиан»... На их покупку ушло, наверное, десять тысяч, а мы сдаем их по пятьдесят рупий за килограмм. Раму и я выносим тяжелые связки, кабаривалла^[57] швыряет их по одной на пыльные весы.

Вдруг появляется Рой.

— Что ты делаешь, мам? — интересуется он.

— Да ничего особенного, — пожимает плечами она. — Избавляюсь от макулатуры, которой забит весь дом.

— Вот оно как, — отвечает мальчик, уходит к себе и возвращается через пять минут.

В руках у него — тридидцать выпусков «Австралиан джиогрэфик». Не может быть! У меня отвисает челюсть. Он же не намерен их продать?

Но я не успеваю сказать ни слова.

— На шесть кило потянут, — прикидывает старьевщик, ловко взвесив глянцевые номера. — Плачу девяносто рупий.

Рой согласно кивает. Сделка завершена. Еще не веря увиденному, я мчусь к себе в комнату.

Кабаривалла уже покинул дом, но я настигаю соседа на дороге.

— Простите, мэм-сахиб хочет вернуть эти журналы.

— Товар куплен, — хмурится старьевщик. — За такую хорошую бумагу дадут немало.

В конце концов приходится расстаться с отложенной на будущее сотней, зато все три десятка выпусков спасены. Теперь они мои. Вечером, разложив их по крохотной комнатухе, я всласть любуюсь красотой гор и пляжей, омаров и медуз, кенгуру и кукабурра. Кажется, будто с этого дня сказочные дальние земли становятся чуть ближе. Словно вместе с журналами я приобрел их частичку и сохранил ее в сердце.

В том же месяце происходит еще кое-что важное. На канале «Стар-ТВ» впервые запускают сериал восьмидесятых годов «Охотник за шпионами», который сразу покоряет австралийских зрителей. Главный герой — их соотечественник, полицейский по имени Стив Нолан — занимается ловлей шпионов. Полковник Тейлор пристрастился к фильму с первого взгляда. Обычно он пропадает вечерами в своей Берлоге, выходя только к ужину, а вот по средам неизменно усаживается перед экраном с бутылкой пива и наблюдает, как бравый Стив Нолан разоблачает гнусных иностранцев, продающих разные секреты некой русской организации под названием КГБ. Мне нравятся взрывающиеся машины, смертельные трюки и всякие крутые приспособления вроде авторучки со встроенной мини-камерой или магнитофона, превращающегося в ружье. А еще я в восторге от ярко-красного «феррари», в котором герой летает по улицам, точно ракета.

Летом приемы на открытом воздухе — привычное дело, но в этот раз готовится нечто особенное. В гости ожидают генерала из Австралии и даже самого верховного комиссара.^[58] Ради такого случая меня, Раму и Бхагвати наряжают в безукоризненно белую униформу с круглыми золотыми пуговицами. На руках у нас молочные перчатки, а на ногах — черные ботинки. Крупные, снежного цвета тюрбаны с короткими хвостами неудобно качаются на наших маленьких головах. Такие надевают женихи на свадьбах. Только мы ничуть не смахиваем на женихов. Скорее на чудных официантов посреди чудного праздника, устроенного под открытым небом.

Начинают собираться гости. Хозяин в бледно-голубом костюме принимает их за домом, на заботливо подстриженной лужайке. Раму поджаривает на вертелах цыплят, свинину, рыбу и говядину. Бхагвати

подает коктейли на серебряном подносе. Ну а я заведу баром, потому что единственный из прислуги могу понять, чего желает тот или иной клиент: кампари с содовой или же «Кровавую Мэри». Горничная Шанти в изящной юбке вместо привычного сари помогает сегодня на кухне.

Вокруг очень много белых людей, в основном из других посольств, хотя попадаются и мои соотечественники — по большей части журналисты и представители министерства обороны. Белые предпочитают коктейли и пиво «Кингфишер». Индийцы, как всегда, налегают на виски «Блэк лейбл».

Темы для разговоров тоже распадаются на две группы. Земляки толкуют о политике и крикете. Эмигранты с дипломатами сплетничают и сетуют на духоту.

— Боже, какая жара! Скорее бы в отпуск.

— Представляете, моя горничная сбежала с садовником. И это после того, как я повысила обоим жалованье!

— Да, в наши дни трудно найти порядочную прислугу. Кого ни возьми, сплошь воры и мошенники.

Прибытие верховного комиссара и элегантно одетого мужчины — говорят, он и есть генерал, — вызывает настоящий фурор. Миссис Тейлор из кожи вон лезет, стараясь угодить почетному гостю. Все долго целуются и пожимают друг другу руки. Хозяин сияет от удовольствия. Вечеринка идет как по маслу.

К одиннадцати часам лужайка почти пустеет. Лишь парочка журналистов и один чиновник из министерства обороны продолжают сидеть, будто ни в чем не бывало, потягивая по десятому стаканчику «Джонни Уокера». Мэм-сахиб неприязненно косится на них.

— Зачем только ты позвал этих щелкоперов, Чарлз? — ворчит она. — Вечно их палкой не выгонишь.

Грузный темный чиновник по имени Дживан Кумар отправляется в дом, на ходу бросает:

— Можно вас на минуточку, мистер Тейлор?

И хозяин уходит за ним, не закончив разговора.

Уже давно за полночь, а Раму все ворочается и вздыхает на верхней постели. Наконец я не выдерживаю:

— В чем дело, приятель? Чего тебе не спится?

— Как можно? — жалуется тот. — Любимая терзает мне сердце.

— Вот глупый. Ну сколько раз повторять: выбрось из головы эту нелепую затею. Если полковник Тейлор дознается, он тебя на куски порвет.

— Влюбленных не страшат никакие угрозы, они готовы пожертвовать жизнью во имя страсти... По крайней мере теперь со мной частичка ее красоты.

От неожиданности я кубарем слетаю с кровати.

— Это ты о чем?

— Тсс... Никому не проболтаешься? Поклянись.

— Ладно, ладно, клянусь. Давай выкладывай, что ты там раздобыл.

Раму торжественно извлекает из-под подушки красную тряпочку, подносит ее к лицу и жадно вдыхает. По комнате разносится легкий аромат духов. Меня разбирает любопытство.

— Ну-ка покажи поближе.

Сосед по комнате разворачивает свою добычу, словно знамя. Дамский бюстгальтер! Подпрыгнув на месте, я больно стучаюсь головой о перекладину.

— Боже милосердный! Это еще откуда? Только не говори, что...

— На, сам посмотри. — Парень гордо протягивает изящную вещицу, и я осторожно верчу ее в руках.

Дорогая, наверное. Вся в кружевах и вышивке. Возле застежек белеет ярлычок: «Секрет Виктории».

— Кто такая Виктория?

— Виктория? Не знаю никакой Виктории.

— Но это ее лифчик. Здесь даже имя написано. Где ты вообще его взял?

Повар смущается.

— Ну... вообще-то в комнате Мэгги.

— О Господи, Раму! Ведь знаешь, тебе нельзя в детские комнаты! Надо же было так влипнуть!

— Слушай, Томас, ты обещал не выдавать меня. Пожалуйста, умоляю, никому ни слова.

— Ладно, могила.

Забираюсь обратно в кровать. Вскоре сосед заливается мирным храпом. Думаю, грезит о златовласой девушке с голубыми глазами. А

мне снится джип с красной мигалкой. Все-таки беднягу ждут серьезные неприятности. Ведь полковник Тейлор — Тот, Кто Все Знает.

Разумеется, спустя два дня к особняку с пронзительным воем подкатывает пресловутый джип. Полицейский инспектор в солнцезащитных очках важно шагает в хозяйский кабинет. Я помню его: это Тьяги, который забрал Аджая. Вошедший — кто бы сомневался? — требует разговора с поваром. Констебли тащат парня из кухни в его комнату. Кстати, она и моя тоже. Поэтому я протискиваюсь вслед за ними. Ищейки перетряхивают постель соседа. Под матрасом припрятана пачка денег. А под подушкой — бриллиантовое ожерелье. Понятия не имею, откуда оно взялось, но только Раму не вор. А между тем констебли продолжают повальный обыск. Находят мои журналы, бережно сложенные в углу, потом брелки, футболки. А под конец — красный бюстгальтер, смятый и сунутый под простыню. Тот самый, что повар стащил из комнаты Мэгги. Не представляю, как он туда попал.

И вот меня волокут к хозяину, будто бы отъявленного преступника.

— Тейлор-сахиб, вы сообщили нам лишь об одном жулике, и он, конечно, виноват: в постели мерзавца обнаружены краденые деньги и ожерелье, но это еще не все. Взгляните-ка, что воровал этот маленький негоднику ваших детей! — Тут инспектор бросает мои журналы на пол и торжествующе разворачивает красный лифчик.

Мэгги разражается слезами. Раму, судя по его виду, готов упасть в обморок. Глаза хозяина сверкают убийственным огнем.

— Мать твою налево! И ты туда же, Томас? — ахает миссис Тейлор.

Ее потрясение быстро перерастает в ярость.

— Вы, грязные индийцы! — вопит хозяйка и хлещет меня по щекам четыре или пять раз. — Нечего сказать, все как на подбор! Неблагодарные твари! Кормишь вас, одеваешь, и вот какова расплата за нашу доброту!

— Не надо, Ребекка, — останавливает ее муж. — Это недоразумение. Томас — хороший парнишка. Белье нашей дочери ему подбросил негодник Раму. Доверься мне, я-то знаю.

Всеведение хозяина спасает меня от неминуемой кары. Журналы возвращаются на прежнее место. Правда, пляжи Квинсленда и джунгли Тасмании уже не завораживают сердце, как прежде. Повар в слезах сознается в краже бюстгальтера, однако божится, что не брал ожерелья. Трясаясь от страха, он во всем обвиняет Шанти, но это уже бесполезно. Инспектор забирает беднягу в свой джип с красной мигалкой, а заодно прихватывает бутылку «Блэк лейбл» — подарок хозяина.

Тяги довольно скалит зубы:

— Премного благодарен, Тейлор-сахиб. В любое время к вашим услугам, только позвоните. С радостью сделаю все, что в моих силах. Вот моя карточка.

Полковник рассеянно оставляет визитку на рабочем столике в кабинете.

В доме все вверх дном. Хозяева купили дочери маленького пушистого любимца. Полковник приводит его в элегантном ошейнике на поводке. У щенка длинный хвост и крохотный мокрый носик. Зверек похож на игрушку и больше тьякает, чем лает. Мэгги говорит, он настоящий Апсо.^[59] Поразмыслив, она решает назвать его Ровером.

И снова в особняке волнение. Прибыл новый повар по имени Джай. Сразу видно: в подметки не годится нашему Раму. Какая там французская кухня! Да он au gratin нипочем не выговорит без запинки. Мистера Тейлора подкупил зрелый возраст и крепкое семейное положение: у новичка жена и две дочери, они живут неподалеку в деревне. Опять придется делить комнату с другим человеком. А мне так понравилось быть одному. Хочешь — на верхней кровати спи, хочешь — на нижней.

Скользкий типчик этот Джай. Глаза так и бегают. Еще он тайком покуливает в нашей комнате, хотя это строго-настрого запрещено. И вдобавок обращается со мной как с прислугой.

— Какая у тебя мечта? — спрашивает он тоном нашего учителя из детдома.

— Купить красный «феррари», — вру я не моргнув глазом. — А у тебя?

Он зажигает новую сигарету и выпускает изо рта ровные крутящиеся колечки.

— Хочу открыть свой гараж. Только это очень дорого. Правда, мне надо раздобыть всего сто пятьдесят тысяч; остальные расходы обещает покрыть один богатый друг, Амар. Как думаешь, много эти фиранги^[60] прячут в доме?

Я осторожно помалкиваю. Не успел устроиться, как уже мечтает ограбить хозяев? Хорошо, что ему неизвестно главное: полковник Тейлор — Тот, Кто Все Знает. Ну да, все еще впереди.

По утрам хозяин выгуливает Ровера в Садах Лоди, что неподалеку от дома. И вот властям Дели приходит в голову издать указ, чтобы владельцы собак сами убирали за ними помет под угрозой баснословного штрафа. И эту работу поручают не кому-нибудь, а именно мне. Мерзость какая! Представьте, что каждый день в половине шестого вас выдергивают из теплой постели, заставляя носиться по парку с лопаткой и тазиком за бестолковой чумазой собакой, которая гадит через каждые две минуты! А впрочем, Сады Лоди — приятное место для ранних прогулок. Вокруг много зелени, а в середине расположен древний осыпающийся монумент под названием Бара Гумбад.^[61] Поутру здесь полно любителей спорта. Престарелые тучные дамы проделывают упражнения йоги, худосочные девушки самозабвенно занимаются аэробикой.

Со временем начинаю примечать: иногда полковник Тейлор надолго исчезает из поля зрения. Из чистого любопытства я как-то раз оставляю Ровера заниматься его нехитрыми делами, а сам незаметно следую за хозяином. Миновав Бара Гумбад, мужчина сворачивает к маленьким зарослям. Прячусь в густых кустах. Навстречу господину выходит индеец из министерства обороны, знакомый мне по той вечеринке под открытым небом.

— Знаете что, мистер Кумар? Вчера я проследовал за вами от дома до кондитерской, а вы и не заметили.

Собеседник сильно потеет и явно беспокоится.

— О, прошу прощения, полковник, — от души сокрушается он. — Буду впредь осторожнее. Понимаю, нас не должны видеть вместе.

— Разумеется, мистер Кумар, это само собой. И если вы продолжите пренебрегать безопасностью, боюсь, нашим разговорам

наедине придется положить конец. Запомните короткое слово: СЗХС.

— СЗХС?

— Именно. След запутал — хвост стряхнул. Это очень просто. Никогда не двигайтесь к цели прямой дорогой. Меняйте дороги, автомобили, ныряйте в одну лавку, выныривайте из другой — делайте все, что угодно, лишь бы обмануть преследователя. Тогда любой сдастся.

— Хорошо, полковник, непременно запомню. А теперь позвольте сообщить вам добрую новость. Похоже, скоро я раздобуду сведения, которых вы так долго ждете. Встречаемся в пятницу четырнадцатого в машине за службой автосервиса на Южной дороге. Обычно там довольно безлюдно. В восемь часов пополудни. Договорились?

— Договорились.

На этом беседа завершается. И я со всех ног тороплюсь обратно к Роверу, пока не вернулся хозяин.

Подходит пятница, четырнадцатое. Мои глаза широко открыты, а ушики на макушке. Рано утром полковник Тейлор сообщает супруге:

— Торговый атташе Макджилл хочет показать мне здешние достопримечательности. Так что я слегка запоздаю, Ребекка. Не жди к ужину.

— Отлично, — кивает она. — Значит, нас обоих не будет. Жена верховного комиссара как раз пригласила меня на партию в бридж.

Я быстро смекаю, что к чему. Увы, господин тут же падает в моих глазах. И еще очень жаль мемсахиб.

Следом за Раму приходит очередь хозяйского сына. Полковник Тейлор застукал юношу в его же спальне целующимся с горничной. Шанти клянется покойной матерью, что между ними ничего не было, что Рой-баба^[62] поцеловал ее в первый раз, да и то по ошибке, но все мольбы бесполезны. Результат чересчур предсказуем: незамедлительное увольнение. Впрочем, хотя бы жалованье девушке выплачивают без остатка. Незадачливый кавалер получает серьезный нагоняй за то, что связался с «грязными индийцами», вдобавок ему запрещают визиты в «Кидз-март». После этого я дней десять не захожу в комнату Мэгги — на всякий случай.

А надо было наведаться, навести порядок. Возможно, это ее спасло бы. Не проходит и двух недель, как на скамье подсудимых оказывается уже сестра Роя. Тот, Кто Все Знает, раздобыл неопровержимые улики: девушка покуривала, несмотря на строжайший запрет. Мэгги пытается спорить, но мистер Тейлор достает запрятанную в алмирах^[63] пачку и даже окурки, от которых господская дочка забыла избавиться. И вот ей тоже запрещают посещать «Кидз-март».

Хотите верьте, хотите нет, два месяца спустя полковник Тейлор легко разоблачает еще одного обманщика. Свою собственную жену. Оказывается, миссис Тейлор тайно встречалась кое с кем из посольства.

— Сучка проклятая! — кричит он в супружеской спальне. — Убью! И тебя, и твоего тупорылого любовничка!

Слышится звон пощечины и грохот бьющейся посуды. Вечером Ребекка не спускается к ужину. Дети держатся от отца на почтительном расстоянии. Бедная, бедная миссис Тейлор! Суровый муж разведal о ее маленькой лжи, а сам... Вот бы вывести его на чистую воду, рассказать об этих встречах со старым Кумаром на заброшенных парковках. Однако право присловье: тому, кто в стеклянном доме живет, негоже бросаться камнями. А меня до сих пор терзает страх: что, если Тот, Кто Все Знает, выяснит, как я толкнул Шантараму с лестницы? Или что-нибудь такое, чего я и сам о себе не ведаю?..

В то время, пока семью сотрясают ужасные события, Джай больше и больше действует мне на нервы. Готовит он из рук вон плохо, и чем дальше, тем хуже. Бульоны у него не только бесцветные, но и безвкусные, перчиками того и гляди подавишься, а от бифштексов даже Ровер нос воротит. Сосед по комнате замучил меня до смерти глупой болтовней о своем гараже и ста пятидесяти тысячах рупий. Я уже собираюсь пожаловаться хозяину, когда на дом обрушивается несчастье. В городе Аделаида умирает мать мистера Тейлора. Всем очень грустно. Впервые военный чиновник открывает нам свою мягкую сторону.

— Придется уехать на неделю, — объясняет он повару приглушенным голосом. — Особняк будет заперт. Вы с Томасом

можете есть у себя.

Рой и Мэгги то и дело всхлипывают. У миссис Тейлор красные глаза. Само собой, Бхагвати тоже плачет. Даже мои глаза застилают слезы. И лишь один из нас коварно ухмыляется за стенами кухни — Джай.

Той же ночью мой сосед по комнате вламывается в особняк. Причем отправляется не в детские спальни и не в хозяйский кабинет, а напрямик в запретную Берлогу. Первым делом он отключает в доме ток, потом замыкает электрическую панель, срезает бензопилой висячий замок, сдвигает металлическую решетку и выбивает деревянную дверь.

В три часа ночи я пробуждаюсь от жуткого вопля, сотрясающего стены особняка. Бегу туда и вижу следы работы Джая. Стоя посреди Берлоги, тот бьется головой о стену.

— Сволочи! Это ж надо: живут как короли, а в доме ни пенни!

В моей голове тревожно завывают сирены. Тот, Кто Все Знает, уже наверняка проведал о вероломстве повара — даром, что в этот миг хозяин присутствует на погребении своей матушки за тысячи миль от нас. А как же я, не запишут ли меня в сообщники?

— Джай, бестолковая голова, что ты сделал?

— Только то, для чего сюда устраивался. Я же профессиональный вор, Томас. Восемь лет провел за решеткой. Я-то думал: что за секретность, поди фамильные драгоценности от людей прячут, а здесь шаром покати! Полгода работы коту под хвост! Ну ладно, сейчас подключу электричество и дам деру. Значит, так: я забираю проигрыватель видеодисков и видеодвойку. С паршивой овцы хоть шерсти клок: надо же уважать свое ремесло. Можешь за мной тут все подчистить. Попробуй только пикнуть в полицию — кости переломаяю.

После его ухода я с любопытством осматриваю комнату. Вокруг полно самых странных вещей. Микрофоны, похожие на крохотные подсолнухи, малюсенькие камеры, напоминающие выдранные глаза. Блокноты с надписью: «ШИФРЫ», страницы которых исписаны замысловатыми сочетаниями букв и цифр. Несколько книжек: «Искусство шпионажа», «Предметы первой необходимости для хорошего контрагента», «Как выследить подставную марионетку». Документы с пометками: «Совершенно секретно» и «Для служебного пользования», всевозможные чертежи, один из которых называется

«Схема корпуса усовершенствованного ядерного реактора», а еще один — «План подводной лодки». Но главное — выдвижной ящик с миниатюрными видеокассетами. Они расставлены в алфавитном порядке, согласно заголовкам на ярлычках: «Аджай», «Бхагвати», «Верховный комиссар», «Дживан», «Джонс», «Мэгги», «Макджилл», «Рей», «Рамеш», «Ребекка», «Рой», «Шанти», «Стюарт»... и разумеется, — «Томас». В следующем ящике обнаруживается портативный плеер. Трясущимися руками вставляю туда кассету со своим именем. На экране загорается изображение. Это моя комната. Вот я сижу на кровати; пишу что-то в красном дневнике; болтаю с поваром; сплю. Не снят ли здесь и Шантарам? Перематываю пленку до конца и успокаиваюсь. Может, проглядеть кассету миссис Тейлор?.. Хозяйка сидит на постели. Крадучись, в комнату входит мужчина и заключает ее в объятия. Я вижу только спину. Следует продолжительный и страстный поцелуй. Но вот раздается стук, неизвестный подпрыгивает и смотрит мне прямо в глаза. Я обмираю от страха. Это же сам верховный комиссар! Поспешно вынимаю пленку и выключаю плеер. Несколько минут не могу пошевелиться от ужаса: что, если даже сейчас, в этой комнате, продолжается видеонаблюдение? Потом обессиленно выдыхаю. Да уж, теперь-то я понял, как мистеру Тейлору удается все знать. Он попросту нашпиговал дом жучками. А то и представительство верховного комиссара. Выходит, он лазутчик. Но я-то не Стив Нолан, охотник за шпионами. Мне платят полторы тысячи в месяц, что составляет уже сорок три с половиной тысячи рупий. Нельзя допустить, чтобы все эти деньги так и остались бесполезными цифрами на страничках красного дневника. Нет, я желаю подержать в руках тугие пачки, услышать хруст новеньких гладких купюр. Так что лучше набрать в рот воды. И растягивать губы, когда бы ни засмеялись сахиб и мэм-сахиб. Набираю номер хозяйского мобильного.

— Простите за беспокойство, сэр, но ваш дом ограблен. Джай украл проигрыватель видеодисков и видеодвойку. А еще он взломал дверь Берлоги.

— Что-о-о?

— Да, сэр. Мне очень жаль, сэр.

— Послушай, Томас, вот что ты должен сделать. Сейчас же закрой кабинет. Сломанный замок можешь выбросить. Повесь любой другой,

но сам не входи. Не вздумай вызывать полицию, это очень важно. Если сработает сигнализация, просто набери на панели код: ноль-ноль-ноль-семь. Ты понял? Три ноля-семь, и шум прекратится. Я срочно вылетаю, завтра вечером буду в Дели. Главное, чтобы до тех пор ни одна живая душа не сунулась в Берлогу. Ясно?

— Ясно, сэр.

Полковник Тейлор возвращается в Индию, так и не увидев похороны своей матери. Пулей вылетает из такси, сразу же мчится в кабинет — и выходит оттуда, облегченно вздыхая.

— Слава Богу, в Берлоге ничего не пропало. Молодец, Томас. Я знал, что могу на тебя положиться.

Проходит еще полгода. Жизнь моя движется по накатанной колее. В особняк нанимают нового повара, который на пушечный выстрел не приближался к тюрьме. Бхагвати уволен: без разрешения взял хозяйскую машину на свадьбу близкого родственника. Раскрыт и отлучен от дома очередной дружок Мэгги. Рой получает серьезную порку за то, что принимал наркотики. Мистер и миссис Тейлор сохраняют в отношениях ледяную вежливость. Хозяин и Дживан Кумар, как я полагаю, продолжают украдкой встречаться на тихих аллеях и безлюдных парковках.

Брат и сестра играют в гостиной в «Скраббл». Меня приглашают составить компанию. Очень познавательная забава. С ее помощью я учусь новым словам, таким, как «понт», «бабло», «байда», «фенька», «шухер». Мэгги всегда выигрывает. Ее словарный запас просто неисчерпаем. Девушке с голубыми глазами под силу использовать разом целых восемь букв, а то и девять. Я в этой тройке самый слабый. «Да», «нос», «пел», «есть» — вот и все, на что меня хватает. Правда, иногда снисходит озарение, и в голове рождаются слова подлиннее, но и это не спасает от полного поражения по очкам. Порой кажется, будто меня и зовут играть, чтобы брату Мэгги не ходить в последних. На сей раз мне совсем не везет. Буквы-то какие достались: одни Х, Ч, Ф... А кон почти завершился. Мои последние фишки: Ж, Ш, П, А, И. Думаю, надо бы составить из них «шип», и дело с концом. Тут Рой прибавляет Н к О из слова сестры. Получается «он», и вдруг меня осеняет! Быстро подставляю Ш, П, И перед О, потом А и Ж после Н. «Шпионаж». Это

целых семнадцать очков плюс дважды по столько, так как уместился на красных клетках, да еще пятьдесят за то, что использовал фишки без остатка. Итого сто одно очко. Получай, Мэгги!

Сегодня весь день болтаюсь у телефона. Изгнанник-Джеймс должен выйти на связь, поэтому хозяйская дочка велела отвечать раньше, чем это сделает ее отец в Берлоге. Наконец около пятнадцати минут восьмого раздается звонок. Мгновенно срываю трубку, и все-таки полковник Тейлор успевает опередить меня:

— Алло.

Слышится тяжелое, неровное дыхание. Потом сквозь помехи прорывается Дживан Кумар:

— Встречаемся завтра в восемь у магазина мороженого, возле Индийских Ворот. Я раздобыл то, что вы просили, о динамите.

— Отлично, — произносит мистер Тейлор и торопливо разъединяется.

Позже хозяин сидит с бутылкой любимого пива, досматривая последнюю серию «Охотника за шпионами». В этот раз перед главным героем встает неразрешимая задача. Его самый близкий друг, товарищ по студенческим временам и вдобавок шафер на его свадьбе, оказывается лазутчиком неких коммунистов. Стив Нолан опечален и не знает, как поступить. Вот он, помятый и растрепанный, сидит за стойкой бара и безостановочно хлещет виски. А бармен и говорит: «Конечно, в мире полным-полно грязи, да только если никто не возьмется за уборку, скоро вся страна превратится в отхожее место». Услышав такое, охотник за шпионами трезвеет на глазах и в огромном волнении мчится к дому «коммуняки» на ярко-красном «феррари». «Ты неплохой человек, но занимаешься дурным делом, — бросает он в лицо приятелю, прежде чем достать пистолет. — Дружба для меня много значит. А все-таки родина дороже всего. Прости», — извиняется он и убивает лазутчика наповал.

На следующий день, примерно в десять вечера, к особняку с пронзительным воем, полыхая мигалками, подъезжают полицейский джип и посольская машина. Уже знакомый инспектор, арестовавший некогда Раму, и глава столичной полиции под руки ведут полковника

Тейлора. Вид у него — как у Стива Нолана в баре. Минут через десять прибывает и сам верховный комиссар.

— Что это значит? — набрасывается он с вопросами на облеченных властью констеблей. — На каком основании министерство иностранных дел объявило мистера Тейлора персоной нон грата и обязало покинуть страну в течение сорока восьми часов?

— Видите ли, ваше превосходительство, этот человек уличен в деятельности, несовместимой со статусом дипломата, — отвечает комиссар полиции. — Боюсь, у нас есть неопровержимые доказательства.

— Да, но в чем его обвиняют?

— Пойман с поличным, принимая из рук в руки сверхсекретные, не подлежащие разглашению документы. Сообщник — некто Дживан Кумар, чиновник из министерства обороны.

Лицо хозяина становится пепельно-бледным. Не слышно, чтобы он обзывал индийцев грязными врялями. Верховный комиссар тяжело вздыхает.

— Сколько служу, еще ни разу не видел, чтобы к кому-то из моих людей применили ПНГ. Поверьте, Чарлз никак не может быть шпионом. А впрочем, вам, конечно, виднее.

Тут он отводит главу полиции в сторону.

— Мистер Чопра, за эти годы вы получили от меня немало бутылок «Блэк лейбл». Могу я рассчитывать на ответную услугу? Всего один вопрос.

— Разумеется.

— Просто чтобы мне знать: как вам удалось выйти на Чарлза? Кто его выдал — тот парень, сообщник?

— Забавно, что вы спросили. Дживан Кумар ни при чем. Наоборот, это явно кто-то из ваших. Утром позвонил инспектору Тьяги, велел точно в восемь поджидать мистера Тейлора у Индийских Ворот. Дескать, тот получит какие-то секретные бумаги.

— Не верю. Почему вы убеждены, что это был мой соотечественник?

Инспектор переминается с ноги на ногу.

— Как бы вам сказать, господин посол... Акцент, его же никуда не спрячешь. Говорил он примерно так: «Здорово, братан, подъезжай к

восьми часам к Индийским Воротам». Ну, вы понимаете, это же манера австралийцев, правда?

Назавтра полковник Тейлор в одиночестве улетает из Дели. Жена и дети присоединятся к нему позже. Приходит время расставаться. Мне достаются три брелка, шесть футболок, тридцать журналов «Австралиан джиогрэфик» (надо будет продать их соседу-кабаривалла)... И пятьдесят две тысячи рупий. Новенькими, хрустящими купюрами.

Прощаюсь со всем семейством. Роя уже не узнать — оторви да выбрось. С тех пор как подсел на наркоту, его словно пыльным мешком из-за угла треснули, так и ловит зелененьких кенгурят по углам. Мэгги по уши втюрилась в своего ненаглядного Джеймса. За миссис Тейлор можно не беспокоиться: верховный комиссар от нее ни на шаг не отходит, стало быть, все в ажуре. Ну а я направляюсь в Мумбаи, к Салиму. Вот будет встреча, полный улет!

Смита глядит на часы. Половина второго ночи.

— Может, хватит на сегодня? — на всякий случай интересуюсь я.

— Разве у нас есть выбор? Завтра тебе предъявят официальное обвинение, — отзывается девушка, нажимая кнопку «ВОСПРОИЗВЕДЕНИЕ».

И снова рекламная пауза. Ведущий барабанит пальцами по столу.

— Знаешь, Томас, хорошенького понемножку. Спорим на что угодно: следующий орешек тебе не по зубам. В общем, готовься брать Спасательную Шлюпку.

Раздаются вступительные аккорды. Прем Кумар поворачивается ко мне:

— А мы переходим к заданию номер пять, цена которого полсотни тысяч рупий. Вопрос из области высокой политики. Когда правительство объявляет иностранного посла персоной нон грата, что это значит? Варианты: а) ему положены особые почести; б) срок его полномочий продлевается; в) дипломат весьма благодарен и d) дипломат объявлен вне закона. Вам понятно задание, мистер Томас?

— Да, — киваю я.

— Хорошо. Давайте послушаем ваш ответ. Помните, Спасательные Шлюпки все еще ждут. Можете использовать Звонок Другу или выбрать Пятьдесят на Пятьдесят, и мы удалим с экрана два лишних варианта. Ну, что вы на это скажете?

— Скажу: d).

— Прошу прощения?

— Я говорю: d). Дипломат объявлен вне закона.

— Это всего лишь догадка? Не забывайте, на кон поставлен весь ваш выигрыш. Ошибка может стоить десяти тысяч рупий. Так что, если желаете, откажитесь прямо сейчас.

— Я знаю ответ. И это — d).

В зале изумленно ахают.

— Скажите, вы совершенно, на сто процентов уверены?

— Да.

Раскатывается барабанная дробь. Ярko вспыхивает экран.

— Совершенно, на сто процентов правильно! — кричит ведущий. — Поздравляю, вы только что заработали пятьдесят тысяч рупий!

Зрители стоя хлопают, одобрительно свистят. Прем Кумар утирает со лба крупный пот и заявляет во всеуслышание:

— Это что-то невероятное. Сегодня вечером наш мистер Томас проявил себя Тем, Кто Все Знает!

СТО ТЫСЯЧ РУПИЙ: ДЕРЖИСЬ ЗА ПУГОВИЦЫ

— Хватит, — внятно и громко произношу я. — Бар закрывается. Пора домой.

— Ннееее, пажаааалста, — умоляюще тянет клиент, подталкивая ко мне пустой стакан. — Не надо! Е-еще стаканчик. Плесни, а?

Гляжу на часы. Двенадцать сорок пять. Официально заведение работает до часу ночи. Поморщившись, беру бутылку рома «Блэк дог».

— Сто рупий, сэр.

Мужчина вынимает из нагрудного кармана помятую бумажку, и тогда я тютелька в тютельку наливаю, сколько положено.

— Пааасибо, б-б-б-бармен.

Посетитель выпивает залпом — и тут же валится на стол. Попутно он разбивает бокал, расплескивает бутылку содовой и опрокидывает миску с мятной чатни.^[64] Через пару секунд мужчина уже громко храпит. Ну вот, теперь мне придется не только убирать за ним весь этот свинарник, но и звонить в службу такси, поднимать припозднившегося пьянчугу на ноги, да еще исхитриться отправить его домой. Хорошо хоть плату за напитки догадался требовать вперед. Зато про чаевые можно забыть.

Наверное, я сам виноват. Ведь видел же: клиент готов рухнуть в любую минуту. Так нет, понадеялся на его крепкий желудок. И, как всегда, ошибся.

Даже два месяца проработав в баре-ресторане, я не в состоянии оценить способности посетителей. Хотя успел уже составить примерную классификацию алкоголиков. Первое место в моем списке занимают кони. Такой опрокинет и восемь стаканчиков, а у него даже язык не заплетется. Следом идут ослы. Эта братия начинает реветь и бляеть или же распускает нюни после двух-трех обычных доз. Ниже располагаются псы. Чем больше они пьют, тем громче спорят и тем охотнее лезут в драку. Некоторые вдобавок пытаются заигрывать с нашей Розы. Потом, конечно, медведи: налакаются — и на боковую. Но хуже всех — мерзкие свиньи. Последний стакан непременно лезет из них наружу. Границы между этими группами довольно размыты.

Видал я и коней, опустившихся до свинского уровня, и псов, превращающихся в медведей. К счастью, клиент, что дрыхнет передо мной, окончил глубокой спячкой, а не лужей блевотины.

Наконец-то я сбегиваю последнего пьяницу. Настенные часы показывают десять минут второго. С тех пор как Розы с отцом отправились на выходные в Гоа, возвращаться домой в Дхавари после полуночи стало привычным делом. Опять же моя оплошность. Зачем было хвастать, что я умею смешивать и точно отмерять напитки, что знаю разницу между кампари с содовой и «Кровавой Мэри»? Никто и не попросил бы простого официанта замещать Альфреда в его отсутствие.

Что такое бар-ресторан «У Джимми» в Колабе? Это выцветшие гравюры на стенах, зеркала за стойкой и лучшее меню в Южном Мумбаи. Еда здесь отменная, цены низкие, поэтому клиентура собирается весьма разношерстная. Буквально в любой день вы можете наткнуться на чиновника высшего ранга, потягивающего свой напиток бок о бок со скромным заводским работягой. Управляющий требует завязывать с ними разговоры: людям охотнее пьется в компании. Вот настоящий бармен, Альфред д'Соуза, не только помнит завсегдатаев по именам, но и виртуозно заводит беседы: подсаживается, выслушивает их печали, а сам незаметно подливает спиртное и знай себе увеличивает счет. Да и дочь у него — девчонка не промах. Юбка в облипочку, блузка с глубоким вырезом... Стоит ей невзначай наклониться, показать ложбинку между грудями, и растаявшие клиенты требуют ценные заморские вина вместо дешевых индийских. Иногда манеры Розы приводят к неприятностям с неотесанными пьянчугами, которые принимают ее за легкую добычу, и тогда мне приходится брать на себя роль добровольного вышибалы.

Мистер Альфред д'Соуза уверен, что между мной и юной барменшей что-то наклевывается, поэтому смотрит на меня сычом, особенно когда дочь поблизости. Он заблуждается. Розы, конечно, прелесть. Маленькая, грудастая. Порой она загадочно подмигивает, склонив головку набок, словно хочет послать какой-то сигнал. Да только мне сейчас не до намеков. Голова переполнена мыслями об одном-единственном человеке, и это Нита. Доктора в Агре сказали, что выздоровление займет не менее четырех месяцев. Знаю, Шьям нипочем не даст нам увидеться. Поэтому я и вернулся в Мумбаи:

мечтал изгнать призраки прошлого, живые и мертвые. Только разве от себя убежишь? Воспоминания подстерегают на каждом шагу. Неудачник-астроном Шантарам дразнит меня на городских улицах. Актриса Неелима Кумари вдруг окликает в поезде. Глаза Салима смотрят на меня со всех афиш. Но я же сам решил не впутывать бывшего друга в свою безумную жизнь и безумные планы.

Вот оно, мое жилище — сотня квадратных футов, жалкая лачуга, куда не проникают ни солнечный свет, ни чистый воздух. Ржавый металлический лист, заменяющий крышу, страшно дребезжит, когда над головой проносится поезд. Водопровод и санузел отсутствуют. И это все, что может себе позволить официант из бара. Но я здесь не один такой. Миллион моих собратьев разместились на болотистом треугольнике заброшенной пустоши площадью в двести гектаров. На этой величайшей в Азии свалке нищие бродяги со всех концов страны вынуждены сражаться за каждый клочок земли под небом. Каждый день тут случаются шумные драки — к примеру, за ведро воды, которая подчас несет смертельную заразу. Местные обитатели живут как бродячие звери и умирают как насекомые. Откуда их только не понаехало: из пыльного Бихара, Гуджарата... Все рвались в Мумбаи, мечтая разбогатеть и начать веселую жизнь, однако золото их грез давно обратилось в свинец, сердца проржавели, а разум разъела гангрена. Как у меня.

Дхавари не место для впечатлительных. Если делийский детдом унижал нас, то здешнее мрачное запустение притупляет все чувства и омертвляет душу. Сточные канавы кишат москитами. Вонючие, перемазанные экскрементами сортиры полны голодных крыс, из-за которых забываешь о запахе и думаешь лишь о спасении собственного зада. На каждом углу высятся склизкие горы хлама, откуда некоторые из нас нет-нет, да ухитряются выудить что-нибудь полезное. Иногда, чтобы протиснуться по узкому кривому переулку, нужно зажать нос или постараться не дышать. Но все же для множества людей это и есть родной дом.

Среди современных небоскребов и залитых неоновым сиянием торговых центров наш район кажется раковой опухолью прямо в сердце Мумбаи. Город же делает вид, будто слыхом не слыхивал о такой болезни. Отказавшись мириться с ней, он объявил ее вне закона.

Поэтому все без исключения дома в Дхавари считаются нелегальными постройками, что подлежат неминуемому сносу в любое время. Правда, местных поселенцев больше занимает борьба за существование, чем подобные мелочи. Они без зазрения совести проживают в запрещенных квартирах, пользуются запрещенным электричеством, пьют запрещенную воду и смотрят запрещенное кабельное телевидение. Мало того — работают на бесчисленных подпольных предприятиях и даже путешествуют «по-черному», без билетов, на пригородных поездах, минуя колонию.

Уродливый рост раковых клеток нельзя остановить, перестав обращать на них внимание. Медленное убийство будет лишь продолжаться, отравляя ослабевшее тело.

Итак, я каждый день добираюсь из Дхавари к бару-ресторану «У Джимми». Что хорошо в моей работе — начинается она, как правило, не раньше полудня. За это единственное достоинство нужно с лихвой расплачиваться долгими ночами без сна, обслуживая пьяных шутов и грубиянов, бесконечно выслушивая их сетования на судьбу. Знаете, что я понял? Виски — превосходный уравниватель. Будь ты хоть крупная шишка рекламного бизнеса, хоть неприметный литейщик, если не умеешь пить — ты просто жалкий бражник.

После прискорбной истории с Шантарамом я думал, что уже не смогу общаться с пьянчугами. Но что было делать, если только здесь мне предложили работу? Остается слабо утешаться: в конце концов, запах виски не столь противен, как вонь общей уборной, а пьяные жалобы гораздо меньше режут ухо, чем вечные истории насилия, растления, болезней и смерти, от которых никуда не денешься в тесных переулках Дхавари. Я даже научился изображать интерес. Достаточно в нужных местах поддакивать, многозначительно хмыкать, периодически восклицая: «Неужели?» и «Ну надо же!», будто бы впервые услышал о том, что на свете бывают неверные жены и негодяи-начальники (а что еще здесь могут поведать?), время от времени услужливо подбадривая посетителя взять еще немного соленых орешков кешью, заказать жареного цыпленка и, разумеется, запить его добрым виски. Еще я каждый день с замиранием сердца жду, когда же придет письмо от работников «КХМ», извещающее, что меня берут участвовать в телевикторине. Однако почтальон приносит

какую-то ерунду вроде приглашений бесплатно попробовать пиццу в кафе на углу.

Предчувствие провала начинает затуманивать мой разум. Должно быть, особая цель, которая привела меня сюда, не по зубам простому официанту. Наверное, я плыву против течения. В этом деле задействованы чересчур могучие силы, а значит, бесполезно и бороться. Но в памяти снова звучит плач Ниты, рыдания Неелимы разрывают сердце, и воля к победе возвращается. Я должен попасть на викторину! Ну а до тех пор буду слушать рассказы городских пьянчужек. Всякие попадаются истории: хорошие и плохие, смешные и печальные. И среди них — одна вообще ни в какие ворота.

Полночь уже прошла. Однако единственный посетитель никак не собирается восвояси. К счастью, сегодня последний день моей каторги. Завтра возвращаются Розы с отцом, и можно будет рано уходить домой, как все нормальные люди.

Считая с десяти часов, это уже пятый стакан. Клиент явился на личном «мерседесе», который поджидает снаружи. Водитель сладко храпит в машине — видимо, знает, что хозяин никуда не торопится. Мужчине чуть больше тридцати, на нем шикарный темный костюм с шелковым галстуком и сверкающие кожаные туфли.

— Мой милый брат, мой милый брат! — восклицает он каждые две минуты, прихлебывая виски «Блэк лейбл» и закусывая шами-кебабом.^[65]

Управляющий поворачивается ко мне и щелкает пальцами.

— Томас, подсядь к тому господину и расспроси его о брате. Не видишь, бедолага совсем расклеился.

— Но как же, сахиб, уже за полночь. Может, попросить его уйти? Мой поезд отходит в полпервого.

— Пospорь мне еще, зубы пересчитаю! — рявкает хозяин. — У клиента собственный «мерседес», а ты... Давай, заведи с ним беседу. Раскрути этого парня купить шотландского виски «Сингл мальт» из новых запасов.

Посмотрев исподлобья на управляющего, как обиженный школьник на грозного задиру, я неохотно подсаживаюсь к посетителю.

— О, милый брат! Надеюсь, ты простишь меня! — жалобно стонет тот и снова вгрызается зубами в мясо.

Больше всего он похож на осла, хотя и в «светлый» период: залил за воротник, и теперь причитания льются без остановки.

— Что же произошло с вашим братом, сэр? — почтительно интересуюсь я.

Мужчина поднимает голову, смотрит мутными полуприкрытыми глазами:

— Зачем ты тревожишь мою рану?

— Расскажите мне о своем брате, сэр. Возможно, боль немного утихнет.

— Оставь, ее ничто не угасит. Даже виски.

— Хорошо, сэр, не хотите говорить о нем, давайте потолкуем о вас.

— Да знаешь ли ты, кто я?

— Нет, сэр.

— Я Пракаш Рао, управляющий директор «Сурия индастриз», крупнейшей в Индии фирмы по производству пуговиц.

— Пуговиц?

— Именно. Всяких-разных пуговиц — для рубашек, брюк, пальто, юбок и кофточек. Это мы их делаем. Каких только сортов не выдумываем, из чего угодно: из полиэфирных смол, из ткани, кожи, пластмассы, даже из верблюжьей кости, из рога, ракушек и дерева. Видел когда-нибудь рекламу в газетах? «Только у нас, в „Сурия“, самый богатый выбор пуговиц для любой одежды — от пальто до трусов». Спорим, на твоей рубашке тоже наша продукция.

— Ну а ваш брат, как его имя?

— Братец-то? Арвинд Рао. О, мой несчастный, мой дорогой Арвинд! — опять заводит волынку посетитель.

— И что приключилось с Арвиндом? Что он сделал?

— Раньше был владельцем «Сурия индастриз». Пока я не занял его место.

— Как же так получилось? Извините, позвольте плеснуть вам немного «Сингл мальт». Прямо из Шотландии, только вчера доставили.

— Спасибо. Приятно пахнет. Помню, я впервые попробовал эту штуку в Порт-Луи, на Маврикии. Во время свадебного путешествия.

— Вы говорили о том, что заменили брата.

— Ах да. Он был чудесным человеком. И все же потерял свое место, потому что сошел с ума.

— Неужто сошел с ума? Невероятно! У вас орешки кончаются, возьмите-ка новую миску.

— Это слишком долгая история.

Припоминаю реплику Розы:

— Ночь только родилась. Бутылка полна. Так почему бы вам не начать?

— А ты мне друг? — бормочет мужчина с помутневшим взором.

— Конечно, — заверяю я посетителя, улыбаясь во весь рот.

— Ну, тогда слушай. Видишь ли, я сегодня напился. А пьяные всегда говорят правду, верно, дружище?

— Совершенно верно.

— Так вот, приятель, мой брат, мой дорогой и милый Арвинд, обладал недюжинными способностями к бизнесу. «Сурия индастриз» он основал практически с нуля. Поначалу мы торговали бусами в старом Хайдарабаде на рынке. Да ты наверняка помнишь, возле Чарминар.^[66] Это он любовно возвел целую империю, которая перешла ко мне по наследству.

— Но вы наверняка помогали брату вести дела?

— Можно сказать, что нет. Я был неудачником. Даже вступительные экзамены провалил. Арвинд по доброте сердечной взял меня под свое крыло, устроил в отдел продаж. Я очень старался, и постепенно его вера в мои скромные таланты возрастала. В конце концов брат сделал меня главой отдела международных продаж и направил в зарубежный офис компании, расположенный в самом Нью-Йорке.

— Нью-Йорк! Ну надо же! Должно быть, отличное место.

— О да, прекрасное. Но и работа была не из легких. Я вкалывал с утра до поздней ночи, почти все время ездил на метро, встречался с посредниками, торговыми агентами, оформлял приказы, обеспечивал своевременные поставки.

— Понимаю. И что же произошло потом? Погодите минутку, я только принесу новую порцию шами-кебаба.

— Благодарю, дружище. В Нью-Йорке я и познакомился с Жюли.

— Жюли? А кто это?

— Ее настоящее имя — Эрзули,^[67] но все называли ее Жюли. Темная, стройная, знойная девушка с копной густых кудрей и пухлыми губками работала уборщицей в том же здании, где мы снимали офис. Она оказалась подпольной эмигранткой с Гаити. Ты слышал когда-нибудь о Гаити?

— Ни разу в жизни. Где это?

— Крохотная такая страна на Карибах, неподалеку от Мексики.

— Ага. Итак, вы повстречали Жюли.

— Ну, иногда мы просто здоровались. Но вот девушкой заинтересовалась служба иммиграции: как-то выяснилось, что у нее нет грин-карты. Бедняжка умоляла меня назваться ее работодателем. Тогда она спокойно могла бы остаться в Америке. И я в припадке великодушия согласился спонсировать красавицу. В ответ она одарила меня любовью, почтением и невероятным, умопомрачительным сексом. Верь мне, дружище, я ведь пьян в стельку. А пьяные всегда говорят правду. Верно?

— Совершенно верно. Может, еще стаканчик?

— Спасибо, друг. Ты так добр ко мне. Намного добрее, чем Жюли. Знаешь, она ведь использовала меня. Ловко играла на слабостях. Я был одинок в огромном городе. Одно за другим... В общем, в итоге мы поженились.

— И провели медовый месяц в Порт-Луи, правильно?

— Правильно. А вот вернувшись оттуда, я с ужасом открыл для себя другую, темную сторону новоиспеченной супруги. После свадебного путешествия мы впервые пошли к ней домой. Квартира оказалась полна каких-то странных вещей. Чего там только не было: бутылки из-под рома, украшенные бисером и блестками, целая охапка омерзительных с виду кукол, камни различной формы, распятия, трещотки, даже старинный пергамент из кожи змеи. А еще скверный и злоющий кот по кличке Боссу.

Прошло время, и я осознал, что многого не подозревал о Жюли. Однажды в Бронксе на меня напал грабитель с ножом. Нанес глубокую рану — по счастью, не смертельную. Жена не пустила меня в больницу, а приложила травы, прочитала какие-то заклинания, и всего лишь за два дня от пореза не осталось даже шрама. Тогда-то она и сказала, что с юных лет была колдуньей вуду.

— А что такое вуду?

— Лучше тебе не знать, мой друг. Это религия, распространенная на Гаити. Люди там поклоняются духам, которых называют Лоа, и верят, что во Вселенной все взаимосвязано. Одно событие тянет за собой другое и так далее. Случайностей не бывает, невозможного тоже. Вот почему их шаманы способны творить немислимые вещи. К примеру, воскрешать мертвых.

— Вы шутите.

— Ни в коем разе. Ожившие трупы они кличут «зомби». Говорю же тебе, я сегодня набрался по уши. А пьяные никогда не врут. Верно?

— Верно.

Я так заслушался, что забыл о своих обязанностях — угощать клиента орешками и подливать ему виски.

— Жюли перевернула мою жизнь вверх дном. Бывшая уборщица непременно желала крутиться среди сливок общества. Похоже, она считала, будто охмурить брата богатого предпринимателя — то же, что выйти замуж за самого предпринимателя. Ей постоянно нужны были деньги. Но ведь они принадлежали не мне, а компании Арвинда.

Молодая супруга не хотела ничего слушать. Не выдержав ее напора, я пошел на воровство. Началось с мелочей — с пары долларов за мнимый вызов такси. Дальше — больше. Беру с клиента плату, а в гроссбух не заношу. Или подпишу контракт, получу задаток, а в главном офисе об этом ни сном ни духом. Время текло, и понемногу я присвоил полмиллиона долларов. Наконец настал день, когда мой брат, а проживал он здесь, в Мумбаи, обнаружил растрату.

— О Боже! И как же он поступил?

— А ты как думаешь? Арвинд был вне себя от гнева. Стоило ему сказать слово, и сидеть бы мне за решеткой. Да ведь кровь не водица. Я со слезами вымолил у брата прощение. Разумеется, он перевел меня из Америки в маленькую контору в Хайдарабаде и взял обещание возместить за двадцать лет упорной работы хотя бы часть украденных денег.

Как же я тогда радовался! Что угодно, лишь бы не в тюрьму! Но Жюли кипела от ярости. «Да кто ему позволил так обращаться с тобой? — подначивала она. — Сражайся за свои права, у вас ведь равные доли в компании!»

Жена точила и точила меня, пока ее слова не возымели действие. Я начал видеть в Арвинде чужака и наглого мошенника, себя же

считал несправедливо обделенным. Однажды брат наведаясь ко мне в контору, в Хайдарабад, и опять нашел недостачу. Потеряв терпение, он учинил скандал при подчиненных, оскорблял меня, называл неудачником, грозился лишиться работы в компании. Было очень обидно и горько.

Тут я впервые почувствовал желание отомстить. Узнав об этом случае, Жюли вошла в раж. «Пора уже проучить подлеца, — говорила она. — Готов ли ты расквитаться с ним за свою поруганную честь?» Я согласился, поскольку был ослеплен злостью. «Отлично! Тогда раздобудь мне пуговицу с его нестираной рубашки и маленькую прядь волос». «Где же я их возьму?» — спросил я. «Это уж твоя забота», — пожалала плечами жена. Эй, дружище, может, плеснешь еще глоток?

Спохватившись, я торопливо наполняю его стакан.

— Ну и как же вы раздобыли все необходимое?

— Очень просто. Навестил братца в Мумбаи, зашел домой и потихоньку срезал пуговицу с рубашки, брошенной в корзину для стирки. Потом разыскал семейного парикмахера и выкупил у него прядь волос, как только Арвинд подстригся. Цирюльник ничего не заподозрил, Я наплел, будто собираюсь в Тирупатхи, а локон брата — жертва по обету.

Не прошло и месяца, как Жюли получила то, что требовала. А дальше случилось нечто поразительное. Жена достала тряпичную куклу мальчика, испещренную странными черными линиями, пришила к ее груди пуговицу, а волосы приклеила на голову. Потом зарезала петуха и нацедила полную миску свежей крови. Несколько раз окунула туда игрушку вниз головой, потом отнесла к себе в комнату и долго бормотала заклинания, поджигая причудливые корни и травы. «Готово, — сказала она, доставая черную булавку. — Теперь в этой кукле поселится дух твоего брата. Делай с ней, что хочешь, и то же самое произойдет с обидчиком в Мумбаи. Стоит мне, например, воткнуть булавку в голову, и у него начнется жуткая мигрень. А если вонзить поглубже возле пуговицы — возникнут боли в груди. На, попробуй». Казалось, она трунит над простофилей-муженьком, и, чтобы поддержать шутку, я сунул черную булавку в дырку на белой пуговице. Спустя два часа раздался звонок из Мумбаи. Мне сообщили, что брат угодил на больничную койку с легким сердечным приступом.

— Боже мой! — восклицаю я. — Невероятно!

— Вот именно. Вообрази, как меня потрясла эта новость. Нет, не она сама, а то, что Жюли удалось-таки сотворить настоящую чернокнижную куклу вуду.

Следующие два месяца я тайно забавлялся с новой игрушкой. Вымещал на ней досаду и скрытое от других разочарование. Страдания Арвинда доставляли мне сумасшедшее, порочное удовольствие. Помню, я приезжал в Мумбаи, щекотал куколку черной булавкой — и с наслаждением наблюдал через окно, как родной брат корчится от боли на лужайке у дома. Потом стало интересно: что, если потешиться в присутствии зрителей? И я принес тряпичного мальчика в пятизвездочный отель на прием, устроенный в честь японских гостей. Сел неприметно за угловым столиком. Арвинд как раз говорил речь: «... Да, мистер Харада, мы подумываем открыть дочернюю компанию в вашей стране, однако дело в том, что из „Ниппон баттон компани“ пришел не слишком положительный ответ. Мы также...» Тут я втыкаю черное острие прямо кукле в висок. «Оуууууу!» — закричал мой брат и сжал голову обеими руками. В тот вечер иностранные клиенты не стали ужинать.

В следующий раз я захватил игрушку на свадьбу в Бангалоре, куда пригласили нас обоих. Как только Арвинд собрался благословить молодых, я опять воспользовался черной булавкой. «И пусть Господь благ-оуууууууууууу!» — завыл он и неожиданно боднул жениха в живот, к огромному неудовольствию гостей. Многие жалели меня в тот вечер, думая, что брат мало-помалу сходит с ума.

А позже случилась торжественная церемония, на которой Арвинду вручили награду за выдающиеся успехи в бизнесе. Бережно держа в руках сверкающий хрустальный трофей, мой брат поднялся на сцену, чтобы произнести благодарственную речь. «Друзья мои, я очень польщен. Всю свою жизнь я верил, что упорный труд и оууууууууууууууууу!» Хрустальная безделушка полетела на пол и разбилась на тысячи осколков.

Арвинд обратился к доктору, тот сделал МР-томографию и, не найдя ничего серьезного, направил его на обследование к психиатру.

В последний раз я взял свою куклу на ежегодное собрание акционеров и скромно уселся в заднем ряду. Мой брат читал директорский отчет: «Так вот, уважаемые держатели акций, с радостью сообщая вам, что в этом квартале наша компания добилась

весьма существенного роста валового оууууууууууууууууууу!»
Дальше было сущее столпотворение; перепуганные акционеры требовали немедленно снять безумного директора с должности. Через неделю он подал в отставку. Я возглавил компанию, Арвинда же упекли в сумасшедший дом.

Брат оставался там целых два года. За это время я сказочно разбогател. Наконец Жюли добилась всего, чего только хотела. Когда мы переехали в Мумбаи, она первым делом вызвала мать и брата из города Порт-о-Пренс, и они переселились к нам. А я, хоть и приобрел все внешние атрибуты красивой жизни, начал ею тяготиться, раскаивался в том, какими путями достиг цели. Потом я повстречал Джотсну.

— Кто это?

— Официально — лишь новая секретарша. Однако это далеко не все. Мы родственные души. У меня с ней так много общего, как не могло быть ни с одной иностранкой вроде Жюли. Они ведь полные противоположности друг другу. Джотсна открыла мои глаза: я понял, сколь подло и низко обошелся с братом, и, разумеется, решил забрать его из психушки.

— Ну и как, у вас получилось?

— Нет. Слишком поздно. Арвинда пичкали наркотиками, терзали, били электрошоком... В общем, две недели назад он скончался.

— Что?

— Да-да. Мой бедный брат умер.

Посетитель принимается рыдать.

— Мой дорогой брат умер! — Он закрывает лицо ладонями. — И все из-за меня!

Опомнившись, я вижу, как бывший «осел» на глазах вырождается в «собаку».

— Но эта стерва еще поплатится! Я выгоню ее жирную мамашу на улицу, избавлюсь от ее никчемного братца, прикончу гадину-кота и вышвырну Жюли из Мумбаи. Пускай себе гниет в аду на Гаити! Ха!

— И как же вы собираетесь это сделать?

Во взгляде Пракаша мерцают коварные искры.

— Ты ведь мне друг, а я сегодня под мухой. Пьяные никогда не врут. Поэтому слушай. Я говорил с адвокатом и подготовил бумаги,

викторина... Вы правильно угадали: речь пойдет о городах мира! Мистер Томас, надеюсь, вы знаток и в данной области? К примеру, известно ли вам, как называется столица Индии?

В зале хихикают. Ну конечно, где уж официанту запомнить главный город своей родины!

— Нью-Дели.

— Отлично. А как насчет Соединенных Штатов Америки?

— Нью-Йорк.

— Нет, не угадали! — усмехается ведущий. — Может, вы знаете столицу Франции?

— Не знаю.

— Или Японии?

— Не знаю.

— Ну, хотя бы Италии? Это всем известно.

— Нет.

— Тогда не представляю, как вы справитесь с нашим заданием без помощи Спасательной Шлюпки. Итак, вопрос номер шесть стоимостью в сто тысяч рупий. Назовите столицу Папуа — Новой Гвинеи. Варианты: а) Порт-Луи, б) Порт-о-Пренс, с) Порт-Морсби и d) Порт-Аделаида.

Звучит напряженная музыка.

— Мистер Томас, вы хоть немного представляете, о чем речь?

— Да, мне известно, какие ответы неправильные.

— В самом деле? — недоверчиво произносит Прем Кумар.

Аудитория начинает перешептываться.

— Ну да. Это не Порт-о-Пренс, потому что Порт-о-Пренс находится на Гаити; не Порт-Луи, расположенный на Маврикии. Порт-Аделаида — австралийский город... Остается с) Порт-Морсби.

— Поразительно. Вы совершенно, на сто процентов уверены?

— Да, уверен.

Раздается барабанная дробь. Загорается верный ответ.

— Совершенно, стопроцентно в точку! Это действительно Порт-Морсби. И вы только что выиграли сто тысяч рупий, теперь вы лакхпати!^[69] — восклицает ведущий.

Зрители поднимаются с мест, одобрительно шумят. Прем Кумар вытирает со лба капли пота.

— Клянусь чем угодно: слушая ваши ответы, я готов поверить в любое волшебство.

— Да не волшебство, придурок, а вуду! — сквозь смех обращается к экрану Смита.

Внезапно ее глаза устремляются на ковер. Адвокат наклоняется и что-то подбирает с пола. Это пуговка, совсем простая: кружок и четыре дырки. Смига внимательно смотрит на мою рубашку. Действительно, одной не хватает. Девушка протягивает мне свою находку:

— Возьми и будь осторожнее.

ДВЕСТИ ТЫСЯЧ РУПИЙ: УБИЙСТВО В ЗАПАДНОМ ЭКСПРЕССЕ

Вокзал Нью-Дели Пахаргандж. Потоки людей с неумолчным гулом движутся в разные стороны. Серые платформы облиты белым светом. Поезда фыркают дымом, гудят и пыхтят, словно разгоряченные быки.

Если бы вам довелось искать меня в этой неугомонной толпе, скажите, куда бы вы заглянули? Наверное, прошлись бы среди беспризорных мальчишек, дюжинами разлегшихся на гладком бетоне для сна и отдыха. Возможно, вы обратили бы внимание на подростка-торговца, продающего пластиковые бутылки с яркими наклейками: «Чистая минеральная вода из Гималаев», наполненные из-под крана в ближайшем привокзальном туалете. Кто-то вообразил бы меня одним из уборщиков, одетых в грязные рубашки и драные штаны, шаркающих длинными метлами по платформе: р-раз! — и мусор летит с тротуара на железные пути.

Или вы пригляделись бы к несметной армии носильщиков, что суетятся среди путешественников, таская на головах тяжелые саквояжи.

Ну же, подумайте еще. Ибо я — не торговец, не носильщик в красной униформе, не даже метельщик. Сегодня перед вами полноценный пассажир спального вагона, никак не меньше, заблаговременно купивший билет. На мне ослепительно белая рубашка из чистого хлопка и американские джинсы — да-да, настоящие американские джинсы с Тибетского рынка. И я уверенным шагом иду к пятой платформе, где дожидается «Пасчим экспресс» до Мумбаи. Рядом устало бредет носильщик. Это я его нанял. И светло-коричневый чемодан у него на голове тоже мой. Внутри немного одежды, старые безделушки, стопка журналов «Австралиан джиогрэфик» и электронная игра для Салима. Денег там нет. Ни за что не доверю самый ценный груз в моей жизни — зарплату из дома Тейлоров — какой-то сумке. Достаточно я наслушался историй о

коварных попутчиках, которые накачивают вас наркотой, а сами бесследно исчезают вместе с вашим багажом. Так что манильский конверт^[70] полный хрустящих тысячных бумажек — их ровно пятьдесят — постоянно при мне и спрятан в надежном месте. Под нижним бельем. Там его никто не увидит. Оставшиеся деньги ушли на подготовку к поездке — ну то есть на билет, одежду и подарок другу. Еще надо заплатить носильщику, а также перекусить по дороге. В нагрудном кармане достаточно мелких купюр. Главное — чтобы хватило нанять авторикшу от вокзала Бандры до Гхаткопара, где расположен чоул Салима. Вот он разинет рот, когда я прикачу на трех колесах вместо пригородного поезда! Да ладно, лишь бы не умер от счастья, увидев электронную игру.

Пятая платформа запружена народом сильнее, чем Супербазар. Торговцев — не протолкнуться. Пассажиры выискивают свои имена в списке заранее заказанных мест, волнуясь, точно студенты перед таблицей результатов экзамена. Оказывается, в железнодорожном управлении решили сделать из меня «мистера Т. М. Рама», но я все равно счастлив. Нижняя полка номер три, седьмое купе, превосходно!

Как выясняется, это почти в хвосте длинного поезда. С достоинством усаживаюсь на свое место — оно перед самой дверью, аккуратно пристраиваю чемодан под ногами, протягиваю носильщику двадцать рупий. Тот принимается спорить: дескать, идти пришлось далеко, весь потом облился, и я добавляю еще две бумажки. Наконец парень уходит, и можно спокойно оглядеться.

В купе всего шесть полок: одна прямо надо мной, две впереди, две сбоку. Напротив сидит семья: родители с двумя детьми. Сын — примерно мой ровесник, а дочка чуть постарше. Отец — мужчина средних лет, бизнесмен марвари,^[71] одетый в фирменный черный жилет и такую же кепку. Брови у него густые, усы будто нарисованы карандашом, лицо суровое. Супруга в том же возрасте и тоже неприветлива с виду. Так и буравит меня подозрительным взглядом. На ней зеленое сари и желтая блузка. Высокий неуклюжий мальчишка выглядит более дружелюбно. Однако все мое внимание, словно магнитом, приковано к девушке у окна — стройной, светленькой, в нежно-голубом салвар камеез и чуни,^[72] прикрывающем грудь. Выразительные глаза подчеркнуты сурьмой. Безупречная кожа, нежные губы... Словом, я давно не видел никого красивее. На нее

стоит обернуться. И не раз. Чувствую, что готов утонуть в этих пленительных очах.

Тут меня отвлекает громкий плач младенца. На соседней полке расположилась мать с двухмесячным малышом на коленях — печальная женщина в помятом сари красного цвета. Судя по всему, она путешествует в одиночестве. Мать пытается уговорить ребенка при помощи пустышки, но сын заливается еще пуще. Наконец она расстегивает блузку и начинает кормить младенца. Мальчик довольно причмокивает губами, а женщина укачивает его, тихонько напевая. С моего места хорошо видна ее пухлая смуглая грудь, и у меня пересыхает во рту. Поймав на себе пристальный взгляд бизнесмена, я торопливо отворачиваюсь к окошку.

Дверь открывается, и нам предлагают чаю. Я единственный, кто с радостью откликается. Торговец вручает мне глиняный сосуд, в котором плещется тепловатая жидкость со смутным привкусом грязи. Следом появляется газетчик. Серьезный мужчина приобретает «Таймс оф Индия», мальчишка берет комикс «Арчи», а я покупаю — все равно уж мелочь кончается — последний выпуск «Старбест».

Поезд издает прощальный свисток и трогается в путь на девяносто минут позже, чем указано в расписании. Вокзальный циферблат четко показывает восемнадцать тридцать, но я гляжу на собственные часы. Трясу рукой, стараясь привлечь внимание попутчиков, особенно девушки. Неужели никто не заметит? У меня же новехонькие, с иголки, японские «Касио»! Не поскупился, отвалил за цифровую безделицу аж двести рупий на Палика-базар.

Бизнесмен марвари целиком погружается в газету, его сынишка увлеченно листает комикс, а супруга принимается готовить семейный ужин. Женщина помоложе засыпает, так и не отняв малыша от груди. А я притворяюсь, будто зачитался журналом. Номер открыт посередине, там, где напечатано фото новой секс-звезды Пунам Синхи в облегающем бикини, но что мне задело до ее жизни? Гораздо интереснее украдкой поглядывать на юную попутчицу, которая рассеянно любит городскими пейзажами, пролетающими за окном. Правда, сама девушка не достаивает меня даже взглядом.

В восемь часов приходит контролер и просит предъявить билеты. Я с гордостью протягиваю свой, однако проверяющий даже не читает, что там написано. Просто прокалывает и возвращает обратно. Как

только он уходит, взрослая женщина открывает картонные коробки. В них целая куча еды. Сморщенные пури,^[73] красные маринованные огурчики, десерт... Купе наполняется восхитительным ароматом домашних гулаб джамун^[74] и барфи.^[75] У меня текут слюнки, но почему-то буфетчик не спешит принять у нас заказы. Наверное, следовало подкрепиться перед отъездом.

Семья бизнесмена ужинает с огромным воодушевлением, Отец поглощает пури один за другим. Мать уминает золотисто-желтую картошку, закусывая сочными огурчиками. Сын расправляется с мягкими гулаб джамун и даже высасывает сахарный сироп. И только его сестра кушает совсем чуть-чуть. Я молча облизываю губы. Как ни странно, мальчик вдруг предлагает мне парочку пури. Отвечаю вежливым отказом. Говорят, грабители часто прикидываются путешественниками, подсовывают соседям еду с дурманящим наркотиком, после чего исчезают со всеми деньгами. Не вижу причин, почему бы парню, читающему комиксы, не оказаться заодно и преступником. Хотя из рук той девушки я бы, пожалуй... да нет, наверняка бы взял угощение!

Покончив с ужином, брат и сестра достают настольную игру под названием «Монополия». Они бросают кости, потом передвигают фишки по четырехугольному полю. У каждого в руках по пачке ярко раскрашенных билетиков, что-то вроде игрушечной валюты. Это совсем не похоже на «Скраббл», в который любили резаться Рой и Мэгги. Родители беседуют между собой, отсев чуть поодаль. Они обсуждают последние мыльные оперы, толкуют о покупке какой-то собственности, а также об отпуске в Гоа.

Я нежно похлопываю то место, где в толстом конверте за резинкой трусов похрустывают пятьдесят тысяч рупий. Невероятная сила всех этих денег исподволь проникает в мой живот, кишки, печень, сердце и мозг. Мучительный голод чудесным образом тает без следа.

Наблюдая за типичной семьей среднего достатка, я больше не ощущаю себя чужаком. Нет, я уже не соглядатай, подсматривающий за таинственными радостями незнакомого мира, но равный среди равных. Отныне мы говорим на одном языке. Теперь я тоже стану смотреть мыльные оперы, играть в «Нинтендо» и заходить в «Кидз-март» по субботам.

Путешествие по железной дороге — всегда приключение. Непременно что-нибудь да изменится, и вы не сойдете с поезда точно таким же, каким садились. В пути вы можете обзавестись новыми приятелями, а то и встретить прежних врагов; можете подцепить диарею, полакомившись несвежими самосами, или холеру, напившись грязной воды. А еще, позвольте начистоту, вы можете найти неожиданную любовь. И вот сижу я на третьей полке в седьмом купе поезда номер двадцать девять-двадцать шесть-А, в трусах шелестят пятьдесят тысяч рупий, а голова идет кругом, и сердце сжимается от предчувствия: что, если?.. Что, если в самом деле влюбиться в эту очаровательницу в голубом салвар камеез? Я не имею в виду безответное, неравное влечение, которое люди порой испытывают к артистам и прочим знаменитостям. Нет, речь о настоящей, живой, доступной любви. Не той, из-за которой подушка мокнет от слез, а той, что приводит к свадьбе и детям. И семейному отпуску в Гоа.

Полсотни тысяч не так уж много, если вдуматься, однако для меня каждая рупия превратилась в яркую цветную мечту, и все они вспыхивали одна за другой на воображаемом широком экране, искрясь красками, мало-помалу превращаясь в пятьдесят миллионов. И я задержал дыхание, страстно желая, чтобы счастливая минута никогда не кончалась, ибо всем известно, как недолговечны грезы наяву.

Спустя какое-то время брат и сестра устают от игры. Мальчишка подсаживается ко мне. Завязывается интересная беседа. Я узнаю, что парня зовут Акшай, а девушку — Меенакши. Живут они в Дели, а в Мумбаи отправились на свадьбу к дяде. Попутчик с упоением расхваливает свою любимую игровую приставку второго поколения и все, на что она способна. Потом расспрашивает меня о звездах музыкального канала и тонкостях лазанья в Интернете, упоминая при этом разные порносайты. Я же рассказываю ему, что умею говорить по-английски, читаю «Австралиан джиогрэфик» и обожаю «Скрабл». Что у меня семь подружек, трое из которых — иностранки, а дома стоит компьютер «Пентиум-пять» и новенькая приставка третьего поколения. Что в Интернете я шарю днем и ночью. Что еду в Мумбаи к лучшему другу Салиму и собираюсь нанять такси от вокзала в Бандре до Гхаткопара.

В шестнадцать лет человека труднее обвести вокруг пальца, чем в шестьдесят. Этого я не учел. Акшай моментально раскусывает обман.

— Ха! Да ты ни капли не смыслишь в компьютерах. Приставку третьего поколения даже еще не выпустили. Враль несчастный! — дразнится он.

Мое терпение лопается.

— Ах так? Значит, я все выдумал, да? Тогда позвольте сказать, мистер Акшай, что прямо здесь и сейчас у меня в кармане лежат пятьдесят тысяч рупий. А ты хоть когда-нибудь видел такую кучу денег?

Мальчишка снова не верит. Требует показать. И так хочется утереть ему нос, что я уступаю соблазну. Отвернувшись, запускаю руку за пояс и вытаскиваю конверт из манильского картона, он чуть влажный и пахнет уриной. Тайком достаю оттуда стопку хрустящих тысячных купюр и торжествующе машу ими перед носом соседа. Затем кладу деньги обратно, убираю конверт на место.

Видели бы вы глаза Акшая! Они чуть на лоб не вылезли. О такой победе можно вспоминать до конца своих дней. Впервые в жизни я смог предъявить кому-то не просто мечту, а то, что можно подержать в руках. И еще впервые в жизни на меня посмотрели с уважением. Это был очень ценный урок. Грезы не имеют силы, разве что в вашей собственной голове. А вот богатство помогает влиять на чужие умы. И снова запрятанные в штанах полсотни тысяч рупий на миг превращаются для меня в пятьдесят миллионов.

Десять вечера. Соседи понемногу собираются на боковую. Жена бизнесмена достает из зеленого портплекда белье и готовит места для всей семьи. Слева, не заботясь о простынях и подушках, спит молодая женщина с малышом. Акшай занимает полку над ними. Отец Меенакши уже храпит над моей головой, девушке достается верхняя полка напротив, а ее матери — нижняя. Постельного белья у меня нет, и в сон пока что не клонит. Сижусь у окна, холодный ветер обдувает лицо, поезд мчится сквозь ночную тьму.

Мать семейства поворачивается к стене и кутается в простыню. А я, вытянув шею, стараюсь разглядеть юную попутчицу, но вижу только правую руку и золотой браслет. Вдруг девушка садится на полке и наклоняется в мою сторону, чтобы сбросить туфли. Чунни соскальзывает с плеч, и в треугольном вырезе голубого камеез отчетливо показывается верхняя часть груди. Меня пробирает сладкая

дрожь. Кажется, Меенакши замечает мой взгляд, потому что быстро запахиается и укоризненно качает головой.

Вскоре стук колес убаюкивает и меня. В новых зажиточных снах я покупаю миллион различных вещей, включая красный «феррари» и красавицу невесту в голубом камеез. И все это за пятьдесят тысяч рупий.

Что-то упирается в живот, и я просыпаюсь. Открываю глаза: смуглый мужчина с густыми черными усами тычет мне в бок толстой палкой. Но это еще полбеда. В правой руке у него револьвер, и тот направлен прямо на меня.

— Это налет, — сообщает незнакомец будничным тоном, как если бы говорил: «Сегодня среда».

На мужчине белая рубашка с черными брюками. Длинные волосы рассыпаны по плечам. Он очень молод и похож на уличного повесу или студента из колледжа. С другой стороны, я еще никогда не видел грабителей, разве что в кино. Может, они все такие.

— Медленно слезайте со своих полок, — приказывает незнакомец. — Если не станете корчить из себя героев, никто не пострадает. Сбежать не пытайтесь: у той двери ждет мой напарник. Будете нам помогать — минут через десять расстанемся по-хорошему.

Соседи по купе, столь же грубо разбуженные при помощи палки, неохотно покидают свои места. И вот мы сидим внизу, растерянные и точно полупьяные. Если вас растолкали посреди ночи, голова не торопится ясно работать.

В общем, расселись мы на нижних полках. Акшай и его отец, — рядом со мной, Меенакши с матерью и женщина с ребенком — напротив. Проснувшись, малыш принимается хныкать. Молодая путешественница унимает его, но тот заливается еще пуще.

— Да покорми ты его! — рявкает налетчик.

В смятении женщина задирает блузку, выставив напоказ обе груди сразу. Грабитель ухмыляется, делает вид, будто хочет ухватить ее сосок. Несчастливая визжит и в страхе прикрывается. Мужчина довольно гогочет. На этот раз я ни капли не впечатлен тем, что увидел. Оказывается, направленное в голову дуло волнует еще сильнее, чем чья-то обнаженная грудь.

Завладев нераздельным вниманием пассажиров, злодей берется за дело. Не выпуская из правой руки револьвера, левой он поднимает коричневый джутовый мешок.

— Значит, так, все ценное складываем сюда. Мужчины отдают бумажники, а также наличные из карманов. Дамы освобождаются от сумочек, золотых цепочек и браслетов. Кто не подчинится — получит пулю в лоб.

Молодая женщина и Меенакши дружно вскрикивают от испуга. Из дальнего конца вагона доносятся похожие вопли: судя по всему, там орудует пресловутый напарник.

Грабитель обходит нас, держа наготове раскрытый мешок. Первая на очереди — мама с младенцем. Дрожащими руками она расстегивает кожаную сумочку и роняет ее на самое дно, оставив себе лишь пустышку и бутылочку с молоком. Малыш, которого на минуту перестали кормить, снова заходится плачем. Меенакши с ошарашенным видом снимает браслет и хочет бросить его за кожаной сумочкой, когда налетчик перехватывает ее запястье.

— Ты стоишь дороже украшений, куколка, — скалится он.

Девушка отчаянно вырывается, словно хочет стряхнуть гадюку. Грабитель кидает мешок и ловит непокорную за ворот рубашки. Меенакши отшатывается. Трещит от натуги ткань. Рубашка рвется пополам, и мы видим девушкин лифчик. Все цепенеют от ужаса. Отец несчастной не может больше терпеть.

— Мерзавец! — рычит он и бросается на злодея.

Но тот проворен, словно пантера: отпустив жертву, в ту же секунду обрушивает на голову бизнесмена тяжелую рукоять револьвера. Теперь на лбу защитника зияет глубокая рана, из которой сочится кровь. Мать Акшая вновь поднимает визг.

— Молчать, — цедит налетчик. — А не то всех пристрелю.

Это отрезвляет, и мы затихаем, как мышки. Чувствую, в горле растет ком холодного страха. Руки леденеют. Рядом натужно дышат попутчики. Меенакши тоненько всхлипывает. Ее мать отдает браслеты и сумочку. Хмурый отец расстается с бумажником, трясущимися пальцами отстегивает часы.

— Комиксы тоже класть? — невпопад интересуется Акшай.

Мужчина приходит в бешенство.

— Шутить со мной вздумал? — шипит он и бьет мальчишку по лицу.

Вскрикнув, бедняга закрывает багровое пятно ладонью. Меня вдруг разбирает смех. Похоже на комический эпизод в начале фильма ужасов.

— Чего скалишься? — рывкает грабитель. — Давай, что там у тебя?

Выкладываю из карманов оставшуюся мелочь и бумажки — все, кроме счастливой монетки. Начинаю снимать японские «Касио», но смуглый налетчик презрительно морщится:

— Фальшивка. Себе оставь.

Явно довольный добычей, он уже движется к выходу, когда раздается голос Акшая:

— Постойте, вы кое-что забыли!

То, что произошло дальше, вспоминается мне, будто в замедленной съемке. Длинноволосый мужчина оборачивается, и брат Меенакши тычет в мою сторону пальцем:

— У этого парня с собой пятьдесят тысяч рупий!

Кажется, от его шепота сотрясается поезд. Бандит злобно щурится:

— Опять шутишь?

— Н-нет, честное слово.

Грабитель заглядывает под мою полку:

— В чемодане, что ли?

— Не угадали, — самодовольно улыбается попутчик. — В конверте, в трусах.

— Ага-а! — радостно выдыхает злодей.

Меня трясет — не знаю, от ужаса или от гнева. Смуглый налетчик приближается:

— Отдашь без писка, или раздевать тебя перед всем честным народом?

— Нет! Это мои деньги! — кричу и невольно прикрываюсь, точно футболист в ожидании пенальти. — Я их заработал! Не дождетесь! Я даже не знаю, как вас зовут!

Мужчина грубо смеется:

— Представь себе: мы только и делаем, что забираем добро у совершенно незнакомых людей. Ну так как, сам расстанешься с

конвертом, или тебе помочь?

Черное дуло револьвера пляшет перед моим лицом. Что поделаешь? Даже храбрейшие воины смиряются перед силой оружия. Медленно запускаю пальцы за пояс, вытаскиваю на свет заветный конверт — липкий от пота, пропахший унижением. Бандит вырывает его из рук и, ловко пересчитав хрустящие купюры, изумленно присвистывает:

— Откуда такое богатство? Стибрил, наверное, где-нибудь. Ну, да мне плевать. — Он опускает мои деньги в мешок. — А теперь сидите тише воды, ниже травы, пока не подошел напарник.

Мне остается лишь тупо глядеть, как пятьдесят миллионов грез исчезают под покровом коричневого джута вслед за бумажниками и золотыми браслетами.

Грабитель перемещается в другое купе, однако никто из нас не осмеливается нажать на стоп-кран. Чинно сидим, будто к местам приклеенные, как на похоронах. Минут через десять мужчина возвращается с перевязанным мешком за плечами — полным до самого верха и с виду довольно увесистым.

— Вот и славно, — говорит злодей, поигрывая револьвером.

Смотрит на меня и ухмыляется до ушей. Точь-в-точь хулиган, отобравший у ребенка игрушку. Потом переводит взгляд на Меенакши. Девушка запахла чунни, однако лифчик ярко белеет сквозь рваную ткань. Бандит причмокивает губами.

— Готов? — кричит напарник. — У меня все!

— Готов! — отзывается наш налетчик. Внезапно поезд начинает замедлять ход.

— Быстрее! — орет второй грабитель и спрыгивает на ходу.

— Сейчас! Держи добычу!

Смуглый мужчина с размаху швыряет в кромешную ночь тяжелый мешок (и с ним пятьдесят миллионов грез), хочет отправиться следом... Но вдруг возвращается.

— Поцелуемся на прощание? — обращается он к Меенакши, размахивая револьвером.

Девушка в ужасе закрывает лицо.

— Ах, ты не хочешь? Тогда снимай чунни. Дай поглазеть на груди. — Бандит целится в упор обеими руками и злобно рычит: —

Последний раз говорю! А ну раздевайся, или башку снесу! Мне терять нечего!

Бизнесмен от позора зажмуривается. Его жена теряет сознание.

Поддывая и всхлипывая, красавица начинает разворачивать полупрозрачные складки. Под ними белеет пара чашечек и тонкие полоски ткани.

Но я уже ничего не вижу. Перед моим внутренним взором стоит высокая женщина с развевающимися на ветру иссиня-черными локонами, белоснежное сари которой трепещет и полощется, как легкий бумажный змей. У нее на руках младенец. Из темноты выходит усатый мужчина с длинными волосами, в угольных брюках и молочного цвета рубашке. Он ухмыляется и машет револьвером.

— Скидывай сари! — Окрик злодея похож на собачий лай.

Женщина принимается плакать. Вокруг полыхают молнии. Взметается дорожная пыль. Буря поднимает и кружит сухие листья. Внезапно младенец прыгает с материнских колен и, кинувшись на обидчика, впивается ему ногтями в лицо. Завыв от боли, мужчина отталкивает малыша прочь, но тот бросается снова. Злодей и ребенок катаются по земле, а где-то на заднем плане не умолкают рыдания бедной женщины. Усатый направляет револьвер на мальчика, однако сегодня небеса ниспослали младенцу сверхчеловеческие силы. Пальчики крохи упираются в черный ствол и резко отводят его в сторону. Мужчина и малыш катаются вправо и влево, намертво вцепившись друг в друга. Временами то один, то другой уже готов одержать верх — и вновь теряет преимущество. Вот смуглокожий брюнет освобождает руку с оружием и целится в грудь младенца. Смыкает пальцы на спусковом крючке. Еще секунда — и грянет выстрел, но тут ребенок чудом отворачивает от себя грозное дуло и наводит его прямо на сердце злодея. Звучит оглушительный взрыв, мужчину отбрасывает назад. На белой рубашке багровеет пятно.

— Господи!

Голос Акшая звучит, словно эхо в пещере. Налетчик лежит на полу, в нескольких дюймах от двери. У меня в руке револьвер, из дула которого тянется тонкая струйка дыма. Слышно, как поезд опять набирает скорость.

До меня еще не дошло, что случилось. Когда пробуждаешься посреди сна, голова не торопится ясно работать.

Впрочем, если у вас в руке дымится оружие, а на полу лежит мертвый мужчина, тут и понимать особенно нечего. Рубашка бандита насквозь промокла, пятно темнеет и расплывается на глазах. Это вам не кино: там пуля всегда оставляет аккуратную дырку, с которой тело и отвозят на «скорой помощи». На самом деле все по-другому. Поначалу кровь даже и не идет, а еле-еле сочится. Темная отметина не больше отпечатка пальца медленно вырастает до размеров монеты, потом до чайного блюдца, достигает величины обеденной тарелки и продолжает, продолжает расплываться, пока не превращается в бурный поток. Испуганно хватаю ртом воздух: еще немного — и алая река захлестнет купе! Но тут отец Акшая сильно трясет меня за плечи:

— Парень, очнись, тебе говорю! — И краснота отступает.

Сижу на нижней полке. Вокруг собрались люди. Кажется, весь вагон сбежался посмотреть, что происходит. Мужчины, женщины, дети с любопытством вытягивают шеи. Что же они видят? Мертвого налетчика, чье имя никому не известно; бизнесмена с глубокой раной на лбу; бледную перепуганную мать, из чьей груди до капли высосал молоко изголодавшийся младенец; мальчишку, который уже никогда не будет читать в поездах детских комиксов; его сестру, которой до окончания дней будут сниться кошмары. И уличного подростка, разбогатевшего на короткое время и навсегда потерявшего счастливую способность видеть сны зажиточных людей.

Внезапно свет желтой лампы режет глаза. Я часто моргаю, рассеянно кручу револьвер. Компактный серебристый корпус, черная рукоять. Гравировка с буквами «кольт» и скачущими конями — один перед словом, другой в конце. Вяло переворачиваю оружие. «Легковес», — написано на дуле. Надо же, а как оттягивает руку. Вот еще, что-то неразборчивое... «Конн. США, ДР 24691».

Меенакши украдкой поглядывает на меня. Примерно так же, как Салим смотрит на киногероев. Ясно, что в этот самый миг она влюблена по уши. Реши я сделать ей предложение, она согласится. Отдаст свое сердце, будет с радостью рожать мне детей. Даже и без пятидесяти тысяч. Но все переменилось, и я не отвечаю на этот манящий взгляд. Ладонь холодит револьвер, а прямо передо мной лицо убитого грабителя, имя которого никто уже не узнает.

Он мог бы найти себе тысячу разных смертей. К примеру, словить горячую пулю во время стычки с полицейскими на переполненном

рынке. Получить нож в спину от соперника по ремеслу, попивая чай в придорожном кафе. Скончаться на больничной койке от рака, СПИДа или холеры. Но нет, это его не устроило. Мужчина погиб от пули, которую выпустил я. А мне даже неизвестно, как его звали.

Поездки по железной дороге несут человеку массу возможностей. Однако дыра под сердцем придает им некую завершенность, ибо куда же стремиться покойнику? Разве что на погребальный костер. Да и то — в пути не предложат ни чаю, ни свежих газет; билетов даже не проверят. Зато у нас впереди самые разные встречи — не только с торговцами прессой и контролерами, но и с полицией. Как-то она со мной обойдется? Примет как героя, вступившегося за честь незащитной девушки и заодно избавившего мир от знаменитого злодея? Или как бездушного убийцу, который умертвил человека, даже не узнав его имени? Трудно предположить. Скажу одно: я вовсе не собираюсь играть с огнем, проверяя свои догадки. И вдруг, словно гром среди ясного неба, в голове звучат наставления полковника Тейлора: «СЗХС. След запутал — хвост стряхнул». Теперь я точно знаю, что делать.

Скоро вокзал. Можно не сомневаться, меня наверняка поджидает армия полицейских. Не бросая револьвера, прыгаю из дверей на ходу и мчусь через пути, чтобы вскочить в уходящий поезд. В купе решаю не проходить, остаюсь в тамбуре. Когда под колесами оказывается мост, я с размаху швыряю оружие в темную реку. Вот и новая станция. Опять выпрыгиваю, догоняю какой-то вагон... И так всю ночь — от вокзала к вокзалу, с одного поезда на другой.

Города мелькают мимо, словно в тумане. Даже не знаю, в какую сторону меня несет: на север ли, на юг, на восток или запад. Я не читаю табличек на вагонах. Просто пересаживаюсь, и все. Главное теперь — не возвращаться в Мумбаи. Акшай мог разболтать констеблям о Салиме, а значит, в Гхаткопаре ждет засада. Вдобавок мне лучше не сходить на грязной безлюдной станции — зачем привлекать внимание? Надо бы выбрать вокзал, полный яркого света, шума и суеты.

В девять часов утра мой поезд на всех парах подходит к платформе, битком набитой людьми. Пора! И я покидаю вагон — парень в рубашке из чистого хлопка (разодранной и без трех пуговиц), американских джинсах, покрытых сажой и грязью, с поддельными

часами на руке. Город кажется идеальным, чтобы отсидеться здесь некоторое время, У края платформы виднеется желтый щит, на котором жирными черными буквами написано: «АГРА. Высота над уровнем моря — сто шестьдесят девять метров».

Смита закрывает рот ладонью.

— О Боже! И все годы ты жил с этим грузом, зная, что убил человека?

— Двух человек. Не забывай, как я толкнул Шантарама.

— Да, но то, что приключилось в поезде, было несчастным случаем, самозащитой. Ты бы легко оправдался. Впрочем, не мешает проверить, занесен ли этот случай хоть в один протокол. А насчет попутчиков — вряд ли они посмели бы обвинить своего спасителя, В конце концов, ты старался ради них. Кстати, что стало с той девушкой, Меенакши? Ты встречал ее потом?

— Нет. Ни разу. А теперь давай посмотрим дальше.

В студии снова таинственное затемнение. Ведущий поворачивается ко мне.

— И мы переходим к заданию номер семь за двести тысяч рупий! Готовы?

— Готов, — киваю я.

— Ладно. Вот наш седьмой вопрос. Кто изобрел револьвер? Варианты: а) Сэмюэл Кольт, б) Брюс Браунинг, с) Дэн Вессон и d) Джеймс Револьвер.

Звучит музыкальная заставка. Я погружаюсь в размышления.

— Вы хоть когда-нибудь слышали эти фамилии? — интересуется Прем Кумар.

— Ну да, по крайней мере одну из них.

— Итак, сдаетесь или попытаете счастья?

— Попытаю счастья.

— Еще раз подумайте. На кону целый лакх, заработанный вами до сих пор.

— Мне нечего терять. Я готов.

— Отлично. И ваш ответ?

— А. «Кольт».

— Вы совершенно, на сто процентов уверены?

— Да.

Трещат барабаны. Экран загорается.

— Совершенно, на сто процентов правильно! Именно Сэмюэл Кольт, и никто иной, изобрел револьвер в тысяча восемьсот тридцать пятом году. Вы только что увеличили свой выигрыш до двух лакхов рупий!

Невероятно. Выходит, я отыграл обратно те самые пятьдесят тысяч, да еще три раза по столько же. И все благодаря смуглокожему налетчику, имени которого я не знаю до сих пор.

В зале сплошные ахи и охи. Повторяется мелодия заставки, однако в моих ушах грохочут и не смолкают колеса поезда «Дели — Мумбаи».

Ведущий неожиданно выпрыгивает из кресла, чтобы пожать мне руку. Вялая, безвольная ладонь никак не отвечает на его пожатие. Меня застали врасплох посреди телешоу, и голова не торопится работать ясно.

ПЯТЬСОТ ТЫСЯЧ РУПИЙ: СОЛДАТСКАЯ ИСТОРИЯ

Сирена воздушной тревоги завывает по вечерам в половине девятого — по ней уже можно сверять часы. В чоуле неизменно поднимается жуткая суета. Местные старательно следуют инструкциям, которые возвещались через громкоговоритель в течение целой недели, предваряя начало войны. Отключить свет, перекрыть газ, отсоединить все приборы, закрыть за собой дом, аккуратно выстроиться в очередь и проследовать в бункер.

Убежище расположено прямо под зданием школы — просторный квадратный зал с приглушенным освещением. Под ногами пылится линялый красный ковер, из обстановки — лишь несколько расшатанных стульев и старый железный стол, на котором пристроился четырнадцатидюймовый телевизор. Внутри довольно жарко, душно и тесно; впрочем, это для нашей защиты, поэтому грех жаловаться. Хотя ходят слухи, что убежище в Пали-Хилл оснастили телевизором, кондиционером и подушками фирмы «Данлопилло».^[76]

Сгрудившись перед экраном, местные жители включают канал новостей. Оглядываюсь по сторонам: надо же, почти весь чоул в сборе. Гокхейлы, Нене, Бапаты, мистер Уагле, мистер Кулкарни, миссис Дамле, мистер Ширке, миссис Барве... Не подошел только мистер Рамакришна. Управляющий, должно быть, приводит в порядок свои квитанции, меняет перегоревшие лампочки, чинит перила и протекающие краны.

Первым делом передают рекламу. Спонсоры этой войны — зубная паста «Мать-Индия» и чай «Джолли». Затем начинается речь премьер-министра. «Наши войска наступают, и полный разгром противника — дело считанных дней. Будем сражаться до победного конца! — звенящим голосом провозглашает глава правительства. Раз и навсегда остановим терроризм. И голод. И нищету». Премьер призывает зрителей щедро жертвовать в Солдатский благотворительный фонд.

На сцену выходит юная актриса и повторяет все, что мы уже слышали, только в более звездной манере. Женщины разевают рты от изумления. «Какая молоденькая! — переговариваются они. — И какая

красивая! Интересно, из чего пошито ее сари: шелк это или шифон? А кожа-то, кожа! Чистая, гладкая, словно атлас. Да уж, этой прелестнице ни к чему кремы от морщинок».

Мужчины между тем кипят от злости. «Довольно бед принесли нам эти мерзавцы! — сердятся они. — Сколько можно терпеть? Пора бы уже сровнять Пакистан с землей».

Мистер Уагле — наш эксперт по военным вопросам. Будучи университетским преподавателем, он самый образованный человек во всем чоуле. «У пакистанцев есть ракеты и атомные бомбы, — поясняет мистер Уагле. — Вот почему нам приходится прятаться в бункере: для защиты от радиации. Только на самом деле никого это не спасет. От взрыва, — говорит он, — вода превратится в воздух. Воздух станет огнем. Солнце померкнет. На небе вырастет гигантское облако в виде гриба. И все мы умрем», — зловеще заключает лектор.

Однако нелегко вообразить смерть, когда вам от роду двенадцать лет, как мне и Путулу, а то и десять, как Дханешу и Салиму, и к тому же на вашем веку это первая война. Восторг и любопытство разжигают наши сердца, и мы плотнее садимся перед экраном, замороженные кадрами боевых действий.

Чихать нам на таинственную и непонятную радиацию. На свете есть вопросы гораздо интереснее. Например.

Сколько шума наделает атомный взрыв?

А мы успеем разглядеть реактивные самолеты над крышами домов?

Это что же, будет, как в Дивали?

И наконец: хорошо бы ракета упала рядом с нашим чоулом!

Третий вечер войны. Жизнь в убежище движется по накатанной колее. Женщины наловчились заниматься хозяйством прямо здесь, чтобы не терять времени. Садятся тесной группой, режут к ужину картошку и помидоры, вяжут кофточки, перебирают чечевицу, отбирают из подпорченных пучков шпината и кориандра еще свежие листья и делятся последними сплетнями. «Вы слышали? Миссис Госвами купила новый двадцатипятидюймовый телевизор. Бог знает, откуда у них такие деньжищи! Похоже, мистер и миссис Бапат опять ночью подрались. Шуму-то было, на весь чоул! Видели последний выпуск „Старбест“? Представляете, говорят, Армаан Али голубой».

Мужчины внимательно смотрят новости, а потом обсуждают военные слухи. Правда ли, что правительство намерено ввести чрезвычайное положение? Где-то передавали, что Патханкот разбомблен до основания. Погибло много мирных жителей. Мехта узнал из надежных источников, чуть ли не из самого министерства: бензин будут выдавать по карточкам. Лук и помидоры уже вроде бы исчезают с рынка. И лучше запастись молоком.

У нас, у детей, свои заботы. Мы носимся по бункеру, кричим, визжим и падаем, сталкиваясь друг с дружкой, к немалому огорчению женщин. Играем в «Шпионов», пока не надоест. Затем Путул изобретает новую забаву. Название у нее что надо: «Война и мир». Правила очень простые: делимся на две команды, одну из которых возглавляет индийский генерал, а другую пакистанский, и салим противников. Каждый осаленный считается военнопленным и может быть выпущен только в обмен за «своего». Если это генерал — то в обмен за двоих. Кто наберет больше пленных, те и победили. Тут возникает одна загвоздка. Никто не хочет быть пакистанским генералом. После долгих споров ребята обращаются к Салиму: он ведь мусульманин, какая ему разница? Мой друг сначала отнекивается, но его подкупают за две упаковки жвачки. Тогда я вступаю в его команду, и мы устраиваем индийцам полный разгром.

Всласть наигравшись и устав как собаки, присаживаемся в уголке и начинаем обсуждать войну.

— А что, мне нравится, — говорю я. — Сражения — это здорово. А главное, хозяйка, Неелима Кумари, отпустила слуг на целую неделю из-за комендантского часа.

— Да уж, — соглашается Путул. — И школу закрыли на столько же.

— Вот бы взрослые каждый месяц устраивали войнушку, — поддакивает Дханеш.

— Ну-ка хватит пороть чепуху! — грохочет за нашими спинами.

Подскочив от испуга, мы оборачиваемся. Позади стоит пожилой мужчина на костылях. Высокий и стройный, с тонкой щетинкой усов на строгом обветренном лице, в зеленой армейской униформе со множеством карманов и большим ремнем. Незнакомец сердито смотрит на нас и укоризненно грозит пальцем:

— Не смейте опозлять войну. Это очень серьезное дело. На войне умирают.

Мы лишь теперь замечаем, что у него нет ноги.

Знакомимся. Как выясняется, мужчину зовут Бальвант Сингх, и он лэнс-нейк^[77] в отставке. Недавно переехал в наш чоул, живет один, ногу потерял в битве.

Призвав нас к порядку, Бальвант Сингх ковыляет вперед и, не церемонясь, усаживается на стул перед самым экраном.

По телевизору идет прямой репортаж военных событий. Сначала все в зеленоватой дымке. Потом нам показывают заряженную ракетную установку. Боец нажимает на кнопку, полыхает яркая вспышка, ракета уносится в небо. Спустя полминуты вдали загорается желто-зеленый огонь и слышится эхо взрыва.

— Цель уничтожена совершенно, — поясняет армейский офицер, находящийся рядом с установкой.

И ухмыляется. Зубы у него неестественно зеленые. Десять секунд, и новая ракета заряжена. Журналист оборачивается и произносит в камеру:

— Это был наш прямой эксклюзивный репортаж о военных действиях пятой дивизии в секторе Раджастан.^[78] Я Сунил Виас, «Стар ньюс», оставайтесь с нами.

Зрителям так и не сообщают, что за цель поражена ракетой, сколько людей при этом погибло, а сколько выжило. Зато на сцену выходит известный певец и с чувством исполняет патриотическую песню.

Лэнс-нейк в отставке встает со стула.

— Разве это война? — презрительно бросает он. — Детские игрушки! Вам скармливают мыльную оперу.

Мистеру Уагле не до шуток.

— А что же такое, по-вашему, подлинная война? — интересуется он.

Бальвант смотрит на собеседника с насмешкой: что, мол, взять со штатского?

— Да уж не те сказочки, которые вам показывают. Сражения — это кровь и кишки. Это трупы, это руки, отсеченные вражескими штыками, и ноги, оторванные шрапнелью.

— В какой же войне вы участвовали? — спрашивает лектор.

— В последней из настоящих, — с гордостью отвечает Бальвант Сингх.

— Раз уж вы знаете, что это такое, может, поделитесь с нами? — вступает в разговор миссис Дамле.

— Да-да, пожалуйста, — подхватываем мы. Отставной лэнс-нейк опускается на место.

— Значит, вы хотите знать, что испытывает человек во время истинной битвы? Хорошо, я расскажу одну историю. О тех четырнадцати овечьих славой днях, когда мы одержали самую знаменитую победу над Пакистаном.

Все тут же собираются вокруг него, глядя на старика широко распахнутыми глазами, точно внучата на любимого дедушку.

Как только Бальвант начинает говорить, его усталый взор подергивается мечтательной, рассеянной дымкой, как у бывалого человека, припоминающего далекое прошлое.

— Шел тысяча девятьсот семьдесят первый — самый судьбоносный год в истории нашей нации...

Слушатели благоговейно затихают. Мистер Уагле отключает звук телевизора. Никто не возмущается. Кому интересны второсортные репортажи по сравнению с рассказом живого солдата, полученным из первых рук?

— Последняя настоящая битва разразилась третьего декабря тысяча девятьсот семьдесят первого года. Знаете, почему я запомнил дату с такой точностью? Именно в этот день, когда объявили войну, мне пришло письмо из Патханкота от любимой жены, которая сообщала, что принесла на свет мальчика, нашего первенца. «И пусть мы сейчас не вместе, — писала супруга, — но мысль о том, что ты сражаешься за родину, наполняет сердце гордостью и отрадой. Горячо молюсь, чтобы небеса сберегли твою жизнь. Возвращайся с победой, я и сын будем ждать тебя».

Не поверите: читаю — и плачу от счастья. Нелегко в такие минуты оказаться в разлуке с семьей, однако я был безумно рад уйти на битву, получив благословение жены, а появление сынишки утроило мои силы.

— Как вы его назвали? — любопытствовала миссис Дамле.

— Ну, этот вопрос мы решили уже давно. Думали, если родится девочка, дать ей имя Дурга, а если мальчик — пусть будет Шер. Вот он

и стал Шер Сингхом.

— Расскажите про начало войны, — попросил мистер Ширке.

— В ночь на третье декабря, в новолуние, трусливый враг под покровом тьмы нанес упреждающие удары с воздуха на целый ряд наших аэродромов, расположенных в западном секторе. Яростной атаке подверглись Авантипур, Сринагар, Патханкот, Уттарлаи, Джодхпур, Амбала, Агра. И сразу же грянуло массивное наступление на стратегический сектор Чамб на севере.

— Где именно вы служили в то время? — вмешался мистер Уагле.

— Вместе с тринадцатой пехотной дивизией мы угодили в самое пекло, в Чамб. Тридцать пятый батальон сикхов, к которому я относился, как раз послали туда в составе бригады. Однако не мешает объяснить, почему же противник выбрал объектом для нападения простую, казалось бы, деревушку на западном берегу реки Мунавар-Тави. Дело в том, что через нее проходят жизненно важные пути к районам Акхнор и Джауриан. Иными словами, захват Чамба грозил бедой всему государству.

Так вот, примерно в восемь часов пятьдесят минут вечера пакистанцы нанесли троекратный удар по нашему сектору, за каких-то несколько часов уничтожив три пограничных патруля. Чуть ли не все блиндажи в той зоне изрядно пострадали.

Когда разразилось наступление, лично я командовал аванпостом. Противник обрушился на мою заставу с изрядно превосходящими силами. Не забывайте, за рекой Мунавар-Тави у нас оказалось только три батальона, против которых выступила двадцать третья пехотная дивизия Пакистана, группа из ста пятидесяти танков и девять или десять артиллерийских полков — то есть больше, чем по всему Восточному фронту.

Под моим началом тогда служили трое — Сукхвиндер Сингх из Патиалы, Раджешвар из Хошиарпура и Карнаил Сингх из Лудхианы. Последний был нашим любимцем. Высокий, сильный, он говорил рокочущим басом и так заразительно улыбался! Война его не страшила. Карнаил смеялся в лицо лютой смерти. И лишь одного наш храбрый боец страшился всем сердцем.

— Чего же? — интересуется мистер Кулкарни.

— Погребения. Видите ли, ходили слухи, что треклятые пакистанцы не возвращают нашей стороне тела, но сами умышленно

хоронят их по мусульманскому обычаю, даже индусов. Набожного и благочестивого Карнаила пугала мысль о том, чтобы пасть в бою и оказаться зарытым в землю на глубину шести футов вместо того, чтобы сгореть на костре. «Обещайте, сэр, — говорил он мне за неделю до начала войны, — что в случае моей смерти позаботитесь о кремации. Ведь иначе душа не найдет покоя и будет скитаться в безднах преисподней целых тридцать шесть тысяч лет!» Конечно, я пытался успокоить его: дескать, рано тебе думать о подобных вещах, но парень стоял на своем, как скала. И так приставал, что я не выдержал и согласился. «Хорошо, — говорю, — будь по-твоему. Если погибнешь, я сделаю все, чтобы твое тело сожгли по всем правилам».

Итак, в ночь на третье декабря мы находились в убежище — Карнаил, Сукхвиндер, Раджешвар и я, когда вдруг начался обстрел...

— В убежище? — перебивает Путул. — А там стоял телевизор?

Солдат смеется:

— Сынок, там было вовсе не так роскошно, как здесь. Ни телевизора, ни ковра. Маленький тесный бункер, в котором едва помещались мы четверо. Зато нас одолевали москиты, а иногда наведывались и змеи. Ну да ладно... — Голос Бальванта становится снова серьезным. — Не знаю, хорошо ли вы знакомы с той местностью. Чамб лежит на равнине, которая, однако, известна своими серыми камнями, да еще саркандой — слоновьей травой, настолько густой и высокой, что в зарослях можно танк укрыть. И вот под покровом ночного мрака из этой травы внезапно явился враг. Не успели мы понять, что случилось, как слева и справа загрохотали минометы. А я, представьте, по-прежнему не видел ни зги. В убежище угодила граната, но мы ухитрились выбраться до взрыва. Разумеется, на каждом шагу нас ждал неистовый шквал пулеметного огня. Тихо, друг за другом, мы продвигались в полной темноте, стараясь вычислить источник яростной стрельбы. Шли долго и почти уже достигли вражеского бункера, откуда велась пальба, когда за моей спиной разорвалась мина. Опомнившись, я увидел: Раджешвар и Сукхвиндер уже мертвы, а Карнаил истекает кровью, раненный шрапнелью в живот. Мне одному повезло отделаться лишь неглубокими царапинами. Конечно, я доложил командиру о понесенных потерях. И сообщил, что нахожусь возле вражеской пулеметной позиции, которая так и поливает гибельным огнем и может

нанести огромный урон всему батальону. Офицер обещал послать на помощь второе подразделение. «Главное — как-нибудь нейтрализуйте позицию», — сказал он.

«Прикрой меня, — попросил я уцелевшего товарища. — Придется остановить противника любой ценой».

Но храбрый Карнаил встал у меня на дороге.

«Это самоубийство, сэр!» — запротестовал он.

«Знаю, — возразил я. — И все же кому-то нужно пойти».

«Тогда позвольте мне, сэр», — вызвался боец.

Никогда не забуду его проникновенных слов.

«Бальвант Сингх, — промолвил бесстрашный товарищ, — у вас есть жена. Небеса благословили вас первенцем. А я один как перст. Позади никого. Впереди никого. Возможно, я и так уже умираю от раны. Так разрешите в последний час послужить любимой отчизне. Только помните о своем обещании, сэр».

Не дав опомниться, он выхватил у меня винтовку и устремился вперед. С криком «Победу Матери-Индии!» герой ворвался во вражеский бункер, насмерть заколол штыком троих пакистанцев и прекратил огонь. Но тут пулеметная очередь прошла грудь Карнаила, и на моих глазах он рухнул на землю, сжимая в руках винтовку.

В убежище повисает почтительная тишина. Все мы пытаемся вообразить жестокую сцену той далекой битвы. Кажется, стены еще дрожат от пулеметных очередей и грохота минометов. А Бальвант, откашлявшись, продолжает:

— Наверное, два часа я был не в силах двинуться с места. Командир велел возвращаться, но обещание, данное Карнаилу, все еще звенело в моих ушах. Теперь его тело находилось на вражеской территории. Много ли вокруг пакистанских солдат? Этого я не знал. Зато понимал, что остался совсем один, без товарищей.

Около трех часов ночи пальба совершенно утихла, и наступило мертвое безмолвие. Где-то рядом порыв ночного ветра зашелестел в кронах деревьев. Шаг за шагом я продвигался к проклятому блиндажу, до которого было не больше двухсот футов. И вдруг впереди раздались приглушенные шаги. Сердце громко забилося; я заставил себя прислушаться и поднял винтовку, от всей души надеясь, что стрелять не придется. Ведь яркая вспышка сразу выдаст противнику мое расположение. Стараясь даже не дышать, я внезапно почувствовал, как

по спине крадется что-то скользкое, тонкое. Неужели змея? Ужасно хотелось ее стряхнуть, однако страх нечаянно спугнуть врага заставил меня прикрыть глаза и молиться, чтобы тварь не укусила. Прошла целая вечность, прежде чем гадина скользнула вниз по ноге и я мог с облегчением вздохнуть. По спине бежали ручьи соленого пота, плечи ломило. Винтовка оттягивала руки, будто отлитая из свинца. Шаги возобновились и начали приближаться. Силясь разглядеть очертания противника, я всматривался в темноту, но ничего не видел. Смерть бродила поблизости, выискивая жертву. Или я убью первым, или убьют меня. Хрустнула ветка, и ухо почти уловило чье-то слабое дыхание. Что делать? Может, все-таки выстрелить? Или враг по неосторожности выдаст себя? Неожиданно во мраке чиркнула спичка, и в десяти футах передо мной появился мужской затылок. Я тут же вскочил из травы и бросился на пакистанца с обнаженным штыком. Солдат хотел помочиться, но, услышав шаги, обернулся, выронил оружие и умоляюще сложил руки: «Пожалуйста, прошу вас, не убивайте!»

Я спросил: «Сколько вас осталось в этом районе?» «Не знаю. Я отбилась от своих и вот пытаюсь вернуться. Пожалуйста, умоляю, пощадите меня», — чуть не плакал мужчина. «С какой стати ты претендуешь на жалость? В конце концов, мы враги». «Да, но я, как и вы, человек, — продолжал он. — Наша кровь, она ведь одного цвета. В Мирпуре меня ждет жена. Всего десять дней назад у нее родилась дочь. Пожалуйста, не дайте мне умереть, не увидев ее личика!»

Как было не смягчиться, услышав такое?

«Знаешь, я тоже женат и тоже не успел подержать на руках первенца, — сказал я противнику. Потом прибавил: — А как бы ты поступил на моем месте?»

Мужчина долго молчал, наконец, запинаясь, выдавил: «Убил бы». «Вот видишь. Мы оба солдаты. Нужно уважать свою профессию. Обещаю одно: мы похороним тебя как полагается». С этими словами я не моргнув и глазом пронзил штыком его сердце.

— Уф!.. Бр-р-р!.. — Миссис Дамле с отвращением передергивается.

Мистеру Ширке тоже не по себе. Он запоздало пытается закрыть ладонями уши Путула, упрекая рассказчика:

— Сдались вам эти подробности! Убийства, кровь... Боюсь, как бы сына не стали мучить кошмары.

— Ха! — фыркает Бальвант. — Война не для слабаков. Юношам пора понять, что дело это очень серьезное. На войне умирают.

— А что было потом? — говорит мистер Уагле.

— Да ничего особенного. Беспрепятственно добравшись до бункера, я отыскал среди вражеских трупов тело товарища, поднял его на плечи и зашагал обратно к своим. Наутро бойца кремировали. — В глазах отставного лэнса блестят скупые слезы. — Узнав о беспримерном героизме павшего солдата, наш командир подал рапорт о том, чтобы Карнаилу Сингху посмертно присвоили МВЧ.

— Что это — МВЧ? — спрашивает Дханеш.

— Маха Вир Чакра, одна из высших воинских почестей в нашей стране, — поясняет Бальвант.

— Да? И какая же самая высшая?

— ПВЧ, или Парам Вир Чакра. Ее почти всегда дают посмертно.

— А вас чем наградили? — не отстает пытливый мальчишка.

Мужчина в армейской форме болезненно морщится.

— За ту операцию — ничем. Но это еще не конец истории. Я не рассказал вам о знаменитой битве у моста Мандиала.

Мистер Уагле смотрит на часы.

— Господи, уже за полночь. Думаю, хватит на сегодня волнений. Комендантский час давно закончился. Пора по домам.

И мы неохотно расходимся.

На следующий день все снова собираются в бункере. Среди нас есть и новенький — Аджай, сын мистера Бапата. Парень только вчера вернулся от бабушки. Вообще-то он еще тот воображала: вечно бахвалится своими игрушками, скейтами, компьютером и целой кучей подружек. Аджай нас просто бесит, но мы помалкиваем. Не ссориться же с пятнадцатилетним громилой, который выглядит на все семнадцать. Сегодня он приносит с собой небольшой блокнот. Говорит, это специальная «книжка для автографов».

— Вот здесь расписался сам Амиабх Баччан, — с гордостью сообщает Аджай, показывая нам, ребятам, какие-то каракули. — Здесь — Равина, тут — знаменитый бэтсмен Сачин Малванкар...

— А это что? — Дханеш тычет пальцем в самую неразборчивую темную закорючку.

Хозяин блокнота задумывается и с глупым видом брякает:

— Ну, это моя мама ручку расписывала.

Путул тоже кое-что принес — не книжку для редких автографов, а самую обычную учебную тетрадку. Отец ему строго-настрою велел заниматься, несмотря на то что школа закрыта. Теперь бедняга должен каждый день писать сочинения. Тема сегодняшнего задания «Моя корова», хотя никакой коровы у нашего приятеля отродясь не водилось. По телевизору показывают пресс-конференцию важной военной шишки.

— Воздушные вражеские атаки на наши аэродромы в Амбале, Горакхпуре и Гвайлсре успешно подавлены. Индийские войска уже заняли Багхлу и Рахимьяр-Хан. Передовые посты пакистанцев, расположенные в Бхавалпуре и Навабшахе, полностью уничтожены, а выступ Шакаргарх целиком перешел в наши руки. В секторе Чамба наши солдаты отбили атаку противника, прорывавшегося к мосту Мандиала.

Мы слушаем — и визжим от восторга. Все хлопают в ладоши, пожимают друг другу руки.

Бальвант Сингх сидит, как и прежде, перед самым экраном.

— Значит, опять Мандиала... — говорит бывалый солдат, покачив головой. — Видно, пакам не суждено учиться на собственных ошибках.

Похоже, он ожидает вопроса о той самой битве, однако никто не клюет на наживку.

А в телестудии разворачивается дискуссия. Несколько экспертов обсуждают ход войны. Бородатый мужчина в очках произносит:

— Пакистан, как известно, владеет примерно четырьмя десятками ядерных боеголовок. Достаточно сказать, что атомная бомба на пятьдесят килотонн, сброшенная над городом с плотностью населения в двадцать пять тысяч жителей на квадратный километр, способна уничтожить четверть миллиона человек. А если применить эти цифры к Мумбаи, где...

— Вода станет воздухом, — хмурится мистер Уагле. — Воздух превратится в пламя. На небе вырастет облако-гриб. И все мы погибнем.

Мистер Кулкарни встает и решительно выключает звук.

— Зачем нагонять на себя тоску? Давайте лучше послушаем героическую историю нашего соотечественника. Бальвант-джи, вчера вы упоминали сражение у моста Мандиала. Пожалуйста, расскажите о нем.

Мужчина в армейской форме приободряется, словно только и ждал вопроса. Первым делом он потягивается и расправляет свои рукава. Потом чешет обрубок ноги, разворачивается на стуле так, чтобы смотреть нам в глаза, и начинает:

— На берегу Мунавар-Тави есть очень высокий эскарп, называется он Мандиала-Норт. Сюда-то враг и направил удары третьего и четвертого декабря, а так как индийских войск именно там почти что не было, пакистанцы без особых усилий смели наши посты и двинули танки с пехотой дальше, на мандиальскую переправу, где рядом с Девятнадцатым десантным отрядом стоял наш славный Тридцать пятый батальон сикхов.

К тому времени стало ясно, что главная цель противника — захватить мост через реку, после чего нам пришлось бы оставить Чамб и западный берег Тави. К полудню четвертого декабря мы принялись укреплять позиции. Для начала подтянули эскадрон Двадцать седьмого бронетанкового полка, затем командование выслало на помощь из Акхнора Тридцать седьмой отряд. Предполагалось, что вместе мы нанесем контрудар и отвоюем Мандиала-Норт. Но тут неожиданно грянула беда. Не успели мы воссоединиться, как вражеским артиллерийским снарядом убило командира Тридцать седьмого отряда. Оставшись без главного, бойцы смешались и сумели достичь Тави лишь поздно ночью. В итоге их направили на восточный берег. Таким образом, к наступлению темноты мандиальскую переправу охраняли только Девятнадцатый десантный отряд и Тридцать пятый батальон сикхов при поддержке Тридцать первого бронетанкового разведывательного формирования, которое удерживало Мандиала-Саут.

Около трех часов ночи на пятое декабря два пакистанских батальона — Шестой и Тринадцатый — ринулись в яростное наступление через Тави. Они явились к нам с американскими танками «Паттон» и китайскими «Т-пятьдесят девять» под гул рокочущей канонады. Истребители противника с оглушительным ревом атаковали

наши силы на бреющем полете, осыпая землю смертельным дождем из тысячефунтовых бомб. Повсюду пылали танки, гремели снаряды, а вражеские броневики надвигались на нас подобно гигантским стальным насекомым, раздвигая заросли высокой слоновьей травы. Всего лишь за пятьдесят минут ураганный огонь основательно повредил наши позиции. Тринадцатый батальон сразился с Двадцать девятым подразделением и одержал победу. Пакистанцы продолжали наступать и захватили плацдарм номер триста три, убив нашего командира. Оборона этого объекта была доверена Тридцать пятому батальону сикхов, однако, к несчастью, некоторые из моих товарищей не следовали зову долга. Дрогнув перед артиллерийским шквалом неприятеля, они попросту бежали. А враг, овладев плацдармом, начал подтягивать резервы, дабы тронуться дальше и, главное, усилить позицию перед мандиальским мостом. С первыми лучами рассвета противник осадил и взял мост. Нам оставалось уповать лишь на чудо... Никто не даст мне воды?

Бальвант Сингх — прирожденный рассказчик. Он умело подчеркивает голосом важные слова, знает, где именно сделать паузу, и просит пить как раз тогда, когда все мы, разинув рты, ждем продолжения.

Кто-то спешит принести ему пенопластовую чашку с водой. Слушатели в нетерпении вытягивают шеи. Сделав один глоток, лэнс продолжает:

— И тут к нам из Акхнора лично приехал командующий Триста шестьдесят восьмым соединением. По прибытии он обнаружил картину полной разрухи и крайнего смятения. Солдаты покинули поле битвы, спасая собственные шкуры. Земля превратилась в изрытый воронками пустырь; среди бесчисленных обломков и мертвых тел горели наши танки. Повсюду гремели выстрелы. Волны Тави побагровели от крови бойцов. Это была суцая преисподняя. Не то, что показывают по телевизору: нажимаешь кнопочку, запускаешь ракету, и можно спокойно пить чай.

Увидев меня, командующий сразу спросил: «Что происходит, Бальвант Сингх? Куда подевались ваши люди?»

«Сожалею, сэр, — с тяжелым сердцем ответил я, — однако многие спаслись бегством, дезертировав с поля боя. Они не смогли

устоять перед напором превосходящих сил Пакистана. Мы потеряли три танка и большую часть людей».

«Если все станут рассуждать подобным образом, — произнес офицер, — как же мы победим в этой войне? — Он вздохнул. — Думаю, положение безнадежно. Придется отступать».

«Сэр-джи, — немедленно возразил я, — девиз нашего батальона: „Мы будем биться до победы“. И я не сдамся без боя».

«Вот это по-нашему, Бальвант!» — Командующий похлопал меня по спине и приказал сплотить оставшихся солдат.

Он даже поставил вашего покорного слугу во главе целого взвода, командир которого также бесстыдно сбежал. Наш батальон получил задание немедленно наступать и отбить мост. Одновременно с нами к бою готовились рота Дельта отряда гуркхов^[79] и уцелевшие танки Тридцать первого бронетанкового формирования.

Утром закипела пальба из орудий и пулеметов. Мандиальская переправа превратилась в бурлящий адский котел. Вокруг все горело, взрывалось и содрогалось. Снайперские пули свистели прямо над головами, орудия вели непрерывный смертельный огонь, вражеские воздушные силы ревели в небе, со всех сторон грохотали бомбы, а мы поднялись из укрытия с винтовками наперевес и ринулись навстречу пакистанцам. Много их полегло, заколотых нашими штыками в кровавом ближнем бою. Воздух сотрясал боевой клич сикхов: «Jo Vole So Nihal, Sat Sri Akal!»^[80] Эта храбрая вылазка настолько смутила противника, что удача начала поворачиваться в нашу сторону, и мы принялись оттеснять неприятеля.

Тогда враг надумал переправить через реку танки; до сих пор они оставались на другом берегу. Стоило броневикам пересечь Тави, и мы оказались бы в самом невыгодном положении. Важно было не дать им пройти по мосту. В действие вступили наши «Т-пятьдесят пять» из Двадцать седьмого бронетанкового полка и Тридцать первого разведывательного формирования. Поначалу индийские силы браво сопротивлялись натиску пакистанцев. Но вот проклятые «Паттоны» выкатили на мост, и двое из наших бойцов, покинув машины, бежали прочь.

Не знаю, что на меня накатило. Я просто кинулся к оставленному танку, откинул крышку люка и прыгнул внутрь. Кое-что я слышал об этой технике, хотя еще ни разу не ездил на ней. Потребовалась пара

минут, чтобы разобраться с управлением, и вот мой «Т-пятьдесят пять» поехал. Разумеется, он тут же попал под нещадный обстрел пакистанцев, засевших в укрытиях. Неприятель рассчитывал, что шквальный огонь остановит меня, но я упорно ехал прямо на вражескую траншею, пока эти трусы не повыскакивали оттуда и не пустились в бегство. Правда, один из них попытался было залезть на мою броню. Тогда я попросту развернул тяжелую башню, и стомиллиметровый ствол смахнул вооруженного солдата с корпуса, как муху с молока. Тем временем наши прочие танки вели прицельный огонь по противнику. Через двадцать минут на поле боя остался последний «Паттон», и ваш покорный слуга решил не дать ему уйти. В самом начале погони мы сильно столкнулись. Мой танк загорелся, однако поддаваться страху было некогда. Убедившись, что пушка по-прежнему действует, я продолжал преследование и, приблизившись на пятьдесят ярдов, наконец выстрелил. Вражеская машина замерла, потом откатилась назад и неуверенно завертелась, точно пьяница перед баром. А через секунду «Паттон» исчез в ярких клубах пламени.

Добравшись до радики, я сообщил командующему: «Восемь танков противника уничтожено. Ситуация под контролем».

Мандиальский мост почти что был у нас в руках. Хотя, оставшись без боемашин, пакистанцы быстро утратили пыл, кое-какие очаги сопротивления уцелели. В районе переправы все еще вели стрельбу неприятельские минометы и пулеметы. А главное, над мостом по-прежнему реял вражеский флаг. Я понял, что должен сорвать его любой ценой. Голова немилосердно гудела после того столкновения, тело покрывали кровавые ссадины от летающих тут и там железных осколков, но Бальвант Сингх дюйм за дюймом приближался к бункеру пакистанцев. Повсюду в обожженных воронках и черной грязи были раскиданы трупы. Блиндаж окружала спутанная колючая проволока. Подобравшись к цели на десять футов, я быстро метнул гранату. Взрывной волной из укрепления выбросило три окровавленных мертвых тела. Впрочем, один солдат остался в живых. Надо было стрелять немедленно! И тут винтовку заело. Противник заметил мое замешательство, торжествуя усмехнулся и нажал на курок. Левую ногу обожгло градом пуль. Я как подкошенный рухнул на землю. А враг прицелился прямо в сердце. Мысленно возношу молитвы, готовясь принять неминуемую гибель, однако в следующий миг вместо

оглушительного грохота звучит сухой щелчок. У пакистанца закончились патроны. «Narai Takbir — Allah O Akbar!»^[81] — закричал он и бросился на меня с обнаженным штыком. «Джай Хинд!»^[82] — ответил я и ловко увернулся от нападения, после чего забил противника насмерть прикладом винтовки. Наконец-то путь свободен! Сорвав неприятельский флаг, я заменил его нашим родным триколором. Минута, когда он забился на ветру там, над мостом Мандиала, останется самым счастливым воспоминанием моей жизни. Хотя за несколько мгновений до нее я потерял ногу.

Бальвант Сингх умолкает, и мы замечаем, что он плачет.

Наверное, с минуту никто не двигается с места. Затем Путул подходит к рассказчику и протягивает свою тетрадь. Лэнс утирает слезы.

— Что такое, ара?^[83] Я не стану решать за тебя задачки.

— Нет, не надо, — мотает головой мальчишка.

— Тогда зачем это?

— Вы мой герой, и я хочу ваш автограф.

Все хлопают в ладоши.

А Дханеш повторяет вчерашний вопрос:

— Чем же вас наградили за ту битву?

Мужчина в армейской форме выглядит так, словно его затронули за больное место.

— Ничем, — отвечает он с горечью. — Из нашего батальона только двоим дали МВЧ, двоих удостоили Вир Чакра, трое моих товарищей получили медали, да еще в Джауриан открыли мемориал в нашу честь. Ну а меня, Бальманта Сингха, не внесли даже в список достойных награды. Никто и нигде не признал моей доблести. — Он тяжело вздыхает. — Однако не стоит грустить. Когда я вижу, как пылает костер у памятника Неизвестному солдату возле Амар Джьоти,^[84] моя душа находит успокоение и радость. Знаю, ведь он горит и для людей, подобных мне. — Бывший военный впадает в лирическое настроение и на память читает строчки на урду: — «Внезапно мы явились в этот мир, и так же, вдруг, уйдем отсюда. Давайте же, пока мы здесь, творить великие дела. Пусть даже их не вспомнит этот род — потомки позабыть уже не смогут».

Убежище снова погружается в тишину. Неожиданно миссис Дамле начинает петь: «Sare jahan se achcha Hindustan hamara...»^[85] Очень скоро все присоединяются к ее патриотическому порыву. Не знаю, что находит на нас, подростков. Не сговариваясь, мы устраиваем стихийный парад — выстраиваемся в шеренгу и маршируем перед Бальвантом Сингхом, салютуя храброму солдату крепко сжатыми правыми кулаками.

Это была наша война. Это был наш герой.

От избытка нахлынувших чувств мужчина опять плачет.

— Джай Хинд! — восклицает он и, хромя, покидает бункер.

А мы остаемся слушать разрывы снарядов и шорох слоновьей травы, вдыхать полной грудью запаха пороха и близкой смерти.

Мистер Уагле проходит на кафедру, чтобы сделать важное объявление:

— Дорогие друзья! Имею честь сообщить вам, что завтра нас посетит команда работников Солдатского благотворительного фонда, сокращенно — СБФ. Глубокоуважаемый премьер-министр, как вам известно, призывает индийский народ щедро жертвовать в пользу бесстрашных воинов, которые не щадят жизни ради нашей свободы, чести и достоинства. Надеюсь, у каждого из вас найдется, чем поддержать СБФ.

— А как насчет нового соседа? — выкрикивает мистер Ширке. — Он тоже солдат и нуждается в нашей помощи!

— Точно! Точно! — шумят остальные.

— Вы правы. Но думаю, лучшее, что можно для него сделать, — это добиться, чтобы подвиг Бальванта Сингха, совершенный в тысяча девятьсот семьдесят первом году, оценили по достоинству. Завтра же отдадим работникам фонда меморандум, и все до единого под ним подпишемся.

Нас охватывает восторг. Похоже, и мы сумеем внести посильную лепту в дело героических освободителей.

На следующий день приходят трое. Высокий, коротышка и толстяк. Все — бывшие офицеры. Первый служил на флоте, второй — в армии, третий — в воздушных силах. Коротышка произносит перед нами длинную речь. Он говорит, что солдаты занимаются великим делом. Страна у нас великая. Премьер-министр — великий. Сами мы

— тоже великие. Значит, и пожертвования должны быть не менее великими. Тут по кругу пускают корзину, и все опускают в нее деньги. Кто-то кладет лишь пять рупий, а кто-то сотню. Одна из женщин снимает золотой браслет. У Салима за душой ни гроша, и он жертвует свою жвачку, обе новеньких упаковки. Бальванта Сингха сегодня с нами нет: он передал, что неожиданно заболел гриппом.

И начинается допрос с пристрастием.

— А сами-то вы сражались? — пытается мистер Кулкарни армейца, отставного полковника.

— Да, конечно, принимал участие в двух великих войнах: в шестьдесят пятом и в семьдесят первом.

— Где именно вы служили в семьдесят первом?

— В секторе Чамба, который видел немало великих сражений.

— В каком полку, позвольте спросить?

— Великий полк сикхов. Я пехотинец.

— Должно быть, и награды имеете?

— Ну вообще-то мне дали Вир Чакра. Это была великая честь.

— Да, но за что вас удостоили этой великой чести?

— За великую битву при мандиальском мосту, в которой наш батальон совершил по-настоящему великую работу.

— Что же получается? Сами, стало быть, с медалями, а человека, без подвига которого важная переправа так и осталась бы в руках врага, незаслуженно забыли?

— Простите, я не совсем понял. О ком это вы?

— Мы говорим о вашем солдате, который проявил себя героем в семьдесят первом году, в том самом сражении в секторе Чамба. Он даже лишился ноги. Ему должны были вручить Парам Вир Чакра, а он получил только слезы. Послушайте, мы люди гражданские и, наверное, чего-то не понимаем в ваших военных законах и правилах. Однако видим, что здесь допущена вопиющая несправедливость. Нельзя ли разузнать, что можно для него сделать? Отметить достойного человека никогда не поздно.

— И где теперь ваш великий герой?

— Он живет здесь, в нашем чоуле.

— Правда? Великолепно. Я хотел бы оказать ему свое почтение.

Мы сопровождаем армейца, показываем нужную дверь, а сами бродим поблизости. Всем ужасно хочется подслушать, что там

происходит.

Из комнаты раздаются громкие голоса, вроде бы даже спор. Потом — непонятный грохот. Минут через десять полковник вылетает наружу, багровый от злости.

— Так вот кому, по-вашему, должны были дать ПВХ? Да он самый великий мерзавец, какого я только встречал! Будь моя воля, свернул бы его свинскую шею собственными руками!

— Не смейте так выражаться о нашем герое! — возмущается миссис Дамле.

— Это он-то герой? Не смешите меня! Ваш Бальвант Сингх — предатель и дезертир. Стоило начаться волнениям, как он испарился из сектора Чамба, Больше скажу: это самый великий позор на честном имени нашего полка. Четырнадцать лет самого строгого режима, вот что ему светило. Жаль, истек срок давности, а то бы я прямо сейчас упек подлеца за решетку.

— Что вы говорите, полковник? — поражаемся мы. — Как же так? Он дотошно рассказывал нам о той битве... И про потерянную ногу...

— Бессовестная ложь. Хотите узнать его подлинную историю? Она действительно заслуживает жалости. — Армеец поправляет ремень гимнастерки. — Когда началась война, Бальвант Сингх находился не в лучшем состоянии духа. Накануне жена родила ему сына, и солдат буквально сходил с ума, желая повидать семью. Так велико было это стремление, что при первой же заварушке, как только ударили пакистанцы, ваш мнимый «герой» оставил свой пост и трусливо бежал. Вернувшись к себе в Патханкот, он укрылся в доме родных и думал, будто навсегда сможет позабыть войну, однако та не оставила его в покое. Два дня спустя пакистанские воздушные силы атаковали нашу наземную базу в Патханкоте. Самолеты в ангарах совершенно не пострадали, зато две бомбы, каждая весом по тысяче фунтов, угодили в частные владения неподалеку от аэродрома. Как выяснилось, там-то и прятался Бальвант. Жену и младенца убило сразу, сам же хозяин из-за шрапнели остался без ноги.

— Но... Откуда он взял такие подробности?

Полковник брезгливо морщится.

— Не знаю, чего вы тут наслушались, однако двадцать восемь лет — достаточный срок, чтобы начитаться чужих воспоминаний о

великой битве. И вот негодяй решил покрасоваться перед простыми гражданами, упиться дешевой славой, потчужа вас рассказами о ложных подвигах. Сказать по правде, встреча с ним совершенно испортила мне настроение. Не самый приятный выдался день. Прощайте.

Покачивая головой, армеец уходит прочь в обществе длинного и толстяка. Ну а мы возвращаемся в бункер. Нынешний день и впрямь не из приятных. Интересно, что теперь чувствует Бальвант Сингх? Вечером он так и не спускается к нам.

Наутро его находят в собственной комнате. Бутылка с молоком и свежая газета лежат на пороге нетронутыми. Костыли аккуратно поставлены у стены. Деревянная койка задвинута в угол. В кружке на столике плавают остатки листьев черного чая. Единственный стул валяется перевернутым посреди пола. Бальвант Сингх висит на потолочном вентиляторе. Мужчина все в той же оливкового цвета форме; у шеи болтается розовая тряпка, голова упала на грудь. Безвольное тело вяло покачивается из стороны в сторону. Вентилятор тихонько поскрипывает.

Мигая красными огнями, на место прибывает полицейский джип. Констебли роются в пожитках покойного, переговариваются, машут руками, грубо расспрашивают соседей. Фотограф то и дело щелкает вспышкой. «Скорая помощь» доставляет врача в белом халате. У комнаты Бальванта собирается приличная толпа.

Обитатели чоула наблюдают в молчании, как на каталке вывозят прикрытого свежей простыней самоубийцу. Дханеш, Пугул, Салим и я робко выглядываем из-за спин взрослых. Смотрим на труп и тупо киваем головами. Осознание медленно обжигает нас изнутри, наполняя сердца испугом, сожалением и стыдом. Эта война для нас первая, но сегодня и мы все поняли. Сражения — дело серьезное. На них умирают.

Смита невесело хмурит брови. Похоже, солдатская история глубоко затронула ее чувства.

— Где ты была во время войны? — говорю я.

— Здесь, в Мумбаи, — отзывается девушка и тут же меняет тему: — Давай посмотрим следующий вопрос.

Ведущий разворачивается в кресле в мою сторону.

— Мистер Томас, вы правильно ответили на семь заданий и стали обладателем двух лакхов. Интересно, удастся ли вам одолеть наш восьмой вопрос, цена которому — целых пятьсот тысяч рупий. Готовы?

— Готов, — киваю я.

— Итак, задание номер восемь. Как называется высший знак отличия, вручаемый за доблесть, в рядах вооруженных сил Индии? Повторяю вопрос: как называется высший знак отличия, вручаемый за доблесть, в рядах вооруженных сил Индии? Варианты: а) Маха Вир Чакра, б) Парам Вир Чакра, в) Сурья Чакра и д) Ашока Чакра.

Звучит напряженная музыка. Слышно, как под столом громко тикает бомба.

В зале стоит легкий гул. На меня поглядывают с искренним сочувствием. Дескать, жаль земляка-официанта, неплохо играл...

— В, — произношу я, — Парам Вир Чакра.

Прем Кумар поднимает брови:

— Это догадка, или вам известен ответ?

— Мне известен ответ.

— Вы совершенно, на сто процентов уверены?

— Да.

Барабанная дробь достигает наивысшей точки крещендо. На экране загорается правильный вариант.

— Совершенно, на сто процентов верно! — восклицает ведущий.

Зрители от души ликуют. Раздаются подавленные хлопки, крики «Браво!».

Я улыбаюсь. А Прем Кумар — нет. Смита понимающе кивает.

МИЛЛИОН РУПИЙ: ЛИЦЕНЗИЯ НА УБИЙСТВО

Немало разных опасностей подстерегает на улице рассеянного пешехода в Мумбаи. Можно, к примеру, не заметить банановую кожуру, споткнуться и ободрать себе кожу. Или же вляпаться ногой в кучу теплого собачьего помета. Бродячая корова может преболно боднуть вас в зад, подкравшись незаметно со спины. А еще давно потерянный друг, встречи с которым вы так старательно избегали, может чудесным образом выскочить прямо из беспорядочной толчеи, чтобы с радостью заключить вас в объятия.

Именно так и случилось в субботу семнадцатого июня неподалеку от ипподрома Махалакми. Салим Ильяси налетел на меня счастливым ураганом. Спустя пять лет после разлуки.

Три месяца назад, вернувшись в Мумбаи, я принял твердое решение не разыскивать давнего друга. На это нелегко было пойти. Долгие годы, работая в Дели у Тейлоров, затем скитаясь по Агре, я скучал по Салиму, и мысль о том, чтобы не видеться с ним, ходя по улицам одного и того же города, легла на плечи тяжелой ношей. Но я не собирался посвящать приятеля в свои планы относительно известного телешоу.

— Мохаммед! — воскликнул Салим, узнав мое лицо среди толпы. — Что привело тебя в Мумбаи? Давно приехал? Где ты пропадал все эти годы?

Пожалуй, повстречать утраченного друга — то же самое, что попробовать любимую еду после долгих лет воздержания. Вы уже не уверены, будут ли вкусовые рецепторы реагировать, как раньше, сохранило ли блюдо прежнее очарование. Пять лет мы не виделись, и меня разбирали смешанные, неясные чувства. Станем ли мы так же близки, как были когда-то? Сможем ли столь же открыто общаться, ничего не скрывая?

Поначалу мы просто присели на первую попавшуюся скамейку. Над нашими головами кружили белые чайки. Но мы не слушали их надрывных криков. Не замечали детей, что гоняли мяч посреди

дороги. Не обращали внимания на процессию верующих, которая протянулась в сторону Хаджи Али. Ничего не видя, не слыша вокруг, мы сидели обнявшись — и плакали. О днях, проведенных вместе, и годах, потерянных в горькой разлуке. Потом понемногу разговорились. Салим рассказывал о себе, а я слушал.

За это время мой друг подрос и сделался еще красивее. В неполные шестнадцать лет он смахивает на любого из положительных киногероев. В отличие от меня жестокая городская жизнь его ни капли не испортила. Парень по-прежнему страстно увлекается фильмами хинди, обожает звезд Болливуда (конечно, за исключением некоего зеленоглазого артиста), прилежно ходит по пятницам на молитву в церковь Хаджи Али. Но самое главное: пророчество ярмарочного шарлатана действительно начинает сбываться. Салим уже не разносит зажиточным господам коробки с обедами. Вообразите: он учится в очень престижной актерской школе, постигая навыки избранного ремесла.

— Знаешь, кто платит за мои занятия? — спрашивает приятель.

— Нет. А кто?

— Аббас Рицви.

— Известный продюсер, который выпускает одни блокбастеры?

— Да-да, он самый. Аббас обещает взять меня на роль героя, когда я прочусь два года и достигну совершеннолетия.

— Потрясающе, Салим! Но как ты этого добился?

— Долго рассказывать.

— Дружище, для меня не бывает слишком долгих рассказов. Ну-ка давай, выкладывай все по порядку, с самого начала.

И вот вам история Салима, изложенная его собственными словами.

— После того как ты внезапно исчез, я остался в чоуле совсем один. Четыре года работал на том же месте, разносил обеды, а сам не переставал мечтать о карьере актера.

Как-то раз я был у заказчика по имени Мукеш Равал и невзначай разговорился с его женой. А на стенах их дома висели красочные снимки клиента вместе с разными знаменитостями. Тут я возьми да и полюбопытствуй: не занят ли он, случаем, в кинобизнесе. Нет,

объяснила мне миссис Равал, супруг торгует в аптеке, а в фильмах подрабатывает иногда статистом.

Услышав такое, я просто остолбенел. И тем же вечером, разыскав Мукеша Равала, спросил, нельзя ли как-нибудь устроиться вместе с ним. Заказчик посмотрел на меня и рассмеялся. Сказал, что я еще слишком молод. «А впрочем, — задумался он, — бывают ведь роли бродячих уличных мальчишек, может, и ты сгодишься». И обещал замолвить за меня словечко перед своим работодателем Паппу Мастером, специалистом по кастингу молодых артистов, только велел принести несколько глянцевого фотографий шесть на восемь, желательно в самых разных видах. Если снимки понравятся, Паппу найдет мне эпизодическую роль. Мукеш объяснил, что актерские навыки здесь не требуются. Главное — выглядеть прилично в галстук, грозно — в одежде бандита и прелестно — в школьном костюмчике. Равал порекомендовал обратиться к профессионалам.

Всю ночь я не мог сомкнуть глаз, а утром ни свет ни заря помчался в ближайшую студию. Оказалось, хорошие снимки стоят бешеных денег. Разнося коробки с обедами, столько не заработать и за месяц. «Ара-баба, такая сумма мне не по карману», — честно признался я. «Тогда купи по дешевке одноразовую камеру, — советует хозяин студии, — проси случайных людей щелкнуть кнопкой, а самые удачные кадры мы потом увеличим». Так я и сделал. Приобрел дешевый фотоаппарат и вышел на улицу. Прохожие обычно соглашались на мою просьбу. Я сидел на чьем-то мотоцикле перед Черчгейт и напускал на себя крутой вид, подражая Баччану в картине «Владыка судьбы». Гарцевал на коне посреди пляжа Чоупатти, словно Акшай Кумар в фильме «Игра». Позировал у дверей отеля «Сан энд Сэнд», как Хритик Рошан в блокбастере «Не отрекайся от любви». Держа в руке пустую бутылку с наклейкой «Джонни Уокер», прикидывался пьяным, будто Шахрух Кхан в драме «Девдас». И улыбался перед фонтаном «Флора», как это делает Говинда в каждой своей роли. Получилось почти двадцать кадров. На пленке все еще оставалось место, и я решил «добить» ее самостоятельно, прежде чем нести в проявку. Захотел поснимать красивые здания и людей. Я сделал несколько видов Виктория Терминус^[86] и Индийских Ворот, нашел красивую девушку на Марин-драйв, наткнулся на забавного старика в Бандре и даже взял крупным планом осла в Колабе. Моей

последней целью — это было в Махиме — оказался смуглый мужчина средних лет. Он сидел на скамье и курил, а на его пальцах переливались разноцветные перстни. Уже спустив затвор аппарата, я понял, кого нечаянно поймал в кадр, и весь похолодел от ужаса.

— Что ты имеешь в виду? — волнуясь я. — Наверно, встретил известного киноактера? Надеюсь, не грязную свинью Армаана Али?

— Нет, Мохаммед, того человека ты знаешь не хуже меня. Мистер Бабу Пиллай, он же Маман. Тот самый, который забрал нас из Дели, а после чуть не лишил зрения.

— Боже мой! — Я прикрываю рот ладонью. — И он узнал тебя?

— Представь себе, да. «Салим, не так ли? — воскликнул мужчина. — Маленький негодник! На этот раз тебе не уйти!» И с этими словами бросился на меня.

Раздумывать не приходилось. Я пустился наутек. Увидел отходящий автобус, еле-еле успел запрыгнуть, и запыхавшийся Маман остался с носом.

Но не успел я порадоваться счастливому спасению, как случилось... угадай, что?

— Что?

— У светофора в автобус ворвались разъяренные люди в повязках, вооруженные самодельными мечами, копьями и трезубцами.

— О Господи! Только не говори, что это были фанатики!

— Вот именно. Оказалось, мы угодили в очаг беспорядков. Прямо перед нами догорали останки автомобиля. От магазинчиков остались одни руины. На тротуаре темнели пятна крови. Дорогу усеяли палки, булыжники, разбросанные товары. Водитель опомнился первым и тут же дал деру. Мой мозг оцепенел от ужаса. Не думал, что я когда-нибудь снова увижу такое. В ушах далеким эхом раздавались давно забытые звуки: стоны матери, крики старшего брата. Меня пробила дрожь. Головорезы объявили, что намерены отомстить мусульманским фанатикам за сожженные жилища индусов. Позже я узнал: волнения вспыхнули из-за мелкой ссоры у водонапорной колонки в трущобе. Однако ненависть в сердцах была так велика, что уже через несколько часов дымились перевернутые автобусы, пылали дома, людей резали прямо на улицах.

«Пусть каждый из вас назовет свое имя, — потребовал предводитель шайки. — Индусов мы выпустим, а мусульманам

придется остаться». Один за другим, дрожа от страха, пассажиры представлялись бандитам. Арвинд. Уша. Джатин. Арун. Васанти. Джагдиш. Нармада. Ганга. Милинд. Автобус понемногу пустел. Негодяи хищно всматривались в каждого человека. Они проверяли, окрашены ли киноварью пряди женских волос, прочим задавали каверзные религиозные вопросы, даже заставили одного парня расстегнуть шорты. При виде такого варварства меня начало тошнить и затрясло с головы до пят. В конце концов нас осталось двое: позади меня сидел какой-то мужчина.

Знаешь, Мохаммед, я часто видел в кино подобные сцены. Обычно герой поднимается во весь рост и начинает взывать к светлым чувствам толпы. Говорит, что в жилах индуистов и мусульман течет кровь одного и того же цвета. И что на лицах людей не написано, какой религии они придерживаются. И что любовь сильнее ненависти. Я столько слышал проникновенных речей, которые мог бы продекламировать перед этими дикарями!.. Однако перед лицом реальной жестокости слова застревают в горле, и думаешь лишь об одном. Жизнь! Я очень хотел жить ради того, чтобы стать актером. И вот мечту и мечтателя кто-то решил прикончить в мумбайском автобусе.

«Как тебя зовут?» — рявкнул главарь.

Можно было бы ответить «Рама» или «Кришна», но у меня вдруг пересохло в горле. Один из бандитов заметил табиз на моей шее.

«Этот точно мусульманин, — обрадовался он. — Прихлопнем на месте?»

«Ну нет. Убить недоноска слишком просто. Лучше сожжем его заживо в автобусе. Это научит таких, как он, больше не трогать наши дома!» — ответил вожак и расхохотался.

Его помощник открыл канистру и принялся расплескивать горячее по салону. Раньше мне нравился запах бензина. Теперь он приводит на ум зловоние обожженной плоти.

Пассажир, сидевший позади, неожиданно встал. «Вы не спросили моего имени, — произнес он. — Так вот, меня зовут Ахмед Кхан, и я бы хотел посмотреть на мерзавца, который посмеет обидеть этого парня».

Шайка на миг умолкла. Потом заговорил главарь. «Еще один мусульманин! — язвительно протянул он. — Отлично, вас-то двоих мы

и спалим».

Мужчина даже ухом не повел. «Прежде чем чиркнуть спичкой, взгляните на это», — ответил он и вытащил из-за пазухи пистолет.

Видел бы ты, как вытянулись лица у смутьянов! Побросав мечи с трезубцами, бандиты ринулись наутек, спасая свои шкуры. Так я остался в живых.

На глаза навернулись горячие слезы благодарности. Увидев их, спаситель негромко сказал: «Ну, и как твое имя?»

«Салим... Салим Ильяси», — всхлипнув, ответил я.

«Ты что же, парень, врать совсем не умеешь? — удивился мужчина. — Впрочем, я ценю людей, которые даже перед лицом опасности говорят правду».

Он рассказал, что работает в импортно-экспортном бизнесе, живет один в просторном особняке в районе Бикулла и сейчас нуждается в ком-то, кто готовил бы еду и наводил порядок, а главным образом присматривал бы за домом; пока хозяин в разъездах. Я с ходу согласился на эту работу, тем более что избавитель предложил поселиться у него и жалованье назначил в два раза выше, чем платят простому даббавалле.

У Ахмеда было целых три спальни, огромная кухня и гостиная с телевизором на тридцать шесть дюймов. Занимаясь уборкой, вытирая пыль и возясь у плиты, я все-таки не забывал о своей мечте. Новое место подходило мне как нельзя лучше: мужчина не появлялся дома большую часть дня и к тому же имел обыкновение отлучаться на неделю-другую. Все свободное время я проводил в студии. Первым делом проявил пленку, отпечатал несколько отличных фотографий шесть на восемь и отдал Мукешу Равалу, который, в свою очередь, показал их Паппу Мастеру. Ты не поверишь, но спустя каких-то три месяца мне предложили первую роль.

— Неужели? — восклицаю я. — Скажи скорее, какую и в каком фильме?

— Это была картина Аббаса Рицви «Плохие парни». Я играл студента.

— Ну так пойдем и посмотрим прямо сейчас! Не терпится увидеть тебя на большом экране, послушать, как ты говоришь монологи.

— Вообще-то... — Друг почему-то мнется, разглядывая свои ботинки. — Понимаешь, в последнюю минуту мой эпизод сильно урезали. Поэтому на экране я нахожусь ровно три секунды. Сижусь в классе в окружении других тридцати студентов. Единственный диалог в кадре происходит между преподавателем и главным героем в исполнении Сунилы Мехры.

— Не может быть! — Я чуть не плачу от разочарования. — Всего три секунды? Что это за роль такая?

— Статистам и полагаются такие роли. Мы не герои, а часть декорации. Помнишь массовые сцены в кино? Мы те самые люди, что тянут из бокалов напитки, покуда главные персонажи на первом плане кружатся в вальсе. Мы — безмянные прохожие на улице, по которой отважный полицейский гонится за злодеем. Посетители дискотеки, ликующие, когда герой и героиня побеждают в танцевальном марафоне. Однако я не имел ничего против такой работы. Во-первых, она дала мне возможность исполнить свою давнюю мечту и заглянуть за кулисы, а во-вторых, познакомила с главным продюсером Аббасом Рицви. Ему понравилась моя внешность, и в следующий раз он обещал дать роль побольше.

На службе у Ахмеда я часто задавался вопросом, зачем бизнесмену вроде него носить с собой пистолет. Впрочем, какая разница, если это самое оружие спасло мне жизнь, правда?

Прошло полгода, и я все больше узнавал о хозяине. Причуд у него оказалось хоть отбавляй. Ахмед увлекался только двумя вещами — едой и телевидением. Да и смотрел всего две программы — состязания по крикету и «Криминальную службу Мумбаи». Особенно первое: тут он был самым настоящим фанатом. Любую игру, с участием наших команд или без, мой избавитель смотрел непременно, готовый проснуться и в полночь, если матч проходил в Австралии, а то и в три часа утра, если это случалось на островах Вест-Индии. Ахмед не пропускал даже соревнований между новичками вроде Канады или Кении.

Мало того, хозяин вел особую тетрадку со статистическими таблицами. Представь себе, он помнил средний уровень успеха буквально всех отбивающих, знал наперечет достижения любого боулера, количество мячей, пойманных каждым полевым игроком. Бизнесмен по импорту и экспорту мог бы назвать самый высокий и

самый низкий результаты в истории крикета, максимальное число перебежек между калитками, совершенных кряду, победы, одержанные с наибольшим и наименьшим преимуществом.

Как выяснилось позже, Ахмед собирал столь подробные сведения с определенной целью. Я узнал об этом случайно, во время серии англо-индийских матчей. Увлеченно глядя на экран, хозяин долго пытался дозвониться кому-то по мобильному телефону, и меня разобрало любопытство. «Что вы делаете, Алмед бхай?^[87]» — «Собираюсь поиграть в сатту», — отвечал он. «Сатту?» — недоуменно повторил я. «Ну да, другими словами, нелегальные спортивные пари. В Мумбаи саттой занимается мощный подпольный синдикат с ежедневным оборотом в миллионы рупий. Ставки принимаются на всякое состязание. Да что там, каждый удар мячом стоит целые тысячи. Ты видишь перед собой самого удачливого понтера. И дом, и дорогой телевизор, и микроволновка в кухне, и кондиционеры в спальнях — все куплено на доходы от сатты. Три года назад я сорвал немалый куш. Помнишь знаменитый матч между Индией и Австралией в Эден-Гарденс? Счет был двести тридцать два — четыре, и нашу команду ждало разгромное поражение. Ставки против Индии возросли до тысячи к одному, а я поставил на своих и лично на Лаксмана. Так что ты думаешь? Прибрал к рукам десять лакхов рупий!» — «Десять лакхов?» Мои глаза полезли на лоб. «Да-да. Сегодня я ставлю на Индию десять тысяч. Хочу вот узнать у букмекера ставки, но у него все время занято».

Хозяин со злостью стукнул по телефону, взглянул на часы и снова принялся набирать номер. На сей раз ему ответили.

«Алло, Шарад бхай? Звонит АК. Мой код — тридцать пять-шестьдесят три. Скажите, каковы расценки на этот матч?»

Голос букмекера пробивался сквозь множество помех: «Пока что ставки равные, пятьдесят на пятьдесят. Англия отстает на сто семьдесят пять очков, но когда преимущество вырастет до двух с половиной сотен, Индия будет стоять уже три к одному». — «Ладно, а каковы шансы, что англичане победят?» — поинтересовался Ахмед. «Вы что, с ума сошли? — возмутился букмекер. — Это невозможно; им бы до ничьей дотянуть. Но раз уж вы спросили: прогнозы восемь против одного. Хотите сделать ставку прямо сейчас?» — «Ага. Десять тысяч на проигрыш Индии», — заявил хозяин.

Я заморгал от изумления. Как же так, ведь наша команда побеждает! Но видимо, Ахмеду было известно больше, чем остальным, потому что в конце концов англичане и вправду выиграли матч. Когда над площадкой взвился британский флаг, хозяин от возбуждения затряс кулаками, ликуя крича: «Да! Да! Да!» — и тут же позвонил букмекеру: «Ну, кто оказался прав, Шарад бхай? И сколько же я подчистил? Восемьдесят тысяч? Ха! Недурной доход за пару часов работенки!»

Ахмед ушел из дому и вскоре вернулся с бутылкой пенной жидкости. В тот вечер я впервые попробовал на вкус шампанское.

Да, как ты уже знаешь, вторым увлечением моего спасителя была передача «Криминальная служба Мумбаи». Смотрел когда-нибудь?

— Нет, — качаю головой я. — В Дели такого не показывали.

— Очень скучная программа. Похоже на сводку новостей, только речь не идет о наводнениях или городских беспорядках. Ведущие говорят исключительно про жестокие преступления. Кого где убили, кого изнасиловали, какой банк ограблен, кому удалось бежать из тюрьмы, и все в этом духе.

Каждый раз хозяин садился перед экраном с тарелкой сикх-кебаба и громко смеялся, слушая сводки, хотя, на мой взгляд, ничего забавного в них не передавали.

Время от времени курьер доставлял Ахмеду крупный желтый конверт. Мне строго-настрого запрещалось трогать почту, разве только складывать ее на обеденном столе до возвращения хозяина. Однажды вечером я пил чай и неосторожно пролил его на только что принесенное послание. Меня охватил ужас. Кто знает, какие ценные коммерческие бумаги теперь пострадали? Хозяин рассердится, подумал я и с трепетом отклеил верхний клапан конверта. Вытащил документы — и аж присвистнул от удивления.

— Почему? Что ты там обнаружил?

— Ничего. В пакете был глянцевый снимок мужчины, отпечатанный размером шесть на восемь, и половинка листа с аккуратно набранными данными, которые даже я сумел прочесть:

Имя: Витхалбхай Гхорпаде.

Возраст: пятьдесят шесть лет.

Адрес: 73/4 Марва-роуд, Малад.

Вот и все.

Предположив, что это сведения о человеке, с которым Ахмед собрался вести дела, я как можно аккуратнее заклеил конверт, оставил его на столе и выбросил историю из головы. Тем же вечером, хозяин вернулся и просмотрел его содержимое. Чуть позже раздался звонок. «Да, получил», — только и сказал в трубку мужчина.

Примерно две недели спустя Ахмед, как обычно, сидел перед телевизором и смотрел «Криминальную службу», а я шинковал на кухне овощи, когда ведущий неожиданно произнес: «... И еще об одном ужасном инциденте в Маладе. Полиция ищет следы преступника, поднявшего руку на знаменитого бизнесмена Витхалбхай Гхорпаде, который найден убитым в собственном доме на Марвароуд». Имя и адрес показались мне смутно знакомыми. Взглянув на экран, я чуть не обрезал себе палец: именно это лицо было на фотографии в желтом конверте! Между тем ведущий продолжал: «Витхалбхай Гхорпаде, пятьдесят шесть лет, застрелен в упор у себя в кабинете. Родных в это время рядом не оказалось. Покойный оставил безутешную вдову и сына. Местная полиция считает грабеж основным мотивом убийства, поскольку дом перерыт вверх дном и многие ценности бесследно исчезли».

Услышав об этом, хозяин снова расхохотался. Это меня озадачило. Как же можно смеяться над гибелью собрата по бизнесу?

А через месяц принесли новый пакет. Ахмеда опять не было, и я не утерпел, решил заглянуть вовнутрь. Чтобы не оставлять следов, расклеил конверт над паром, а там оказалась еще одна фотография. Глянцевый снимок молодого человека с пышными усами и длинным шрамом от левого уха до основания носа. Отпечатанный текст на бумажке гласил:

Имя: Джамил Кидваи.

Возраст: двадцать восемь лет.

Адрес: 35 Шиладжит, Колаба.

Запомнив имя, я положил фотографию на место.

Вечером хозяин вернулся домой и сразу проверил содержимое желтого конверта. И вновь раздался звонок, и вновь Ахмед подтвердил

получение почты. Ровно через неделю в передаче «Криминальная служба Мумбаи» сообщили, что молодой адвокат по имени Джамил Кидваи был застрелен, когда выходил из машины возле своей резиденции в Шиладжит. «В убийстве подозреваются члены одной из преступных группировок, — объяснял ведущий, — поскольку мистер Кидваи неоднократно защищал в суде главарей местной мафии. Полиция ведет расследование, однако никаких следов по-прежнему не обнаружено». Услышав это, хозяин грубо захохотал и осушил полбокала виски.

Теперь уже я волновался всерьез. Почему люди, чьи снимки Ахмед получает по почте, вскорости погибают? Загадка не из легких. Так что, когда три месяца спустя подвернулась возможность сунуть нос в очередной пакет, я выучил наизусть не только имя пожилого человека на снимке, но и точный адрес. Дом находился в Курле, на Премьер-роуд. На другой день мне в голову пришла мысль незаметно проследить за хозяином. Он сел на пригородный поезд, сошел в Курле, отправился напрямиком на Премьер-роуд, но в нужный дом заходить не стал. Зато прогулялся мимо него не то три, не то четыре раза, как если бы что-то вынюхивал. Двумя неделями позже «Криминальная служба Мумбаи» оповестила город о новом убийстве. Тот самый пожилой мужчина был найден застреленным у себя дома в Курле, на Премьер-роуд.

Может, я и наивен, однако могу сложить два и два. Трудно было не сообразить, что человека с фотографии прикончил Ахмед, и то, что я поселился под одной крышей с убийцей-наемником. Да, но что же делать дальше? После того как хозяин спас мою жизнь, я просто не мог передать его в руки полиции. Между тем Аббас Рицви вызвал меня к себе и предложил сняться в роли второго плана. Получив такую новость, я проделал бегом весь путь до усыпальницы Хаджи Али, где, прикоснувшись разгоряченным лбом к пелене, обвивающей гробницу, помолился о ниспослании продюсеру долгих и долгих лет.

Еще два месяца мне приходилось вести тревожную двойную жизнь. Будущий актер прикидывался слугой точно так же, как хозяин-киллер успешно притворялся бизнесменом. Я твердо знал: когда-нибудь прикончат и его, владельца лицензии на убийство. Оставалось лишь молиться о том, чтобы самому не угодить под перекрестный огонь. И вот однажды все пошло прахом.

— А что случилось?

— Это было четыре месяца назад — точнее говоря, двенадцатого августа. Я хорошо запомнил: как раз тогда Индия с Австралией играли последний в серии матч, и Ахмед надумал сделать крупную ставку. О чем он только не заключал пари на моей памяти! Не просто гадал, какая команда одержит верх, но и какая калитка свалится первой, и кто из боулеров попадет в нее, и кому повезет при метании жребия, и даже пойдет ли дождь во время матча. Иногда он спорил буквально на каждый мяч — будет ли это четверка,^[88] шестерка^[89] или что-нибудь еще. В то утро хозяин переговорил со своим букмекером. «Шарад бхай, мой код тридцать пять — шестьдесят три. По-вашему, как покажет себя центральная часть поля? Вчера было идеально гладко, а вдруг сегодня мяч откатится назад? Обещают хорошую погоду. Что, если ближе к вечеру тучи все-таки набегут?» После этого он решился поставить деньги. «Думаю, Сачин Малванкар возьмет сегодня тридцать седьмую сотню очков. Что скажете?» «Он уже у семьдесят восьмой калитки, — отвечал букмекер. — Никто не сомневается, „сотня“ у парня в кармане, так что ставки не очень высокие. В лучшем случае — тринадцать к десяти». «Хорошо, — говорит Ахмед, — тогда запишите за мной десять лакхов. Хотя бы три отыграю, все какая-то польза».

С обеда хозяин прирос к телевизору и наблюдал за игрой, приветствуя каждую перебежку Малванкара одобрительным свистом. В то время как знаменитый спортсмен шаг за шагом приближался к заветной сотне, возбуждение Ахмеда росло на глазах. На девяносто первой калитке он превратился в живой комок нервов — грыз ногти, молился перед каждым ударом, съеживался от ужаса во время бросков. Однако Сачин играл, как полагается настоящему мастеру. Великолепный удар-четверка сразу же увеличил его личный счет до девяноста пяти очков. За ним последовал одиночный. Девяносто шесть. И еще один. Девяносто семь. Потом Джиллеспи расщедрился на крутую подачу, и Малванкар великолепным ударом отослал мяч к самой границе площадки. Хэйден помчался вдогонку, чтобы не дать тому пересечь веревку. Сачин и его помощник Аджай Мишра начали бегать между воротцами. Набрали очко. Девяносто восемь. Бэтсмены бросились по второму разу. Еще перебежка. Девяносто девять. Поймав мяч буквально в нескольких дюймах от границы площадки, Хэйден

послал его по дуге, но не Адаму Джилкриту, охраняющему калитку, а в сторону боулера. Заметив это, Малванкар закричал Мишре: «Нееееет!» — но тот продолжал нестись ему навстречу. В отчаянии Сачину пришлось развернуться и, так и не заработав третьего очка, устремиться к воротцам, И он почти добежал, когда мяч, посланный Хэйденом, угодил не куда-нибудь, а прямо в столбики! Малванкар оказался в шести футах за чертой, и судья вывел его из игры. Со счетом в девяносто девять очков.

Можешь вообразить, что творилось с моим хозяином. Ведь он поставил десять лакхов на тридцать седьмую «сотню» лучшего игрока — и вот лишился их из-за одной-единственной пробежки. Ахмед проклинал Джиллеспи, бранил Хэйдена и больше всех — Мишру. «Убить эту тварь мало!» — воскликнул он, выходя из дома. Должно быть, отправился в бар залить свое горе.

Вечером принесли желтый конверт. Беспokoясь, как бы внутри не оказалось фотографии некоего индийского бэтсмана, я бережно отпарил верхний клапан, заглянул туда — и чуть не умер.

— Почему? Что ты нашел? Не тяни же!

— В конверте лежал глянцевый снимок Аббаса Рицви. На бумажке был напечатан его домашний адрес. Итак, на роль очередной жертвы Ахмеда назначили человека, со смертью которого погибла бы и моя мечта пробиться в актеры. Я понимал, что обязан предупредить продюсера. С другой стороны, если бы хозяин об этом проведал — ему ничего не стоило бы прикончить меня.

— Действительно, ужасно каверзное положение. Как же ты поступил? — спросил я и затаил дыхание.

— Так, как требовал долг. Немедленно разыскал Рицви и рассказал о контракте. Продюсер не поверил, пришлось показать фотографию и бумажку с адресом. При виде снимка в моих руках его сомнения рассеялись. «Ладно, уеду в Дубай, — сказал мужчина, — залягу на дно на год или около того, пока все не утихнет». В благодарность он обещал по возвращении непременно сделать меня главным героем нового фильма. Ну, а до тех пор устроить на курсы актерского мастерства. Вот почему сегодня он регулярно вносит за меня плату, а я жду не дождусь того дня, когда мне исполнится восемнадцать.

— Господи, Салим, вот это история! — Я наконец выдыхаю. — Да, но разве ты не выдал себя перед Ахмедом, когда отнес конверт продюсеру? Вечером хозяину позвонили бы насчет последней почты, и что бы он сказал?

— Ну я и не стал подставляться. К ужину желтый пакет преспокойно лежал на месте.

— Тогда... разве Рицви не должен был погибнуть?

— Нет, потому что я вложил новый снимок и новый адрес, который отпечатал за деньги в ближайшем машинописном бюро.

— Превосходно. То есть Ахмед получил фиктивный адрес? А где же ты взял фиктивную фотографию? Неужели такое возможно?

— Нет, невозможно. Да я и не пытался. В конверте был настоящий снимок человека с реальным адресом. Хозяин пошел и выполнил заказ. Но прежде чем он узнал, что ошибся жертвой, я поспешил уволиться, сказав, будто срочно должен уехать в Бихар. Потом долго прятался в разных местах, обходил Бикуллу стороной, на всякий случай даже перестал ходить в усыпальницу Хаджи Али — слишком уж близко... И вот на прошлой неделе «Криминальная служба Мумбаи» вдруг сообщила: ужасный наемный убийца по имени Ахмед Кхан смертельно ранен в перестрелке у станции Черчгейт. Нынче я без страха наведалься к Хаджи Али, чтобы вознести благодарность Аллаху, — и видишь, кого мне послала судьба на обратной дороге!

— Да уж, потрясающее совпадение. Но ты еще не все рассказал. Скажи, пожалуйста, чей адрес и снимок в итоге получил Ахмед?

— По-моему, этого заслуживал только один человек. Я подсунул хозяину глянцевое фото размером шесть на восемь, и это был мистер Бабу Пиллаи, он же Маман!

Смита хлопает в ладоши от радости.

— Великолепно! Я уже давно поняла, что ты у нас парень с головой, однако и Салим — настоящий гений! Получив по доверенности лицензию на убийство, этот юноша точно знал, как ею распорядиться, и выбрал идеальную цель. А что же дальше? Ты поведал другу о том, что участвуешь в телевикторине?

— Я не стал открывать ему свои планы. Сказал: дескать, устроился слугой в столице, а в Мумбаи заехал на пару дней по делам.

— И что же, Салим до сих пор ничего не знает?

— Нет. Вообще-то я собирался ему сообщить, но тут появилась полиция и...

— Все ясно. Хорошо, давай посмотрим, как неожиданная встреча с Салимом помогла тебе на шоу.

В студии снова приглушен свет. Ведущий обращается в камеру:

— А мы переходим к вопросу номер девять, цена которого — миллион рупий. Откройте нам секрет, мистер Томас, каким видом спорта вы занимаетесь?

— Никаким.

— Правда? Как же вы ухитряетесь поддерживать форму? Взгляните, я то и дело нагуливаю жирок, хотя по утрам не вылезаю из тренажерных залов.

— А вы бы попробовали поработать официантом за тридцать километров от дома и быстро избавились бы от лишнего веса, — отвечаю я.

В зале хихикают. Прем Кумар недовольно хмурится.

— Ладно. Наше девятое задание — из области спорта. Точнее, крикета. Сколько зачетных сотен успел набрать по сей день величайший индийский бэтсмен Сачин Малванкар? Варианты: а) тридцать четыре, б) тридцать пять, с) тридцать шесть и d) тридцать семь.

Звучит музыкальная заставка.

— А можно вопрос?

— Да, конечно.

— После недавней серии матчей с Австралией Индия состязалась еще с какой-нибудь страной?

— Нет, насколько мне известно.

— Тогда я знаю ответ: с) тридцать шесть.

— Это ваше последнее слово? Не забывайте, на кону миллион рупий.

— Я помню. Тридцать шесть.

— Вы совершенно уверены, на все сто процентов?

— Да.

Звучит барабанная дробь. На экране загорается верный вариант.

— Совершенно, на сто процентов правильно! Сачим Малванкар действительно успел набрать ровно тридцать шесть зачетных сотен! И

вы получаете миллион рупий! Дамы и господа, у нас рекламная пауза.
Оставайтесь с нами!

— Попал! — срывается у меня с языка.

ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ РУПИЙ: КОРОЛЕВА ТРАГЕДИИ

«Семейная драма с элементами боевика и комедии, но с подлинно трагической развязкой» — вот так, выражаясь языком кинокритиков, я описал бы время, проведенное в доме Неелимы Кумари. Она была актрисой. И я служил у этой женщины три года в доме номер двадцать четыре-А на улице Джуху Виле Парде.

Все началось той ночью, когда Салим и я чудом вырвались из рук Мамана и его банды. Пригородный поезд привез нас в Джуху. Мы добрались до нужного дома, нажали на кнопку звонка и стали ждать.

Прошло много времени, прежде чем дверь отворилась.

— Да? — На пороге возникла высокая красивая леди. Одноногий Радхей оказался прав: она и впрямь похожа на героиню, только возрастом постарше, чем нужно.

— Аггеу, — произносит Салим, припадая к ее ногам. Неелима поспешно отступает.

— Кто вы? Зачем явились ко мне в такую позднюю пору?

— Мы друзья Радхея, — говорю я, умоляюще сложив ладони. — Он сказал, вы ищете прислугу. Вот мы и пришли предложить свою помощь. Нам известно, что вы очень добрая леди. Понимаете, мы остались без крова и без еды, страшно нуждаемся и готовы делать все, что прикажете.

— Ну да, я искала... Впрочем, вы еще так молоды...

— Мадам, это только с виду. На самом деле мы можем работать за четверых. А еще я говорю по-английски. Испытайте наши силы!

— Но мне нужен только один слуга. Двоим не хватит места.

Мы с другом переглядываемся. — Возьмите хотя бы одного, — не сдаюсь я.

— Как тебя зовут? — обращается женщина к моему товарищу.

— Салим.

— О, так ты мусульманин, верно?

Мальчик молча кивает.

— Тогда извини. Дело в том, что я живу с престарелой матерью, и она никогда не станет есть пищу, которой коснулась рука иноверца.

Лично я не верю в эту чепуху насчет оскверняющих контактов, однако что поделаешь... — Она пожимает плечами.

Салим совершенно падает духом.

— Ну а как твое имя? — спрашивает Неелима. И я отвечаю:

— Рама.

Итак, работу я получил. И вдруг оказалось, что жить со звездой вовсе не так чудесно, как представляется людям со стороны. Стоит артисту смыть грим, и вы понимаете: он такой же, как все, да еще и терзается теми же страхами. Разница только в одном: нас в основном заботят деньги, вернее, их отсутствие, а их интересует главным образом слава. Или ее недостаток.

Актеры живут в прозрачном аквариуме. Поначалу их это бесит, затем к обожанию привыкают. И когда прекращается ливень из неумных похвал, несчастные сохнут и покидают наш мир.

Просторная квартира Неелимы со вкусом обставлена современной мебелью, на стенах висят широкие дорогие ковры и живописные полотна. Самая крупная из пяти комнат, примыкающая к ванной, принадлежит хозяйке; та, что немного поменьше, — ее матери. Насколько я знаю, другой родии у звезды не осталось.

Спальня актрисы, безусловно, самая красивая в доме. Посередине стоит огромная кровать под бархатным покрывалом. Стены отделаны стеклянными плитками, так что всегда можно видеть вокруг тысячи собственных крохотных отражений. Зеркальный комод полон разных бутылочек и флаконов. Рядом — «Сони» с экраном на двадцать девять дюймов, видеомагнитофон и проигрыватель видеодисков последней модели. Потолок украшает очень ценная люстра. Бесшумный кондиционер навевает восхитительную прохладу. Длинные прозрачные полки сплошь уставлены всевозможными призами и наградами. Есть еще шкаф со стеклянными дверцами, полный старых журналов о кино. С каждой обложки смотрит Неелима Кумари. Глядя на все это великолепие, я испытываю некоторую гордость из-за того, что работаю в ее доме. Наверное, в свое время эта женщина действительно была величайшей актрисой Индии.

А вот мать у звезды — невыносимая брюзга. Ей уже под восемьдесят, но сил у почтенной дамы — как у сорокалетней, и к тому же она вечно следит за мной. Я ведь единственный слуга на полный

рабочий день. По вечерам у нас появляется леди-брамин из Махараштры, готовит еду и моет посуду. Приходящая горничная занимается стиркой. А на меня взвалили все остальное. Я вытираю пыль, мою полы, глажу белье и завариваю чай, бегая с мелкими поручениями, покупаю молоко и оплачиваю хозяйские счета. Однако мамаше ничем не угодишь. Вечно недовольна, хоть я и обращаюсь к ней уважительно Маа-джи. «Рама, — зудит она, — ты забыл принести мне молока... Рама, ты почему не погладил мои простыни?... Рама, ты плохо вытер пыль... Рама, ты опять ворон считаешь?... Рама, ты что, не видишь? Мой чай остыл...» Порой так и хочется заткнуть ей рот кляпом.

Неелима, пусть у нее и свои причуды, все же не столь придирчива. Она желает, чтобы я переселился в дом. И здесь бы хватило свободного места, но пуританка-мать ни за что не пустит «мужскую особу» под собственную крышу, и меня изгоняют в Гхаткопар. Там бывшая актриса снимает мне комнату в чоуле. В каком-то смысле это неплохо. Конечно, приходится каждый день мотаться на работу и обратно. Зато Салим живет вместе со мной и не должен хотя бы платить за кров.

Сегодня мы едем за покупками. У хозяйки нет своей машины, поэтому берем такси. Не люблю я эти походы по магазинам. Неелима приобретает одну лишь косметику да новые тряпки, а мне таскать за ней тяжеленные сумки. «Звезде» не приходит на ум завернуть в «Макдоналдс» или в пиццерию. К тому же она еще никогда, ни разу ничего не взяла для меня.

На очереди «Каф парэйд», ужасно дорогой магазин, где продают сари. Два с лишним часа хозяйка разглядывает образцы, затем выбирает себе три штуки по пятьдесят тысяч рупий. Мне за такие деньги почти два года работать. На выходе из кондиционируемого зала нас неожиданно окружает группа девочек, одетых в школьную форму. Вид у них довольно взволнованный.

— Простите, вы известная актриса Неелима Кумари? — спрашивает одна.

— Да, — отвечает польщенная хозяйка.

— Видите? — вскрикивает школьница, обращаясь к подружкам. — Я же говорила!.. Неелима-джи, мы большие

поклонницы вашего творчества. Встреча с вами — это как сон наяву! Простите, мы не взяли с собой блокноты для автографов, но, может, вы распишетесь в учебных тетрадках?

— Разумеется, с удовольствием. — Актриса достает из сумочки авторучку.

Одна за другой девчонки, трепеща от восхищения, протягивают свои тетради. Звезда спрашивает имена школьниц и размашисто пишет на чистых страницах: «Риту с любовью, Неелима», «Инду с любовью, Неелима», «Мальти с любовью, Неелима», «Рошни с любовью, Неелима»... Поклонницы читают написанное и визжат от восторга.

Актриса прямо-таки расцветает. На моей памяти это первый случай, когда ее узнали на улице, и я ошеломлен произошедшей переменой. Внезапно хозяйка замечает меня, потного от жары, согнувшегося под тяжестью сумки.

— Рама, ты, наверное, голоден, — произносит Неелима. — Давай-ка возьмем по мороженому.

Теперь уже я визжу от восторга.

Время от времени актриса рассказывает мне об искусстве создания кино. О всевозможных технических работниках, вовлеченных в создание каждой ленты.

— Зрители уверены, что фильм творят актеры и режиссер. Никому нет дела до тысяч людей, занятых за кулисами, без чьих усилий не появилось бы ни одного фильма. А ведь только после того, как они честно сделают свое дело, режиссер может, щелкнув пальцами, громко сказать: «Свет, камера, мотор!»

Хозяйка говорит о декорациях и реквизите, о костюмах и гриме, о каскадерах и осветителях. Однажды речь заходит о жанрах.

— Терпеть не могу сегодняшние картины, куда пытаются напихать все сразу: трагедию, комедию, мелодраму и боевик. Нет, хорошая лента — дань уважения жанру. Я всегда с большой осторожностью выбирала роли и соглашалась, только поняв до конца, что именно заложено в сюжете и что это значит лично для меня. Неелима Кумари не смогла бы петь и танцевать на экране — и скончаться двумя катушками позже. Нет, Рама. Характер должен оставаться незыблемым. И если великого художника узнают по его неповторимой манере мазка, то знак артиста — его уникальная личная

ниша. Хороший актер не просто вписывается в рамки своего жанра, но сам определяет его. Читал последнюю статью о новом фильме «Сердечная привязанность»? Журналист из «Таймс оф Индия» написал, что Пуджа, сыгравшая главную героиню, буквально скомкала сцену смерти. «Как бы я хотел увидеть в этой роли Неелиму Кумари, которая оправдала бы каждое слово и жест. Молодым современным актрисам не мешало бы учиться у подлинных легенд вроде нее». Сколько радости доставили мне эти строки! Сделаться эталоном, определением жанра — высшая похвала, которой может удостоиться артист. Я заказала рамку для статьи.

— И в чем же ваш неповторимый стиль?

Хозяйка улыбается.

— Ты еще слишком юн, чтобы знать: меня считают королевой трагедии в индийском кино. Пойдем, я кое-что тебе покажу.

Она ведет меня в свою спальню и открывает металлический алмирах. Вот это да! Он весь оказывается набит кассетами.

— Только подумай, на каждой из них записана картина, где я играла.

— Правда? Сколько же их тут?

— Сто четырнадцать. Ровно столько ролей мне выпало за двадцать лет работы в кино. — Она указывает на первый ряд кассет: — Здесь мои первые ленты. По большей части грубые, дешевые комедии. Тебе ведь известно, что это?

Я энергично киваю:

— Ну да. Говинда всегда в таких играет.

Неелима обводит рукой еще два ряда:

— Вот картины второго периода. В основном семейные драмы, но был еще знаменитый триллер «Назови убийцу» и даже классический фильм ужасов «Тридцать лет спустя». А это, — она указывает на оставшиеся четыре ряда, — мои трагедии. Взгляни на сотни призов и наград. Чуть ли не все они получены за ленты, записанные на последних кассетах.

Одну из них она ласково гладит пальцем.

— Моя любимая.

Читаю надпись на яркой наклейке: «Мумтаз-Махал».

— Так звали жену императора Шах-Джахана, которую я сыграла. Подобная роль достается раз в жизни. Именно за нее мне вручили

Национальную премию. Видишь вон ту награду посередине? Я получила ее из рук самого президента Индии.

— Значит, мадам, это и есть ваша лучшая работа?

Неелима вздыхает.

— Хорошая, не спорю, и с огромным зарядом глубокого чувства, но сердце подсказывает, что мне еще предстоит исполнить нечто по-настоящему прекрасное.

Матери хозяйки вдруг стало плохо. Она все время кашляет и стонет. А уж ворчит и придирается, так что сил нет. От бесконечных жалоб не спасается даже Неелима: она постоянно слышит о собственном долге перед женщиной, которая произвела ее на свет, и, по-моему, сама начинает понемногу раздражаться. Кроме прочих поручений, теперь я должен полдня покупать лекарства для Маа-джи, а после внимательно следить, чтобы она вовремя принимала свои таблетки, капли и порошки.

Сегодня все в доме взволнованы. Вечером по национальному каналу должны показать одну из прославленных трагедий Неелимы, «Последняя жена». Хозяйка желает смотреть картину вместе с нами в гостиной. И вот на часах восемь. Собираемся у телевизора: повариха, горничная и я сидим на ковре, бывшая актриса — на диванчике, мать полулежит рядом с ней. Фильм начинается. Речь идет о бедной семье представителей среднего класса, на которых свалилась целая уйма всяческих бедствий. На экране проливается много слез, на заднем плане стонет почтенная Маа-джи. Нет, это не в моем вкусе. Слишком реалистично. Не понимаю, зачем вообще смотреть подобные ленты, если то же самое можно увидеть и в доме напротив? Впрочем, хозяйка выглядит очень юной и очень красивой. Странно сидеть в одной комнате с героиней фильма, который как раз идет по телевизору. Интересно, о чем она думает в эти минуты? Возможно, припоминает бесчисленных осветителей, гримеров и звукооператоров, оставшихся за кадром? Неелима умирает, успев произнести прочувствованную речь. На этом картина заканчивается. Мы встаем, разминаем уставшие ноги. Глаза хозяйки полны сверкающих слез.

— Мадам, — тревожусь я, — что с вами? Почему вы расстроены?

— Ничего, Рама. Просто на миг ощутила родство со своей героиней. Видишь, я уже улыбаюсь.

— Скажите, все артисты умеют смеяться и плакать почти одновременно?

— В этом и есть отличие подлинного актера. Знаешь, за что мне присвоили титул Королевы трагедии?

— За что, мадам?

— Неелима Кумари ни разу не нуждалась в глицерине, чтобы разрыдаться. Слезы выступают просто так, по моему желанию.

Когда она уходит, мы с горничной переглядываемся, и я пожимаю плечами.

— Подумаешь, я тоже плачу без всякого глицерина.

Чем дольше общаюсь с этой актрисой, тем глубже проникаюсь пониманием, почему же все-таки ее прозвали Королевой трагедии. Она излучает вокруг себя некую ауру меланхолии. Даже в улыбке таится привкус печали. Я часто пытаюсь вообразить ее прошлое. Почему эта женщина так и не вышла замуж? И настоящих друзей у нее, кажется, нет. Правда, порой Неелима таинственно исчезает и возвращается только к вечеру. Но вряд ли хозяйка навещает любовника или приятеля: тогда ее лицо хотя бы изредка светилось бы от радости. А бывшая актриса приходит домой подавленная, измученная и сразу ложится в постель. Хотелось бы однажды разгадать эту удивительную загадку.

Еще меня поражает, как сильно хозяйка одержима красотой. В смысле телесной, физической. Неелима Кумари выглядит очень даже привлекательно, однако часами прихорашивается перед зеркалом, поправляя макияж и прическу. На туалетном столике целая куча тюбиков. Как-то раз я решил почитать названия на этикетках. Чего там только не оказалось; кремы от морщин, от целлюлита, лосьоны против старения, усилители глубокого сияния, увлажняющие средства от увядания кожи, ночные тоники, укрепляющие гели. В ванной целое море разных сортов мыла с необычными запахами, скрабов и масок для омоложения. Кстати, в аптечке хозяйки медикаментов ничуть не меньше, чем на столике Маа-джи. Здесь и гормоны — регуляторы роста и развития, и мази для укрепления груди, мелатонин и антиоксиданты.

В конце концов я не удерживаюсь от вопроса:

— Мадам, не сердитесь, но для чего весь этот макияж? Ведь вы уже не снимаетесь.

Неелима смотрит мне в глаза.

— Люди нашей профессии очень тщеславны. Мы привыкаем видеть себя красивыми, так что уже не решаемся видеть в зеркале свои настоящие лица. Запомни, подлинный актер — актер и в жизни. Даже если фильм кончается, шоу должно продолжаться.

Любопытно: это она сказала от сердца или же вспомнила одну из ролей?

Нынче ночью случилось нечто невероятное. Маа-джи умерла во сне. В возрасте восьмидесяти одного года.

Немного поплавав, хозяйка предается земным хлопотам: нужно устраивать похороны. Похоже, чуть ли не все собратья по ремеслу являются выразить ей соболезнования. Неелима с печальным видом сидит на диванчике в переполненной гостиной: белоснежное сари, легкий макияж. Многие из посетителей мне знакомы по знаменитым фильмам и фото в журнале «Старбест». Это актеры, актрисы, продюсеры, режиссеры, певцы и авторы песен. Я изумленно кручу головой по сторонам, жалея, что рядом нет Салима. Впрочем, он был бы разочарован. Гости вовсе не смахивают на звезд большого экрана: ни тебе грима, ни блестящих нарядов. Все, как один, в безупречно белых одеждах, у всех серьезные постные лица. Даже у тех, кого я знаю исключительно по комедиям.

Трудно сказать, как Неелима восприняла смерть матери. Зато для меня это было то же самое, что выйти на свежий воздух после гнетущего фильма.

Примерно через месяц хозяйка предлагает мне все-таки переселиться в дом, и я соглашаюсь. Главное, она не против и дальше вносить плату за жилье Салима. В огромной квартире, где пустуют четыре спальни, мне отводится крохотная подсобка.

Вскоре я начинаю замечать: после кончины Маа-джи Неелима все чаще пропадает из дома, порой не возвращаясь и по ночам. Теперь уже можно не сомневаться: у нее кто-то есть. И вероятно, нас ожидает свадьба.

В гостиной раздается какой-то шорох. Негромкий, но я просыпаюсь. Яростно тру глаза, смотрю на будильник: половина третьего. С чего это хозяйке среди ночи бродить по комнатам? И вдруг меня осеняет: может, ее решил навестить загадочный приятель? Вот было бы интересно! Бесшумно встав с постели, крадусь на цыпочках.

В гостиной темно, и все же там находится какой-то мужчина. Не похож на любовника. На голове у него черная маска с узкими прорезями для глаз. В левой руке темный мешок, а в правой — фонарик, луч которого направлен на видеоманитофон. Мужчина торопливо отсоединяет провода и опускает дорогой аппарат в мешок. Теперь я точно знаю: это не возлюбленный хозяйки, а самый настоящий вор. И принимаюсь визжать. Истошный вопль разрывает ночную тишину, словно выстрел. Неелима Кумари пробуждается и бежит в гостиную. Непрошенный гость, окончательно растерявшись, роняет мешок и фонарик, а сам зажимает ладонями уши. Стеклопанная статуэтка, бережно установленная на телевизоре, падает и разбивается вдребезги.

— Что происходит? — испуганно выдыхает актриса, включая свет.

Потом замечает грабителя и тоже кричит. Мужчина уже почти оглох. Рухнув перед нами на колени, он умоляюще складывает руки:

— Пожалуйста, прошу вас, я не вор. Мадам, я всего лишь хотел посмотреть на ваше жилище.

— Рама, принеси телефон, — произносит хозяйка. — Надо срочно вызвать полицию.

Я пулей мчусь в коридор за беспроводной трубкой. Тем временем грабитель срывает маску. Под ней молодое лицо с козлиной бородкой.

— Умоляю, мадам, пожалуйста, не звоните в полицию. Я правда не собирался никого грабить. Перед вами студент последнего курса. И ваш огромный поклонник. Честное слово, я просто мечтал увидеть, как вы живете.

При слове «поклонник» актриса явно смягчается.

— Не слушайте его, мадам, — предупреждаю я. — Этот парень — вор. Если он ваш фанат, зачем было красть магнитофон?

— Я объясню, Неелима-джи. Знаете, я раздобыл кассеты с вашими фильмами — все сто четырнадцать — и каждый день смотрел хотя бы одну из них. От сильного износа магнитофон сломался,

пришлось отдать его в починку. Но я не прожил бы даже пары дней без ваших картин. Потому и решился пойти на этот взлом. Одно лишь сознание того, что кассета крутится на вашем магнитофоне, сделало бы просмотр незабываемым эпизодом всей моей жизни. Поверьте, мадам, клянусь покойным отцом, я собирался вернуть аппарат, как только мой собственный вернулся бы из починки.

— Он лжет! — надрываюсь я. — Давайте вызовем полицию.

— погоди, Рама, — отвечает актриса. — Сперва я должна проверить: а вдруг он сказал правду. Если наш незваный гость, как он утверждает, на самом деле видел все сто четырнадцать фильмов, он без труда ответит на несколько вопросов. Хорошо, мистер, скажите, в какой киноленте я играла деревенскую девушку по имени Чандни?

— О, разве можно забыть подобное, Неелима-джи? Это же одна из любимых моих картин. «Обратно в деревню», правильно?

— Правильно. Впрочем, такие подробности многим известны. Ответьте-ка лучше, что за фильм принес мне в тысяча девятьсот восемьдесят втором году премию кинокритиков?

— Это еще проще. «Темная ночь», разумеется.

— Боже, и здесь вы не ошиблись. Ну а когда я снималась вместе с Маноджем Кумаром?

— В патриотическом фильме «Нация зовет».

— О, так вы и его посмотрели?

— Говорю вам, Неелима-джи, я самый преданный из ваших поклонников. Только скажите, зачем вы согласились на ту пошлую роль в «Вечной любви»? По-моему, режиссер не оценил и не использовал ваше дарование по достоинству.

— Забавно, что вы завели речь об этой картине. Я тоже считаю, что мне не следовало в ней играть. В конце концов лавры пожал Шармила, а меня грубо надули.

— Зато вы блистали в киноленте «Дождь над Бомбеем»! Речь, которую ваша героиня произносит в храме после смерти отца, просто незабываема. На мой взгляд, премия кинокритиков полагалась бы скорее за нее, чем за роль в «Женщине».

— Пожалуй, согласна. Если бы мне пришлось выбирать между ними, я бы, наверное, выбрала «Дождь над Бомбеем». Надо сказать, вы хорошо разбираетесь в моем творчестве. Как ваше имя?

— Ранджит Мистри. Мне двадцать четыре года, и я давно мечтал спросить вас о величайшем фильме, когда-либо снятом в нашей стране, «Мумтаз-Махал». Помните сцену родов, когда вы умираете, а Дилип Сахиб, исполнивший роль императора, сидит у изголовья кровати? Вы берете с него знаменитое обещание, а после снимаете золотую подвеску, однако так и не отдаете супругу. Почему? Что это значит?

— Поразительно, вы помните картину до мелочей! И я непременно отвечу. Только зачем же вы сидите на полу? Давайте устроимся на диване. Рама, ну что ты стоишь разинув рот с телефоном в руках? Не видишь, у нас гость! Завари-ка нам по чашке чая и принеси печенье. Так вот, как я уже говорила, концепция «Мумтаз-Махал»...

Вернувшись из кухни, я застаю актрису и грабителя мирно болтающими в гостиной; они смеются и шутят, словно закадычные друзья. Остается лишь недоверчиво покачать головой. Надо же, этот парень хотел обокрасть Неелиму — и только за то, что он посмотрел ее картины, бывшая звезда готова поить его чаем с печеньем.

То, что начиналось как триллер, окончилось мелодрамой.

Однажды вечером хозяйка зовет меня, — Рама, я хочу, чтобы завтра ты перебрался в чоул. Всего лишь на день. Мне нужно побыть в уединении.

— Но почему, мадам?

— Не задавай вопросов, — сердится она. — Просто делай, как тебе говорят.

Подобная сцена повторяется трижды в течение трех месяцев. Нетрудно догадаться: Неелима Кумари водит к себе приятеля и не хочет, чтобы об этом узнали. В общем, на следующий раз, когда мне велят ночевать в Гхаткопаре, я возвращаюсь не в семь, как обычно, а в пять часов и незаметно поглядываю за дверь. Разумеется, в шесть утра из квартиры выходит мужчина в белой рубашке и синих джинсах. Высокий, подтянутый, лицо приличное, однако покрасневшие глаза и растрепанная прическа несколько портят вид. В левой руке — зажженная сигарета и пачка купюр; пальцы правой рассеянно крутят ключи от машины. Никак не припомню, где я мог его видеть.

Таинственный гость, не обернувшись в мою сторону, спускается по лестнице. А я захожу домой не раньше семи.

Первое потрясение: во что превратилась гостиная? Повсюду окурки, неряшливые следы пепла. На столике валяется опрокинутый стакан и пустая бутылка из-под виски. По дороговому ковру рассыпан арахис. Воздух пропитался винным перегаром.

Второй удар: что стало с Неелимой Кумари? Лицо в кровоподтеках, глаз подбит.

— Боже, мадам, как это случилось? — кричу я.

— Ничего страшного, Рама. Упала с кровати, немного ушиблась. Не беспокойся.

Неправда. Во всем виноват мужчина, который ушел поутру. Взамен актриса дала ему вино, сигареты, пачку денег... Меня пронзают боль и бессильный гнев. Как ее защитить?

С того памятного дня хозяйку будто подменили. Она стала замкнутой и молчаливой. И кажется, начала украдкой пить. По крайней мере от Неелимы все чаще пахнет виски.

Однажды утром я снова замечаю на ее лице синяк, а на руке — ожог от окурка и не выдерживаю:

— Невыносимо видеть вас в таком состоянии, мадам. Скажите, кто это сделал?

Она могла бы отмахнуться: дескать, не твоя забота, но, видимо, хозяйку сегодня тянет на философские рассуждения.

— Понимаешь, Рама, кто-то сказал, что лучше любить и потерять, чем не любить вовсе. Так вот, иногда я сомневаюсь в этом. Любовь мне тоже знакома. Возможно, я еще ничего не утратила, хотя страданий натерпелась достаточно. Знаешь, в моей жизни появился мужчина. Порою я думаю: он меня любит, а порой — ненавидит. Мой милый мало-помалу изводит меня.

— Тогда почему вы его не бросите?

— Все не так просто. Даже в боли есть некое наслаждение. Некое сладкое забытие. Временами я размышляю: если уж легкие муки таят в себе удовольствие, то сколько же утонченного блаженства должна принести сама кончина! Когда он терзает меня сигаретой, кричать совсем не хочется. Вместо этого на ум приходит незабвенный финальный монолог из «Женщины»: «О жизнь, как ты коварна!

Погибель — вот мой истинный любовник, мой преданный товарищ. Приди же, смерть, и заключи меня в объятия, шепни на ухо нежные звуки безмолвия, на крыльях перенеси меня в страну вечной любви».

— Но это же кино, мадам! — чуть не плачу я.

— Тише! Помнишь мои слова: «Настоящий актер — актер и в жизни»? Не забывай, что я навеки останусь Королевой трагедии. Подобные титулы не достаются тем, кто всего лишь читает по памяти строки, написанные сценаристом. Я жила, как мои героини. Галиб^[90] не сделался великим трагическим поэтом, просто написав на бумаге несколько строчек. О нет, горечь нужно прочувствовать, испытать, ежедневно узнавать ее заново, только тогда ты становишься истинной королевой.

И я, наивный двенадцатилетка, широко распахиваю глаза:

— Если это все, значит, мне светит стать королем трагедии?

Актриса не отвечает.

Хозяйка собирается дать интервью «Старбест». Я приношу в гостиную на подносе гулаб джамун и самосы.

— О'кей, Неелима-джи, мы обсудили ваше славное прошлое, давайте перейдем к настоящему. Почему вы перестали сниматься?

Занятно наблюдать за тем, как журналистка возится с диктофоном. Она довольно юная и с виду очень даже ничего. У девушки гладкая кожа и волосы цвета ночи, остриженные до плеч, модные черные брюки с набивным рисунком и угольные туфли-лодочки с высоким каблуком.

— Потому что картины уже не те, что были прежде. Исчезла подлинная страсть, посвящение. Нынешние актеры будто сошли с конвейера: все на одно лицо и тараторят свои слова не вдумываясь, как попугай. Нет больше глубины. Раньше мы от начала до конца работали над одним фильмом. Теперь же можно увидеть, как многие разрываются между тремя постановками в день. Что за глупость! — Мадам презрительно машет рукой.

— Простите, но говорят, будто вы оставили экран еще и по той причине, что вам уже не дают ролей.

Глаза актрисы пылают гневом.

— Кто это сказал? Бесстыдная ложь! Да я сама отвергла несколько предложений, и все из-за недостаточной силы чувства. К тому же они

не были ориентированы на мой персонаж.

— Другими словами, вас приглашали сыграть не главную героиню, а ее старшую сестру или тетку?

— Да как вы смеете унижать меня и мою работу?! Приходится отметить, что в наши дни и журналисты утратили прежние манеры. Взгляните на эти призы и награды! Полагаете, их вручили бы той, что не ударила пальцем о палец? По-вашему, я получила статус Королевы трагедии, распевая песенки возле деревьев, подобно сегодняшним никудышным статисткам, раздутым до героинь?

— Прошу прощения... но речь не о вашей прошлой карьере...

— Я прекрасно поняла, о чем речь. Рама, покажи этой леди, где у нас выход, и никогда больше не пускай ее в дом.

Хозяйка встает и стремительно выходит из комнаты. А я провожаю изумленную девушку до дверей.

Даже не знаю, как именовать этот случай — комедией, драмой или трагедией.

В комнате актрисы много фотографий в рамках, и на всех она, собственной персоной. Неелима получает очередную награду, Неелима разрезает ленточку, Неелима смотрит представление, Неелима вручает какой-то приз. В доме нет чужих снимков. И только над самой кроватью висят портреты двух молодых красавиц. Одна из них белая, вторая — индианка.

— Что это за женщины? — однажды любопытствую я.

— Та, что слева — Мэрилин Монро, а справа — Мадхубала. [\[91\]](#)

— Кто они?

— Великие актрисы, которые рано ушли из жизни.

— Тогда зачем вам их фотографии?

— Потому что и я хочу умереть, как они. Не желаю дряхлеть и покрываться морщинами. Ты видел портрет Шакеелы в недельном обзоре фильмов? В пятидесятых она блистала, ну а сейчас ей уже девяносто. Смотри, как иссушили ее годы! И ведь после кончины люди будут представлять себе эту звезду изможденной, осунувшейся старухой. Какой ты лежала на смертном одре, такой и запомнишься зрителю. Зато Мэрилин Монро и Мадхубала сохранили вечную юность. Подобно им, я мечтаю оставить после себя образ нетленной молодости, прелести, изящества и непреходящего очарования.

Покинуть сей мир в девяносто — нет, только не это! Иногда мне хочется остановить все часы на земле, разбить каждое зеркало и навсегда заморозить собственную красоту.

Странная печаль окутывает сердце при этих ее словах. Если подумать, Неелима такая же сирота, как и я. Правда, у нее все же есть родня — поклонники, продюсеры, режиссеры. И вот ради них актриса желает пойти на последнюю жертву. Лишь бы навеки запомниться молодой и прекрасной.

Впервые в жизни я рад, что не сделался кинозвездой.

В гости ожидается известный продюсер. Неелима очень волнуется. Она уверена, что получит роль и снова предстанет перед камерой. Целый день хозяйка занимается макияжем и примеряет наряды.

Продюсер приходит вечером. Это маленький лысый мужчина с выпирающим брюшком. Актриса велит мне принести гулаб джамун, самосы и шербет.

— ... эта роль вам отлично подходит, Неелима-джи, — толкует гость. — Я всегда был огромным поклонником вашего творчества. Пятнадцать раз посмотрел одну только «Женщину». Какая там сцена ухода из жизни! Боже, я сам готов умереть, когда гляжу ее. Вот почему я твердо решился вытащить вас из тихого уединения. Для работы над картиной мы заманили одного из лучших режиссеров. К тому же фильм посвящен женской душе и женским заботам. Так что не сомневайтесь, предложение просто сказочное.

— И кто этот лучший режиссер?

— Чимпу Дхаван.

— Я думала, он снимает комедии.

— Ну и что? В конце концов лента у нас тоже чуть-чуть комедийная. На главные роли уже согласились Табу^[92] и Шахрукх Кхан...

— Пойдите, разве в вашем фильме будут сразу две героини?

— Нет, конечно.

— Тогда объясните, кого играет Табу?

— Героиню.

— Ну а мне вы что предлагаете?

— А, так вы не поняли? Мать Шахрукха Кхана.

Хозяйка тут же выставляет продюсера за дверь. Удаляясь, тот брызжет слюной от злости:

— Избалованная сучка! Надо же — до сих пор воображать себя героиней! В зеркало посмотрела бы! Скажи спасибо, что я не взял тебя на роль прабабушки! Тьфу, пропасть!

По-моему, это была хорошая комедийная сцена.

В доме опять побывал загадочный любовник. На этот раз дела обстоят гораздо серьезнее. Над левой бровью Неелимы появился глубокий порез, а щека распухла. Хозяйка с трудом разговаривает.

— Мадам, пора вызывать полицию, — настаиваю я, осторожно прикладывая к ране антисептическую мазь. — Мерзавца нужно арестовать.

— Нет, Рама. Со мной все будет в порядке.

— Хотя бы скажите, как его зовут?

Актриса хрипло смеется.

— И что это даст? Не волнуйся, негодяй уже не вернется, Я порвала нашу связь, вот он и покуражился. Если этот мужчина когда-нибудь ступит на мой порог — плюну ему в глаза.

— И вы собираетесь молча страдать? Посмотрите, что он сделал с вашим лицом!

— Безмолвные муки — удел всякой женщины. И потом, лицо — это мелочи. Видел бы ты, что творится ниже! Хочешь, покажу?

Она расстегивает пуговицы на блузке и щелкает кнопкой лифчика. Я в первый раз вижу нагую грудь. Огромную, качающуюся, словно коровье вымя. И вдруг отшатываюсь в ужасе: гладкую белую плоть изрыли сплошные черные кратеры сигаретных ожогов. Меня душат слезы.

Неелима тоже плачет.

— Довольно уже носить маску звезды! Хватит с меня косметических подтяжек и омолаживающих медикаментов! Сейчас я желаю быть обыкновенной женщиной. Иди сюда, дитя мое!

С этими словами она притягивает меня к себе.

Не знаю, о чем она думала в ту минуту, кого представляла на месте слуги — любовника или сына, хотелось ли ей забыть о своих страданиях или набраться острых ощущений. Но стоило мне зарыться лицом между ее грудей, как мир вокруг перестал существовать и даже

горечь сиротства отступила куда-то на время, Я чувствовал, что не одинок, что у меня есть мать, черты которой можно ясно увидеть, к которой можно прикоснуться. Все перемешалось: соль моих слез, пот ее тела и ароматные духи. Это был самый волнующий миг за долгих тринадцать лет. Всякая боль и мука, обида и унижение, копившиеся на сердце годами, растаяли без следа, Как же мне хотелось остановить стрелки часов на земле и навек заморозить чудесную минуту! Пусть и безумно короткая, она дала мне столько подлинных переживаний, сколько не подарит и самая искусная игра лучших на свете актеров.

Вот почему я не стану определять описанный эпизод как драму, триллер или трагедию. Произошедшее было выше любого жанра.

Утро откровений проходит и никогда больше не повторяется. Мы ни разу не заговариваем об этом, только понимаем, что жизни наши бесповоротно переменились.

Неелима страстно мечтает избавиться от маски, но ей не хватает душевной стойкости. А принять мою помощь хозяйка никак не хочет. Неумолимая судьба Королевы трагедии влечет ее с новой силой. Бедняжка все больше впадает в уныние. Все чаще напивается до беспомысленности. Вдобавок она увольняет горничную и повара. Я единственный, кто еще остается в доме. Вскоре мадам начинает готовиться к величайшей роли в своей жизни.

Неелима Кумари велит мне сложить журналы с ее фотографиями в аккуратную стопку. Собственными руками любовно расставляет на полках призы: впереди — платина, затем — золото и серебро. Облачается в самое дорогое сари, выбирает самые изысканные украшения. Три часа кряду сидит перед зеркалом, пытаясь придать своему лицу невиданную доселе красоту. После чего спускает в унитаз все до единого тюбики. Выбрасывает аптечку со снадобьями. Затем открывает банку с обезболивающими таблетками, прописанными для покойной матери. Глотает сразу, наверное, целую горсть.

Наконец она заходит в спальню, вставляет в магнитофон кассету, садится на кровать и нажимает кнопку «Воспроизведение». На экране появляется название фильма: «Мумтаз-Махал». Хозяйка велит купить овощей, и я отправляюсь на рынок.

К моему возвращению мадам безмятежно лежит на постели подобно прекрасной и юной невесте, что задремала перед свадьбой.

Но даже не прикасаясь к холодной коже, я точно знаю: она мертва. В руке у хозяйки награда с надписью: «Национальная премия лучшей актрисе тысяча девятьсот восемьдесят пятого года, присуждается Неелиме Кумари за роль в картине „Мумтаз-Махал“».

В жизни не видел ничего более похожего на подлинную драму.

Да, но что же делать? Передо мной — мертвое тело. Ясно одно: в полицию лучше не обращаться. С этих констеблей, пожалуй, станется обвинить меня во всем и посадить за убийство. Остается единственный разумный выход. И я сбегая к Салиму в Гхаткопар.

— Ты почему приехал? — удивляется друг.

— Мадам прогнала меня, как и повара с горничной.

— И как же мы теперь? Ведь нужно платить за комнату!

— Не волнуйся, хозяйка внесла деньги на два месяца вперед. За это время я подыщу какую-нибудь работу.

Каждый день я со страхом ожидаю джипа с красной мигалкой, однако ничего не происходит. В газетах даже не сообщают о смерти звезды. А тут подворачивается место в литейном...

Актрису находят спустя целый месяц, и то лишь потому, что соседка жалуется на подозрительный запах. Взломав замок, люди заходят в жилище. В гостиной и первых четырех комнатах ничего такого не обнаруживается. Зато в хозяйской спальне лежит разложившийся труп. Сари выглядит совсем как новое, украшения блестят на солнце, а вот лицо и плоть обезображены до полной неузнаваемости. Для того чтобы вынести полусгнившее тело, мужчинам приходится надевать плотные марлевые повязки. Награду «Лучшей актрисе», не глядя, выкидывают в мусорный бак. Полиция опознает останки только благодаря зубным коронкам. На следующий день фотография мертвой, изуродованной тлением женщины появляется крупным планом во всех газетах. Первые полосы пестрят огромными заголовками: «Неелима Кумари, в недавнем прошлом известная Королева трагического жанра, в возрасте сорока четырех лет наложила на себя руки. Испортившийся труп обнаружен в квартире спустя четыре недели». Вот это я понимаю: подлинная трагедия!

Смита испускает глубокий вздох.

— Неудивительно, что эти звезды такие нервные! А ведь я смотрела «Мумтаз-Махал» и тоже не понимала сцену с подвеской. Интересно все-таки, что же сказала твоя хозяйка тому ночному грабителю.

— Боюсь, это так и останется тайной. Но мы же не собираемся до утра говорить о Неелиме? Может, пора смотреть дальше?

Девушка неохотно умолкает и включает запись.

В студии царит суэта. Сейчас как раз середина долгого перерыва. Продюсер викторины, высокий мужчина с длинными, словно у женщины или рок-звезды, волосами толкует в углу с ведущим. Потом отходит, и Прем Кумар подзывает меня.

— Слушай, Томас, ты потрясающе играл сегодня. И вот пожалуйста, прикарманил миллиончик. Недурно, да? Скажи-ка, что ты намерен делать дальше?

— В смысле?

— Ну, то есть уйдешь с деньгами прямо сейчас или нацелишься на миллиард? Не забывай, начинается «Рисковый раунд».

— Тогда я лучше уйду. До сих пор-то мне везло, но ведь удача может и отвернуться.

— О, было бы очень жаль, Томас. По нашему общему мнению, если бы ты продолжал играть, то послужил бы отличным примером для индийской молодежи. Так что команда КХМ решила выручить любимца зрителей. Помнишь, как я подсказал ответ на втором задании? А ты еще тогда мог вылететь без единой рупии в кармане. Давай и теперь поступим так же. Соглашайся, мы поможем. Нам тоже выгодно, чтобы кто-нибудь победил. И тебе хорошо, и для шоу лишняя реклама.

— Так что за вопросы вы мне приготовили?

— Не важно. Ты все равно заранее будешь знать верный вариант. Если я в тот раз не обманул, то и сейчас не подведу. Ну как, по рукам?

— Что ж, если вы гарантируете победу, почему бы и нет. Ладно, говорите, каким будет следующее задание.

— Замечательно. — Ведущий хлопает в ладоши. — Билли! — обращается он к продюсеру. — Мистер Томас согласен продолжать игру. — И, снова повернувшись ко мне, шепчет: — Значит, так. Я спрашиваю: «Назовите точную длину Полкского пролива между

Индией и Шри-Ланкой. Варианты: а) шестьдесят четыре километра, б) девяносто четыре километра, с) сто тридцать семь километров и d) двести девять километров». Правильный ответ: С. Сто тридцать семь. Понятно?

— Да. Но откуда мне знать, что это правильный ответ?

— Значит, не доверяешь? Хорошо, я тебя не виню. В конце концов, на кон поставлен целый миллиард рупий. Требуешь доказательств? Пожалуйста, загляни в эту книжицу. Думаю, цифры ты различать умеешь.

Тут он вытаскивает густо исписанный блокнот и тычет пальцем в нужную строчку. Да, это тот же самый вопрос. И действительно, вариант С обведен кружочком как верный.

— Все еще думаешь, будто я пытаюсь тебя наколоть?

— Ладно, верю, — киваю я.

— Вот и отлично Возвращайся на место. Я подойду через пару секунд.

Раздается музыкальная заставка, и в студии загорается надпись: «Аплодисменты».

— Дамы и господа! — восклицает ведущий. — Мы с вами находимся на историческом перепутье. Участник шоу достиг магической отметки в миллион рупий. Настала пора решать, будет ли он сражаться за высшую награду или покинет нашу телевикторину. Да, пришел момент истины, мистер Томас, Что же вы все-таки выбрали? Только не забывайте: с этих пор все заработанные деньги могут в любое мгновение испариться как дым. Что скажете?

Прем Кумар ободряюще улыбается.

— Продолжаю играть, — сипло произношу я.

— Простите? — переспрашивает ведущий. — Не могли бы вы говорить погромче?

Уверенно повторяю в полный голос:

— Продолжаю играть.

Зрители потрясенно ахают. «Боже мой!» — вырывается у одних. Другие возмущаются: «Вот придурок!»

— Это ваше окончательное, бесповоротное решение?

Прем Кумар опять улыбается.

— Да, — отвечаю я.

— Стало быть, мы вошли в историю, дамы и господа! — ликует он. — Перед нами отважный участник, готовый рискнуть всем ради большего. Однажды мы уже видели нечто подобное, но тот игрок так и не сумел победить. Посмотрим, удастся ли мистеру Томасу совершить невозможное и сорвать величайший джек-пот в истории. Прекрасно, переходим к последним трем заданиям. Поприветствуйте нашего героя бурными аплодисментами!

Звучит нарастающий бой барабанов. «Рисковый раунд» — загорается на табло. Зрители поднимаются с мест и возбужденно хлопают.

Мелодия затихает, и Прем Кумар поворачивается в мою сторону.

— Итак, мистер Томас, вы заработали круглый миллион, после чего согласились пойти на «Рисковый раунд», как мы его называем. Теперь вы либо дойдете до миллиарда, либо все потеряете. Отлично! И вот он, десятый вопрос, цена которому десять, да-да, именно десять миллионов рупий. В каком году знаменитая Королева трагедии Неелима Кумари получила...

— Но это же другой воп...

— Прошу вас, не перебивайте, я не закончил, — обрывает меня ведущий. — Так вот, как я уже говорил, задание заключается в следующем. Требуется назвать год, когда Неелима Кумари, Королева трагедии, получила Национальную премию. Варианты: а) тысяча девятьсот восемьдесят четвертый, б) тысяча девятьсот восемьдесят восьмой, с) тысяча девятьсот восемьдесят шестой и d) тысяча девятьсот восемьдесят пятый.

Я испепеляю предателя взглядом, а тот самодовольно ухмыляется. Все ясно. Меня специально заманили на этот раунд. Только вот не учли одной малости. Удача все еще со мной.

— Я знаю ответ. Д. Тысяча девятьсот восемьдесят пятый.

— Что?!

Ведущего точно громом поразило. От удивления он даже забывает поинтересоваться, уверен ли я в себе на сто процентов. Ничего не понимая, давит на кнопку, и на экране вспыхивает правильный вариант. Последний, разумеется.

Можно подумать, Прем Кумар наткнулся на привидение.

— Мистер... мистер Томас... только что выиграл де-де-сять миллионов, — нервно запинается он.

Зрители беснуются от восторга. Все встают и громко ликуют. Слышится свист и одобрительное улюлюканье. Некоторые принимаются танцевать в проходах.

Ведущий утирает неожиданно вспотевший лоб и делает жадный глоток лимонада.

Вот так эпизод, который задумывался как трагический, завершился фарсом.

СТО МИЛЛИОНОВ РУПИЙ: УЩСВУЧ ППФГУ, ИЛИ ИСТОРИЯ ЛЮБВИ

Еда, Это все, что я способен увидеть, услышать, унюхать, и все, о чем я могу думать на многолюдном и шумном вокзале, где простоял в своей рубашке из чистого хлопка и американских джинсах последние два часа. Если долго не кушать, голод попросту съезживается и умирает. Но если очень долго не кушать — например, как я, со вчерашнего полудня, — мозг начинает выкидывать забавные штуки. Глаза утверждают, будто бы люди вокруг только и делают, что едят и пьют. Нюх обостряется, как у собаки, причем ноздри выслеживают исключительно ароматы чужой пищи. Свежеприготовленные джалеби, [\[93\]](#) пури, качори [\[94\]](#)... Голова кружится! Даже при мысли о чем-нибудь незамысловатом, чего я никогда не любил, хотя бы о сваренном вкрутую яйце, рот переполняется слюной. Шарю в кармане: осталась только счастливая монетка. Правда, лишившись в течение ночи целого состояния, трудно верить в удачу. Облизываю пересохшие губы. Как же убить голод? Избавиться, что ли, от наручных часов за тарелку лепешек с бобами? И тут мой взгляд падает на рекламный щит возле привокзальной столовой. Надпись очень простая: «До М — один километр». Теперь я знаю, где раздобыть еду. Причем бесплатно.

Покинув станцию, пускаюсь на поиски большого красного М. Раз или два поворачиваю не туда, спрашиваю владельцев местных палаток и наконец обнаруживаю нужную букву в самом сердце роскошной рыночной площади. Нарядные официанты «Макдоналдса» подозрительно косятся на меня, однако выставить не решаются. Нельзя прогонять посетителя в американских джинсах, каким бы помятым тот ни выглядел. Занимаю позицию возле деревянного мусорного ведра с откидной крышкой. Когда никто не смотрит, проворно запускаю руку вовнутрь и достаю как можно больше симпатичных коричневых пакетиков. Потом старательно умываюсь в туалете и выхожу на улицу.

Что же, первая попытка удалась. Присев на скамейку, с радостью набрасываюсь на полуобглоданные кости цыпленка, надкушенный бургер с овощами, жареную картошку и полбаночки «Севен-ап». Любой малолетний бродяжка должен уметь питаться отбросами, без этого быстро протянешь ноги. Знавал я нескольких парней, которые только и потребляли, что вкусные объедки, оставленные в кондиционируемых вагонах «Раджхани экспресс». Были еще и другие — те обожали пиццу «Пепперони», умудряясь найти за вечер семь или восемь отличных кусков, брошенных в мусорный бак возле «Пиццы-хат». Однако и первые, и вторые сходились на том, что легче всего прокормиться на свадьбе. Салим был настоящим докой по этой части. Все просто. Главное — опрятно одеться и надеть приличные туфли. Мешаешься с толпой гостей; родственники невесты полагают, что ты близкий друг жениха, другая сторона думает с точностью наоборот, а ты уплетаешь угощение за обе щеки. Выпиваешь десять или пятнадцать бутылочек газировки, объедаешься закусками, наслаждаешься широчайшим выбором десертов. Если повезет, можно стянуть несколько нержавеющей приборов. Салим натаскал себе почти целый столовый набор. К сожалению, мой друг оставил эту полезную привычку после одной неприятной сцены в Нариман-Пойнт, когда на свадьбе завязалась крупная потасовка. В драке парню щедро влетело и с той, и с другой стороны.

Утолив голод, я отправляюсь изучать окрестности. Прогуливаюсь по многолюдным переулкам, полным рикшей, коров и пешеходов. Любуюсь затейливыми, в старинном стиле, решетками хавели.^[95] Упиваюсь волнами ароматов, проистекающих из дверей придорожных лавок, в которых торгуют кебабом, и дхаб^[96] для строгих вегетарианцев. Морщю нос, почуяв запахи, исходящие из открытых сточных канав и дубилен. Читаю гигантские плакаты, расклеенные на каждом клочке свободного места: они призывают смотреть новые фильмы, а также голосовать за старых политиков. На моих глазах дряхлые, сморщенные ремесленники в допотопных лачугах корпят над мрамором, выводя причудливые узоры, а молодые продавцы торгуют мобильными телефонами в отлично кондиционируемых демонстрационных залах. Оказывается, богачи в Агре словно две капли воды похожи на своих делийских и мумбайских собратьев,

проживающих в домах из мрамора и плексигласа с охраной и сигнализацией. Да и трущобы здесь такие же. Знакомые груды ржавых листов железа безуспешно прикидываются домами; голые ребятишки с распухшими животами плещутся в грязи вместе со свиньями, в то время как усталые матери моют посуду в канавах.

Извилистая пыльная дорога неожиданно выводит к реке. Вода в ней грязная, желтовато-зеленого цвета. Пересохшие берега ясно указывают на то, что дождливый сезон пока не наступил. На беспокойных волнах крутятся щепки и прочий мусор. Окажись я где-нибудь еще, наверняка проследил бы взглядом за тем, куда они поплывут, наклонился бы прочитать отметку об уровне воды и вытянул бы шею, высматривая труп какого-нибудь бродяги, качающийся среди водорослей и пластиковых бутылок. Но только не здесь и не сегодня. Мои глаза приковывает к себе противоположный берег. А там, вырастая из квадратного основания, вздымается блистающий белоснежный купол с плавно изогнутыми, слегка заостренными арками. С четырех сторон к нему примыкают прямые, точно стрелы, минареты. Облитое лучами солнца строение сияет на фоне бирюзового неба подобно луне из слоновой кости, подобно безупречному, но хрупкому алмазу, — нездешняя, неземная картина подлинного изящества. От этой красоты сжимается сердце, перехватывает дыхание и всякие слова замирают в горле.

Спустя целую вечность я обращаюсь к первому попавшемуся прохожему:

— Простите, не могли бы вы сказать, что там за белое здание на том берегу?

Мужчина средних лет глядит на меня как на полного психа.

— Ара, если ты не знаешь, тогда зачем вообще приехал в Агру? Это же Тадж-Махал!

Тадж-Махал. Восьмое чудо света. Я слышал о нем, а вот на картинках видеть не довелось. Облака, проплывая по небу, отбрасывают на гладкий мрамор летучие тени, и я готов бесконечно смотреть, как он играючи меняет свой цвет от нежно-сливочного до бледной охры и алебастра. Недавняя утрата полусотни тысяч рупий, заботы о ночлеге и пище, страх перед полицией — все вдруг теряет значение перед лицом чистейшего совершенства. Решено: если мне и

нужно сегодня что-нибудь сделать, так это полюбоваться на Тадж-Махал. Как можно ближе.

Тридцать минут быстрой ходьбы вдоль набережной — и вот передо мной огромные ворота из красного песчаника. Надпись на крупном белом щите гласит: «Стоимость посещения Тадж-Махала: для индийцев — двадцать рупий, для иностранцев — двадцать долларов. Понедельник выходной. По пятницам — бесплатно». Кошусь на циферблат «Касио»: пятница, двенадцатое июня. Похоже, нынче мой день.

Пройдя через металлодетектор, минуя внешний двор из того же красного песчаника с арочными воротами — и Тадж-Махал предстает мне во всей красоте и великолепии, ослепительно искрясь в послеполуденной дымке. Осматриваю декоративный сад, фонтаны, широкие дорожки, зеркальный пруд, на глади которого качается прозрачное отражение купола... И только теперь замечаю вокруг себя несметные толпы туристов — молодых и старых, богатых и бедных, местных жителей и иноземцев. Повсюду щелкают яркие вспышки фотоаппаратов, гудят неумолчные голоса, и полисмены со строгими лицами пытаются поддерживать порядок.

Примерно через полчаса бесцельного брожения по Тадж-Махалу я натыкаюсь на группу богатых западных туристов с биноклями и видеокамерами, внимательно слушающих пожилого гида, и как бы случайно подхожу ближе. Указывая на мраморный купол, экскурсовод говорит хрипловатым голосом:

— После того как мы обсудили архитектурные особенности внешнего двора, в котором только что побывали, позвольте немного рассказать вам об истории Тадж-Махала.

Однажды в тысяча шестьсот седьмом году принц Хуррам из царственной династии Моголов прогуливался по делийскому рынку, когда вдруг заметил в маленькой палатке юную девушку, продававшую шелк и бусы. Завороженный ее красотой, молодой человек влюбился с первого взгляда. Однако прошло пять лет, прежде чем они смогли пожениться. Свадьбу сыграли в одна тысяча шестьсот двенадцатом году, когда невесте исполнилось девятнадцать, а жениху — двадцать лет. На самом деле красавицу звали Арждуманд Баку Бегум, но будущий император дал ей новое имя — Мумтаз-Махал. Мумтаз Бегум приходилась племянницей Ноорджахан, жене Джахангира, которая, в

свою очередь, доводилась племянницей персидской шахине Билгис Бегум. За восемнадцать лет брака супруги произвели на свет четырнадцать детей. Мумтаз неразлучно сопровождала мужа во всех его странствиях и боевых походах, была верной подругой и мудрой советницей, побуждала оказывать милосердие слабым и нуждающимся. Семнадцатого июня тысяча шестьсот тридцатого года она скончалась от родовых мук в Бурханпуре, всего лишь через три года после того, как принц Кхуррам взошел на престол империи Великих Моголов под именем Шах-Джахана. Уже на смертном одре Мумтаз убедила супруга дать ей четыре клятвы. Во-первых, он должен был воздвигнуть памятник, достойный ее красоты; во-вторых, никогда не жениться; в-третьих, оказывать их детям ласку и доброту; и в-четвертых, каждый год навещать ее гробницу. Кончина дорогой жены безнадежно разбила императору сердце. Говорят, его волосы побелели за одну ночь. Великая любовь заставила Шах-Джахана заняться возведением самой прекрасной гробницы в мире. Строительство началось в тысяча шестьсот тридцать первом году и длилось в течение следующих двадцати двух лет. В работе принимали участие более двадцати тысяч мастеровых и самых искусных художников из Персии, Османской империи, даже из далекой Европы, и вот перед вами удивительный плод их труда. Пленительный Тадж-Махал, который Рабиндранат Тагор назвал однажды «слезой на лице вечности».

Девушка в мини-брючках поднимает руку;

— Простите, а кто такой Тагор?

— О, это знаменитый индийский поэт, получивший Нобелевскую премию. Можно сказать, наш собственный Уильям Уордсуорт.

— Уильям-кто? — переспрашивает туристка.

— Не обращайтесь внимания. Как я уже говорил, архитектурный комплекс Тадж-Махала состоит из пяти основных элементов. И это: Darvaza (главные ворота), Bageecha (декоративный сад), Masjid, или мечеть, Naqqar Khana (гостиница для путешественников) и наконец — Rauza, то есть главный мавзолей. Усыпальница располагается внутри Тадж-Махала, через минуту мы ее увидим. Я также покажу вам девяносто девять имен Аллаха, начертанных на поминальном камне Мумтаз, и писчий прибор — отличительный знак мужчины-правителя — на камне Шах-Джахана. Согласно обычаю моголов, это всего лишь кенотафии, другими словами, копии настоящих гробов, которые лежат

под землей на тех же местах, в сыром и ничем не украшенном склепе. Площадь мавзолея — пятьдесят семь квадратных метров. Высота центрального внутреннего купола — двадцать четыре целых и четыре десятых метра, диаметр составляет семнадцать целых и семь десятых метра, зато наружная оболочка вокруг него достигает высоты в шестьдесят один метр, а с четырех сторон вздымаются сорокаметровые минареты. Вы поразитесь, насколько замысловатым и утонченным было искусство той эпохи, если даже на трех квадратных сантиметрах мозаичного элемента можно насчитать более полусотни самоцветов. Прошу вас также заметить, что все до единого суры Корана вокруг арок написаны одинаковым шрифтом, невзирая на размеры букв.

И помните: перед вами памятник бессмертной любви, способный раскрыть свои тайны лишь тем, кто умеет ценить прекрасное. Квадратное основание Таджа символизирует четыре различных взгляда на прелестную женщину. Главные ворота напоминают вуаль, которую затаив дыхание, нежно и медленно поднимает с лица невесты юноша в первую брачную ночь. Подобно драгоценному украшению, Тадж-Махал переливается огнями даже глубокой ночью, когда бесчисленные самоцветы на беломраморном куполе соперничают со звездами. Утром он розоватый, к вечеру — как молоко, а в полнолуние — золотой. Утверждают, что в этих переменах отражаются разнообразные настроения самой женщины. А теперь я поведу вас в мавзолей. Пожалуйста, снимите обувь и оставьте у порога.

Туристы разуваются и проходят вовнутрь. Я же задумчиво стою снаружи, пытаюсь разгадать, какого цвета были капризы Неелимы Кумари.

Кто-то трогает за плечо. С испугом оборачиваюсь: на меня глазеет очкастый иностранец, увешанный всяческими штуками, от портативной видеокамеры до проигрывателя мини-дисков, а также его жена и двое детишек.

— Простите, вы говорить по-английски? — произносит мужчина.

— Да.

— Пожалуйста, не могли вы рассказать немного про Тадж-Махал? Мы туристы. Из Японии. Мы первый время в этот город. Сегодня только прибыть.

Я собираюсь ответить, что сам здесь приезжий, однако не выдерживаю их любопытных, полных надежды взглядов и, подражая серьезному тону экскурсовода, принимаюсь выкладывать все, что запомнил:

— Значит, так, император Кхуррам возвел Тадж-Махал в тысяча пятьсот тридцать первом году для своей жены Ноорджжахан, известной под именем Мумтаз Бегум. Они познакомились, когда невеста торговала в саду подвесками, тут же влюбились друг в друга, но поженились лишь через девятнадцать лет. Потом она дралась вместе с ним на всех войнах и принесла за четырнадцать лет ровно девятнадцать детей...

— Девятнадцать? — смущенно перебивает иностранец. — За только четырнадцать лет? Вы уверены?

— Конечно, — сержусь я. — Бывают же у людей близнецы. Но все равно, во время последних родов Мумтаз умерла — в Султанпуре, шестнадцатого июня. А перед смертью взяла с короля четыре обещания. Первое — построить Тадж-Махал, второе — не бить никогда детей, третье — побелить волосы, а четвертое... забыл. Ну, не важно. Так вот, как вы видите, Тадж-Махал состоит из ворот, сада, гостиницы и гробницы.

Японец энергично кивает:

— Да-да, мы смотреть ворота и сад. А где же гостиница?

Напускаю на себя суровый вид.

— А я не сказал? Настоящая усыпальница спрятана под землей. Значит, все, что над землей, и есть гостиница. Теперь: внутри мавзолея вы найдете гробы императора и Мумтаз, Не упустите шанс посмотреть авторучку с девяносто девятью самоцветами. Да, и на стенах через каждые три сантиметра вы можете прочесть пятьдесят имен Бога. Все стихи на стенах означают одно и то же, хотя и написаны неодинаковым шрифтом. Разве не удивительно? И помните: высота купола — целых сто шестьдесят метров, а минаретов — семнадцать. Кстати, если смотреть на Тадж-Махал под разными углами, получатся разные вуали невесты перед свадьбой. Попробуйте сами. Чуть не забыл: наш великий поэт по фамилии Тагор удостоился Нобелевской премии за поэму, посвященную Тадж-Махалу. Она называлась: «Пощечина на щеке Уильяма Уордсуорта».

— Правда? Ну и ну! Вот интересно. Путеводитель об этом ни слова.

Иностранец поворачивается к жене и тараторит по-японски, будто строчит из пулемета. Затем переводит специально для меня:

— Я говорить моей супруге: хорошо, что мы не брать общественный гид. Это есть очень дорого. А вы нам так любезно все рассказывать.

Мужчина широко улыбается.

— Благодарю вас. Аригато.

Потом кивает и что-то сует мне в руку. Я киваю в ответ. Когда иностранцы уходят, разжимаю кулак. А там хрустящая, аккуратно сложенная банкнота в пятьдесят рупий. И это за пять минут работы!

Теперь я точно знаю две вещи. Мне очень хочется остаться в городе Тадж-Махала, это раз. И второе: быть экскурсоводом совсем даже неплохо.

На землю спускаются сумерки, когда я нахожу в себе силы покинуть беломраморный монумент, уже облитый красноватыми лучами заката. Пора искать ночлег. Попробую обратиться к своему приблизительному ровеснику — тому, что недвижно стоит посреди тротуара в светлой футболке, серых штанах и синих гавайских тапочках, наблюдая за уличной перебранкой.

— Извини, приятель. — Я трогаю его за плечо.

Мальчик оборачивается, и на меня глядят самые добрые глаза на всем белом свете. В этом выразительном карем взгляде чувствуется и дружелюбие, и любопытство, и теплота, и радушие.

— Извини, — повторяю я. — Не знаешь, где тут можно остановиться? Я приезжий.

Парень кивает:

— Йд Ч Нрди Есвсюкк Ыкшщс.

— Не понял? — изумляюсь я.

Никогда не слышал такого чудного наречия.

— Уйу Нд Ырсц. Йд Ч Нрди Есвсюкк Ыкшщс, — снова произносит он, хлопнув себя ладонями по бокам.

— Боюсь, я не знаю этого языка. Прости, что побеспокоил. Я попрошу кого-нибудь еще.

— Ч сщгкйб, — настаивает мальчишка и, взяв меня за руку, тащит куда-то в сторону рынка.

Можно было бы вырваться, однако у него такие добрые глаза, что я сдаюсь и покорно иду следом. Ходит мой спутник тоже необычно: почти на цыпочках. Узкие запутанные улицы, кривые переулки — такое ощущение, что мы шагаем по лабиринту. Спустя пятнадцать минут передо мной возникает большой особняк. Медная табличка на огромной, обитой железом двери сообщает: «Дворец Свапны». Парнишка открывает дверь, и мы заходим внутрь. Изогнутая подъездная дорожка ведет к дому через гигантскую лужайку с фонтаном и расписными качелями. Над зеленой травой прилежно трудятся два садовника. Шофер в опрятной униформе наводит глянец на старинный автомобиль «контесса», припаркованный у крыльца. Здешние обитатели явно знакомы с моим загадочным другом: никто не мешает ему вести меня к парадному входу, богато украшенному деревянной резьбой, и нажать на кнопку звонка. Дверь открывает молодая, темная, очень даже миловидная служанка.

— А, это ты, Шанкар, — говорит она моему спутнику. — Ну, чего ты ходишь и ходишь? Прекрасно ведь знаешь, мадам недовольна, когда тебя сюда заносит.

Мальчик показывает в мою сторону.

— Кыб Рбмрд Есырдщд.

Женщина оглядывает меня с головы до ног.

— Ага. Значит, Шанкар привел нам нового жильца? Не думаю, чтобы во флигеле оставались пустые комнаты. Ну ладно, пойду позову мадам.

С этими словами она исчезает в доме. Некоторое время спустя на пороге появляется женщина среднего возраста. На ней дорогое шелковое сари, а еще — тонна золотых украшений. Лицо покрыто слоем косметики. В отличие от Неелимы Кумари эта леди утратила блеск, которым, возможно, и обладала когда-то. Узкие поджатые губы придают ей весьма сердитое выражение, и я с первой секунды проникаюсь неприязнью.

Зато Шанкар приходит в ужасное волнение.

— Ч Щкфч Пифпи, Ыдысяод, — заявляет он, улыбаясь во весь рот.

Мадам даже не замечает его присутствия.

— Кто ты такой? — спрашивает она, пристально разглядывая мою одежду. — И почему пришел с ним?

Под ее холодным взглядом так и хочется съежиться. Надеюсь, туалет в «Макдоналдсе» помог мне принять хоть немного достойный вид.

— Меня зовут Раджу Шарма.

В самом деле, не называть же в этом городе свое настоящее имя. Только не после того, как я убил человека в поезде.

— О, так ты брамин? — Ее глаза становятся еще подозрительнее.

Можно было бы догадаться, темнокожий брамин — это что-то новенькое.

— Ну да. Я впервые в Агре. Вот хотел узнать, нельзя ли здесь остановиться.

— Для жильцов у нас есть отдельный флигель.

Занятно: она использует королевское «мы», говоря о собственной персоне.

— Свободных комнат сейчас нет, но если подождешь неделю, мы что-нибудь придумаем. Это будет стоить четыреста рупий за тридцать дней. Плата — вперед и полностью, в начале каждого месяца. Если тебя устраивают условия, Лайджванти покажет особняк. А уж первую неделю как-нибудь сам выкручивайся.

— Благодарю вас, мадам, — произношу я на чистом английском. — Я готов снять комнату и заплатить четыреста рупий на следующей неделе.

При звуках английской речи женщина еще раз внимательно смотрит на меня. Суровое лицо немного смягчается.

— Может, поживешь пока у Шанкара?.. Лайджванти, проводи новичка.

Собеседование окончено. Даже в дом заходить не пришлось.

Флигель оказывается прямо за особняком. Это североиндийская разновидность уже знакомого чоула. Огромный, мощный булыжниками двор окружен соединенными между собой жилищами — кажется, их тут около тридцати. Комната Шанкара почти посередине восточного коридора. Мальчик отпирает дверь, и мы заходим. Скучная обстановка, тесная примыкающая кухонька... Совсем как было у нас в Гхаткопаре. Общие туалеты располагаются в самом конце западного коридора. Мыться можно только в центре двора, под струей из

колонки, прямо на глазах у всех обитателей флигеля. Лайджванти показывает свою комнатку и ту, куда я вселюсь через неделю.

Она уже хочет уйти, когда я торопливо спрашиваю:

— Простите, но кто этот мальчик, Шанкар? Я встретил его несколько часов назад, рядом с Тадж-Махалом.

Служанка вздыхает.

— Сирота. Мы все к нему очень привязаны. Бедняжка повредился умом и не умеет разговаривать нормально, лепечет какую-то чепуху. Знай себе целыми днями бродит по городу без дела. Наша мадам по доброте сердечной выделяет ему бесплатную комнату и даже дает немного денег на еду. Иначе парня давно бы забрали в лечебницу для душевнобольных.

Не могу поверить. Как же так? Шанкар показался мне довольно смышленным ребенком, разве что с нарушением речи. Пожалуй, насчет хозяйки особняка я тоже ошибся. Женщина, способная помогать несчастному сироте, не может быть настолько злой, насколько выглядит со стороны.

— А ваша мадам? Расскажите про нее, — прошу я. Лайджванти с важным видом придворного историка перечисляет царственных предков своей работодательницы.

— По-настоящему она королева Свапна Деви, но мы говорим: «Мадам» или «Рани-сахиба». Отцом ее был король Раджа Шивнатх Сингх из династии Раторе. Дедом по материнской линии — король Дхарелы (это рядом с Агрой) Раджа Рави Пратап Сингх, первый владелец этого хавели. Когда ей исполнилось двадцать лет, Свапна Деви вышла замуж за сына короля Бхадоби, Кунвара Пратапа Сингха из династии Гаутам, и переехала в фамильный особняк в Бенаресе. К сожалению, молодой принц, ее супруг, скончался на втором году брака, а мадам так и не вышла больше замуж. Королева еще двадцать лет провела в Бенаресе. Между тем ее дед, Раджа Рави Пратап Сингх, тоже умер, и Свапна Деви унаследовала от него этот хавели. Так что последние десять лет хозяйка прожила здесь, в Агре.

— А дети? — интересуюсь я.

Служанка грустно качает головой.

— Нет, у мадам никогда не было наследников. Поэтому она так любит заниматься благотворительностью и устраивать вечеринки. Говорят, она самая богатая женщина в Агре. И уж точно с хорошими

связями. Окружной судья и комиссар полиции обедают у нас каждую неделю, так что даже не мечтай обманывать хозяйку насчет ренты. Не заплатишь — мигом вылетишь на улицу. Заруби себе на носу.

Приходит вечер. Шанкар готовит ужин для двоих и уступает мне свою кровать. А сам ночует на жестком каменном полу. От этой невиданной доброты на глаза наворачиваются слезы. Ведь я познакомился с ним четыре часа назад! То обстоятельство, что мы оба сироты, связывает нас крепкими узами сострадания. Узами, которые ценнее дружбы. Важнее братства. И выше всяких слов.

Ночью в Агре идет дождь.

Итак, за неделю нужно было раздобыть четыреста рупий. И я, не теряя времени, бросился копить познания, необходимые на избранном поприще. Заработанные пятьдесят рупий позволяли пройти на территорию мавзолея два с половиной раза. Вместе с десяткой, одолженной у Шанкара, получалось три. Теперь я без устали околачивался возле западных туристов, слушал англоговорящих экскурсоводов и старался твердо запомнить каждое слово и цифру. Особых сложностей тут не возникало — частично потому, что я пристрастился к Тадж-Махалу, словно карманник к набитому автобусу. Или это был голос крови? Мумтаз могла бы вполне оказаться давней прабабушкой моей матери. А неизвестный отец — потомком великой могольской династии. Как бы там ни было, к четвертому дню я набрал достаточно сведений, чтобы пополнить обширные ряды подпольных гидов по Агре. Бродил у главных ворот из красного песчаника и предлагал свои услуги заморским туристам, которые липли к Тадж-Махалу, несмотря на удушающую жару июня. Первыми клиентами стали британские студентки — загорелые, почти не одетые, с веснушками на щеках и дорожными чеками в карманах. Девушки ловили каждое мое слово, не задавали мудреных вопросов, без конца щелкали фотоаппаратами, а потом оставили на чай бумажку в десять фунтов. Уже в обменнике — даже после того, как бессовестный владелец бюро забрал себе целых три процента комиссионного сбора — выяснилось, что я превратился в счастливого обладателя семи с половиной сотен рупий. Почти двухмесячная плата за жилье!

Через неделю я перебрался в отдельную комнату. Однако за эти семь дней успел немало узнать о Шанкаре. Например, убедился, что

мальчик не попусту лопочет языком, а говорит осмысленно, то есть понимает каждое свое слово, только нам объяснить не может. И что больше всего моему соседу нравится чечевица с чапатти, а вот капусту и баклажаны он просто на дух не переносит. Да, и еще — мальчика не занимали никакие игрушки. Зато он чудесно умел рисовать. Шанкар мог изобразить по памяти кого угодно, причем с удивительной точностью. А по ночам он, как и я, видел сны о матери. Раза два меня будили его крики: «Мама! Мамочка!» Как ни крути, получалось одно: в глубинах рассудка моего товарища таилась способность произносить нечто большее, чем набор непонятных звуков.

И все-таки жизнь рядом с ним повлияла на мою психику. Помню, однажды мне приснилась высокая молодая дама в белоснежном сари с маленьким ребенком на руках. Ветер сердито выл и закрывал ее лицо прядями иссиня-черных волос. Младенец нежно смотрел ей в глаза и лепетал: «Мама... Мама...» Женщина открыла рот, собираясь ответить, но с ее губ сорвалось лишь: «Ч Щкфч Пифпи, ШЗрсо». Сын завизжал и рванулся прочь. Проснувшись, я первым делом проверил, могу ли нормально разговаривать.

Так прошел целый год в Агре. Чего я только не выяснил о Тадж-Махале! Изучил подробности личной жизни Мумтаз — хотя бы то, что четырнадцатого ребенка, при родах которого скончалась императрица, звали Гаухарар. Затвердил на зубок бюджет строительства Таджа: государственная казна поставила четыреста шестьдесят шесть килограммов и пятьсот пятьдесят граммов чистого золота, что потянуло по тем временам на шесть лакхов, а полная стоимость сооружения составила сорок один миллион восемьсот сорок восемь тысяч восемьсот двадцать шесть рупий, семь анн^[97] и шесть паев.^[98] Исследовал разные мнения по поводу того, кто же на самом деле возвел чудо света, и ложные притязания итальянского ювелира Джеронимо Веронео. Услышал миф о втором Тадж-Махале и таинственные слухи о третьей могиле, спрятанной в подземных чертогах. Мог подолгу рассуждать об искусстве *pietra dura*,^[99] использованном в растительных узорах на стенах усыпальницы, и об особенностях сада, устроенного в персидском стиле. Мой беглый английский мгновенно дал возможность хорошего старта. Иностранцы валили ко мне толпами; довольно скоро слава о гиде Раджу разнеслась

повсюду. Впрочем, это не значило, что я действительно в чем-то стал разбираться. Ни в коем разе. У меня была информация, но не знания. Экскурсовод Раджу почти не отличался от попугая, который прилежно повторяет чужие речи, не понимая ни слова.

Со временем я научился говорить японским туристам: «Коничива», русским — «Дазведанья», «Мучос грациас» — щедрым испанским толстосумам и «Хауди!» американским лохам. К огромному сожалению, мне так и не встретилось ни единого австралийца, которого можно было бы хлопнуть по спине и сказать: «Здорово, братан! Ща, вооце, такое услышишь про эту понтовую усыпальницу — мама не горюй!»

А главное: в карман потекли денежки. Не то чтобы настоящее богатство, однако хватало заплатить за квартиру, время от времени угоститься в «Макдоналдсе» или отведать пиццы и даже отложить кое-что на черный день. Хотя, пожалуй, для того, кто большую часть своих лет провел под открытым небом, затянутым тучами, «черный день» — понятие растяжимое. И потом я столько уже невзгод натерпелся и так часто вздрагивал, заметив на дороге джип с красной мигалкой: не меня ли хотят забрать за убийство Шантарамы, безвестного налетчика или даже Неелимы, — что не видел смысла строить далеко идущие планы. Деньги, как и сама жизнь, представлялись мне скоропортящимся продуктом. Легко достались — легко расстались. Стоит ли удивляться, что скоро я прославился среди соседей как «добрая душа».

Во флигеле обитал весьма разношерстный народ: бедные студенты из дальних деревень, государственные служащие, которые втихаря сдавали внаем свои официальные апартаменты по баснословным ценам, машинисты, прачки, садовники, повара, уборщицы, водопроводчики, плотники и даже один поэт с неперменной растительностью на подбородке. Со многими я успел подружиться. Оказалось, история императора Шах-Джахана и Мумтаз-Махал не единственная в этом сонном городке.

Лайджванти слыла среди нас главной поставщицей новостей. Стоило ей приложиться ухом к земле, как эта женщина уже располагала сведениями обо всем, что творилось по соседству. Служанка знала наперечет всех домашних изменщиков и тиранов, пьяниц и сквалыг, взяточников и злостных неплательщиков ренты. Невзирая на явную преданность хозяйке, Лайджванти была иногда не

прочь разболтать кое-какие дворцовые секреты. От нее-то я впервые услышал о бурном прошлом Свапны Деви. По слухам, у королевы был страстный роман со старшим братом покойного мужа Кунваром Махендрой Сингхом, но потом она якобы с ним разругалась и отравила опостылевшего любовника. Еще говорили, будто бы в Бенарес от их незаконной связи на свет появилась дочь. А что с ней случилось и как ее звали, никто не интересовался.

Однажды вечером ко мне заходит Шакил, один из бедных студентов, проживающих во флигеле.

— Раджу бхай, можно тебя попросить об одной услуге? — мнется он.

— Да, а в чем дело? — отзываюсь я, уже догадываясь, что будет дальше.

— Понимаешь, в деревне отца случилось наводнение. В общем, на этот раз он не выслал денег, как обычно. А заплатить за учебу нужно до понедельника, иначе меня отчислят. Не мог бы ты дать мне займы сто пятьдесят рупий? Обещаю все вернуть через месяц, когда из деревни придет очередной перевод.

— Конечно, Шакил! О чем речь. Великий поэт Наджми уже взял у меня полсотни, еще сто рупий — Гопал... Хотелось отложить на новую рубашку, но так и быть. Твоя нужда важнее моей. Бери все, что осталось.

Лайджванти приглашает меня и Шанкара к себе на ужин. Она не замужем и живет во флигеле одна. Первое, что при входе сразу бросается в глаза, — необычайный порядок. Это самая чистая комната, какую мне доводилось видеть. Каменный пол натерт до блеска. Кругом ни пылинки. Постельное покрывало лежит без единой складочки. Украшения на полке расставлены с геометрической точностью. И даже кухонька вылизана до такой степени, что можно поверить, будто в печке обжарится не черная, а белая сажа.

Шанкар и я садимся на стулья. Служанка в розовом сари опускается на кровать и с волнением принимается рассказывать нам о своей сестре Лакшми, которой недавно стукнуло девятнадцать и которая осталась в деревне, приблизительно в тридцати километрах от Агры. Точнее говоря, о том, как подыскать ей подходящего жениха.

— А ты-то сама? — удивляюсь я. — Разве старшая дочь в семье не должна выходить замуж первой?

— Так-то оно так, — отвечает Лайджванти, — но наши родители умерли пять лет назад, и я была ей не просто сестрой, а заменяла и мать, и отца. Нельзя же думать только о себе. Вот выдам Лакшми за хорошего человека, тогда и возьмусь искать своего принца.

— И как ты собираешься устраивать судьбу младшей сестры?

— Все уже придумано. Два месяца назад я разместила объявление в газете. И видно, богиня Дурга^[100] благословила мою затею: взгляните, сколько пришло ответов!

Она достает целую стопку писем и конвертов, отбирает из них шесть фотографий и показывает нам.

— Скажите, кто из этих молодых людей больше всех подошел бы моей Лакшми?

Шанкар и я очень серьезно подходим к вопросу. Почти у каждого претендента мы находим какой-нибудь недостаток. Первый уже староват. Второй неприятно улыбается. Третий некрасив. Четвертый со щрамом. Снимок пятого вообще так и просится на плакат «Его разыскивает полиция». Остается одно-единственное фото. На нем изображен очень даже приятный молодой мужчина с густыми усами и модной стрижкой.

— Вот этот, кажется, лучше всех, — говорю я.

Шанкар энергично кивает:

— Ърк Рвдгушщч Ъщщ Тдвкрэ.

Лайджванти в восторге от нашего выбора.

— Мне он тоже приглянулся. Мало того, что самый красивый, еще и самый обеспеченный, и родом из уважаемой семьи. Представьте себе: высокопоставленный начальник!

— Правда? И чем он занимается?

— Помощник окружного чиновника. Вот с кем Лакшми заживет по-королевски. Что скажете, пора мне начинать переговоры с его семьей? И просить благословения богини Дурги на их будущее?

— Конечно, и не откладывая!

Нас ожидает великолепный ужин: пури, качори, картофель и чечевица. Стальные тарелки так начищены, что в них можно смотреться точно в зеркало. Даже есть неудобно: страшно поцарапать гладкую поверхность вилок. Наконец я отваживаюсь задать вопрос:

— Лайджванти, когда ты успеваешь наводить всю эту чистоту? У тебя, наверно, своя горничная?

— Ой, не шути, — отмахивается польщенная хозяйка комнаты. — Горничная! У простой-то служанки? Ну нет, я сама поддерживаю порядок. Это у меня с детства. Терпеть не могу неопрятность. Прямо руки чешутся, если замечу на полу пятнышко, или крошку еды на столе, или морщинку на покрывале. Мама всегда говорила: «Наша Лайджванти даже листик на дереве поправит, чтобы ровно висел». Вот почему Рани-сахибя так ценит мои заботы, Своими ушами слышала, как она сказала на днях жене комиссара: дескать, Лайджванти — самая идеальная горничная на свете, и она со мной ни за что не расстанется!

Лицо служанки озаряет гордая улыбка.

— Пожалуй, ты действительно убираешься лучше всех, — задумчиво говорю я. — Только никогда не входи в мою комнату, а то тебе станет плохо.

Шанкар согласен, что наша Лайджванти лучше всех.

— Ч Пифпи Пдцймгдрщю, — подтверждает он, довольно растянув рот до ушей.

Сегодня мои последние слушатели — группа богатых студентов из Дели. Шумные, молодые, в импортных очках от солнца и модельных джинсах, они отпускают дурацкие замечания по поводу Тадж-Махала, беспрестанно поддразнивают друг друга и перебрасываются пошлыми шуточками. Зато под конец экскурсии не только платят положенную сумму, но и дают солидные чаевые. А потом зовут присоединиться к их вечернему загулу, прокатиться на мини-фургоне с водителем. «Соглашайся, Раджу, мы тебе покажем, что такое веселая жизнь!» — упрашивают они. Конечно, я из вежливости отнекиваюсь. Парни настаивают. После щедрого бакшиша^[101] неудобно отказываться. Была не была! И я запрыгиваю в машину.

Первым делом едем в отель «Палас». Первый раз в жизни моя нога переступает порог пятизвездочной гостиницы. Кондиционеры навевают приятную прохладу. Присаживаюсь в ресторане, оглядываюсь вокруг. Мягко мерцают свечи в канделябрах, льется негромкая инструментальная музыка. Официанты в ливреях обслуживают хорошо одетых посетителей, излучающих влияние и благополучие. Мужчины переговариваются доверительно

приглушенными голосами, дамы напоминают изящных кукол. От запаха еды во рту сбегается голодная слюна. Один из парней протягивает меню:

— Не стесняйся, Раджу. Бери все, что захочется.

Взглянув на цены, можно сразу подавиться. Тарелка «курицы в масле»^[102] — шесть сотен! В придорожной палатке неподалеку от флигеля такая же порция стоит пятьдесят пять рупий. И тут я понимаю: здесь платят не столько за пищу, сколько за обстановку. Мои товарищи заказывают чуть ли не все меню и пару бутылок шотландского виски.

От этой невообразимой роскоши мне вдруг становится не по себе. В Мумбаи, когда мы с Салимом без приглашения пробирались на свадьбу, чтобы набить себе животы, никогда не завидовали богачам. Однако при виде того, как молодые люди сорят деньгами, точно бумагой, меня охватывает совершенно незнакомое прежде чувство ущемленности. Вспоминаю собственную непутевую жизнь, и явный контраст действует хуже любой пощечины. Чему же удивляться: недавний голод съезживается и умирает, и горы соблазнительной еды на столе не помогают его воскресить. Я чувствую, что изменился. Интересно, каково это — не иметь даже прихотей, потому что любая из них мгновенно покупается за большие деньги, не успев разгореться в сердце? Понравилась бы мне такая жизнь, начисто лишенная хотения? А может быть, подобная нищета желаний страшнее подлинной нищеты?.. Вопросы назойливо вертятся в голове — и не встречают ясных ответов.

Вдоволь наевшись и напившись виски, студенты снова тащат меня к фургончику.

— А теперь куда? — любопытую я.

— Увидишь! — хохочут они.

Водитель расторопно лавирует по узким улочкам и переполненным базарам, направляясь к окраинам Агры. Наконец он высаживает нас возле Национальной магистрали, у странного поселка с названием «Базай Мохалла». Щит на въезде гласит: «Вы посещаете зону красных фонарей на собственный страх и риск. Не забывайте пользоваться презервативами. Предотвращая СПИД, вы спасаете жизни». Насчет фонарей не все понятно. Насколько я вижу, окна домов горят обычным желтоватым светом. Вдоль дороги припаркована по

меньшей мере дюжина грузовиков. По улицам шныряют босые дети, но их матерей что-то не видно. Вечерний воздух пронизывают слабые отзвуки мелодий и колокольчиков, которые привязывают к лодыжкам танцовщиц. В дали, облитой лунным сиянием, мерцают беломраморный купол и минареты Тадж-Махала. Величественное зрелище окутывает неким золотистым налетом даже эти пропыленные и грязные лачуги в один-два этажа.

Выпрыгнув из фургона, студенты направляются в сторону домов и тащат меня за собой. Оказывается, поселение кишит народом. У дверей высятся мужчины жутковатой внешности в курта-паджама, лениво пережевывая листья бетеля. На ступенях сидят девушки разных возрастов, одетые в белье, блузы и увесистые украшения, с ярко размалеванными лицами. Некоторые зазывно смотрят на нас и делают неприличные жесты. Теперь до меня доходит, что такое зона красных фонарей. Это район, где работают проститутки. Вообще-то я слышал о Фолклендской дороге в Мумбаи, а также о «Джи Би-роуд» в столице, но никогда не навещался в такие места.

Предварительно убедившись, что я не сбежал, парни заходят в крупный двухэтажный дом, чуть менее обшарпанный, чем остальные. Мы оказываемся посреди фойе, откуда ведут к прилегающим комнаткам узкие коридоры.

Навстречу выходит молодой мужчина с поцарапанным лицом и бегаящими глазками.

— Добро пожаловать, джентльмены, вы попали точно по адресу. Здесь у нас самые юные и красивые девушки в Агре. — сообщает он.

Студенты отводят его в сторонку, чтобы обсудить расценки. Пачка банкнотов переходит из рук в руки.

— Мы за тебя заплатили, так что иди наслаждайся за наш счет, — говорят мои товарищи, прежде чем разойтись по комнатам.

Я нерешительно стою в одиночестве. Вскоре появляется старая женщина, беспрерывно жующая паан, берет меня за руку и ведет вверх по лестнице. Перед зеленой деревянной дверью спутница останавливается, велит мне войти, а сама устало бредет вниз.

Может, лучше вернуться к фургону? Даже не знаю, как поступить. С одной стороны, хочется убежать, и немедленно. С другой стороны, меня так и тянет, буквально разжигает заглянуть вовнутрь. Во всех голливудских картинах шлюха — это славная девушка с золотым

сердцем, которую принуждают заниматься позорным ремеслом против ее воли. В конце фильма проститутка обычно сводит счеты с жизнью, приняв какой-нибудь яд. Возможно, судьба не зря привела меня в подобное место. Что, если героиня ждет меня прямо за дверью? И только я могу стать ее избавителем? И даже изменить концовку, не дав ей выпить отраву?

Толкаю зеленую створку и захожу.

Комната очень маленькая. Посередине стоит кровать. Впрочем, обстановка меня уже не интересует. Ведь я во все глаза смотрю на смуглую и прекрасную девушку, что сидит на постели в ослепительно-розовом сари. Пленительные очи подведены сурьмой, роскошные губы густо накрашены, в длинные черные волосы вплетены благоухающие белоснежные цветы. Шею и руки красавицы сплошь покрывают блестящие драгоценности.

— Ну, здравствуй, — произносит она. — Подойди, присядь со мной рядом.

Каждое слово звучит, как нежная нота пианино. Шаги даются с трудом.

— Не бойся, я не кусаюсь. — Девушка улыбается, уловив мое смущение.

Сажусь. Простыня, кстати, довольно грязная, вся в непонятных разводах и пятнах.

— Ты новенький, — говорит она. — Как зовут?

— Рама Мохаммед То... ой, прости. Раджу Шарма, — вовремя поправляюсь я.

— Ты, кажется, забыл свое имя?

— Да нет, ничего подобного. А тебя как зовут?

— Нита.

— А дальше?

— Что дальше?

— Если есть имя, должна же быть и фамилия, так?

Красотка хихикает.

— Здесь тебе не брачное агентство, сахиб. Нам это не нужно. Шлюхи — как домашние животные, нам хватает и кличек. Нита, Рита, Аша, Чампа, Меена, Леена... Выбирай, что хочешь, — изрекает она будничным тоном, без намека на сожаление или обиду.

— О, так ты проститутка?

Девушка, вновь смеется.

— Чудак человек, в борделе других не бывает. Ты же не ожидал найти здесь мать или сестер!

— Сколько тебе лет?

— Вот это вопрос посерьезнее. Семнадцать. И не говори, что хотел кого-нибудь помоложе.

— Мне тоже семнадцать. Скажи, долго ты на этой работе?

— Какая разница? Тебе нужно знать лишь одно: девственница я или нет. Так вот, я не девственница. Иначе обошлась бы тебе в четыре раза дороже. Однако попробуй и ты убедишься: так даже лучше. Поверь, я никого не разочаровываю.

— А ты не боишься подхватить какую-нибудь болезнь? У вас даже при въезде предупреждают о СПИДе.

Прелестница раздражается пустым, неискренним смехом.

— Послушай, это ведь не увлечение, а профессия. Главное, чтобы зарплаты хватало на еду для меня и родных. Если бы не моя работа, семья уже протянула бы ноги. Конечно, проститутки знают о СПИДе. Но мы идем на этот риск. Лучше заразиться завтра, чем умереть от голода сегодня, разве нет? Ну так что, болтать будем или дело делать? Потом не обижайся, когда время истечет и Шьям пришлет очередного клиента. На меня тут большой спрос.

— Кто такой Шьям?

— Сутенер. Ты заплатил ему деньги, Ладно, я раздеваюсь.

— Нет. Погоди. Можно еще кое-что спросить?

— Ара, ты трахаться пришел или зубы заговаривать? Знаешь, на кого ты похож? На того белого журналиста, который явился сюда с диктофоном и камерой. Я, дескать, не для этого пришел, а репортаж сочинять!.. Ничего, как только я распахнула чоли,^[103] парень быстренько забыл о своих интервью. На диктофон записались лишь охи да вздохи. Вот так-то. Проверим, окажешься ли ты покрепче...

Тут она быстрым движением срывает блузку, под которой даже нет лифчика. Бойкие груди выступают вперед, словно два коричневых купола Тадж-Махала. Они безупречно гладкие и круглые, а выпуклые соски напоминают пару изящных башенок. У меня пересыхает во рту. Дыхание учащается. Сердце колотится о ребра, готовое выскочить наружу. Ее ладонь скользит по моему животу, опускается ниже, нащупывает нечто твердое.

— Все вы одинаковые, — усмехается девушка. — Как увидите женские сиськи — вся мораль к черту. Давай же.

Она притягивает меня к себе — и в себя. Вот он, миг чистейшего, иступленного восторга! Тело содрогается, будто бы от электричества, которое приносит не боль, а возбуждение, и я трепещу от наслаждения.

Позже, когда мы лежим бок о бок под скрипучим потолочным вентилятором (на замаранной простыне появилось теперь и мое пятно), я нюхаю ароматные цветы в ее смоляных волосах и неуклюже целую красавицу.

— Почему же не сказал, что это твой первый раз? — говорит она. — Я вела бы себя понежнее. Ну ладно, тебе пора.

Девушка резко встает и начинает собирать свои вещи.

Нежданная грубость причиняет мне боль. Пять минут назад я был ее любовником — и вдруг стал обычным клиентом, чье время истекло. И в самом деле, что-то ушло безвозвратно. Чары рассеялись, пелена желания спала с глаз. Теперь я вижу комнату в истинном свете. Допотопный кассетник, подключенный к розетке при помощи безобразного черного провода. Заплесневелые стены, с которых облетает краска. Драная, полинявшая красная занавеска на окне. Пятна и разводы на простыне, рваный матрас. Тело слегка чешется — должно быть, из-за клещей, наводнивших постель. Ноздри чуют запах разложения и гнили. Все вокруг несвежее, грязное. Внезапно я ощущаю себя таким же запачканным. Поднимаюсь и торопливо собираю одежду.

— Как насчет чаевых? — бросает девушка, надевая блузку.

Вынимаю из бумажника пятьдесят рупий. Красавица благодарно кивает и прячет деньги.

— Ну что, понравилось? Еще придешь?

Молча хлопаю дверь.

Уже потом, возвращаясь на мини-фургоне в город, я размышляю над ее прощальными словами. Понравилось ли мне? Да. Приду ли еще? Непременно. Сердце терзает незнакомая прежде тоска, и голова кружится. Может, это любовь? Не знаю. Первый раз в жизни я занялся сексом. И угодил на крючок.

В Агре вспыхивает эпидемия водобоязни. Дети умирают от укусов бешеных дворняг. Служба здравоохранения призывает местных жителей проявлять бдительность.

— Будь осторожен, когда гуляешь по улице, — говорю я Шанкару. — К собакам близко не подходи. Хорошо?

Мальчик послушно кивает.

Сегодня очередь Бихари. Сапожник — единственный, кто еще не занимал у меня денег.

— Раджу, мой сынок Нанхей очень болен. Доктор Аггарвал из частной клиники требует срочно купить лекарства, а это ужасно дорого. Я тут наскреб четыре сотни, все равно не хватает. Не согласишься немного? Умоляю.

И я даю Бихари двести рупий, прекрасно зная, что никогда не получу их назад.

Сапожник так и не успевает набрать нужную сумму. Два дня спустя шестилетний Нанхей умирает в больнице.

Вечером Бихари возвращается во флигель, неся на руках безжизненное тельце, завернутое в белый саван. Мужчина пьян и шатается из стороны в сторону. Опустив мертвого ребенка на камни у водокачки, он зовет нас выйти из комнат, после чего разражается речью, полной неистовых проклятий. Вроде бы никого лично не обвиняет — и в то же время кроет всех сразу. Богатеев, которые жиреют в роскошных дворцах, нимало не заботясь о тех, кто им служит. Зажравшихся врачей, которые обдирают больных. Правительство — за то, что его благие обещания имеют силу только на бумаге. Всех нас — за то, что молча стоим и смотрим. Ропщет на Бога, создавшего жестокий мир, и на сам этот мир. Костерит и Тадж-Махал, и Шах-Джахана. Даже простая лампочка, однажды ударившая мальчика током, и водонапорная колонка не избегают отцовского гнева.

— Мерзкая, тупая железяка! Когда нужно, из тебя не выжмешь и пары капель, а как, только дело коснулось моего сына, ты позволяешь ему резвиться под холодной водой два часа кряду и заболеть пневмонией! Чтоб тебя с корнем выдрали, чтоб тебе гнить в аду! — кричит он, пиная колонку.

Около получаса мужчина беснуется и причитает, потом валится на землю и долго рыдает, обнимая мертвого сына. Пока не пересохнут

источники слез, пока не сядет голос.

Вернувшись к себе, я лежу на кровати, размышляя о том, как сурова жизнь. Перед глазами шалит и плещется маленький Нанхей. Хочется плакать, но не получается. Я слишком часто видел трупы. Натягиваю свеженькую белую простыню на голову и засыпаю. Во сне я вижу Тадж-Махал необычного коричневого оттенка. С двумя куполами изысканной формы.

Через неделю я снова иду к Ните. На этот раз приходится платить сутенеру по полной программе. Триста рупий. Мы с девушкой занимаемся любовью на грязной постели. Речи красавицы звучат ненамного чище.

— Нравится тебе работать проституткой? — интересуюсь я после близости.

— А что такого? Подумаешь. Нормальная работа, не хуже прочих.

— Да, но тебе она по душе?

— Конечно. Люблю спать с незнакомцами вроде тебя. На зарплату можно содержать семью. И каждую пятницу ходить в кино. Чего еще желать обычной девчонке?

Смотрю в ее газельи глаза и понимаю: лжет. Играет словно актриса. Только вот наград, как Неелиме Кумари, за эту роль не полагается.

Чем большей тайной кажется Нита, тем отчаяннее мне хочется разгадать ее. Девушка пробуждает в моем сердце голод, подобного которому я никогда не испытывал. Пусть я вошел в это красивое тело, теперь я мечтаю овладеть ее душой. И мы начинаем встречаться по понедельникам, когда Тадж-Махал закрыт. Через четыре или пять свиданий мне все-таки удастся пробить непроницаемую стену ее защиты.

Нита рассказывает о своих родственниках. Отец и мать живы, есть еще брат и сестра, которая счастливо вышла замуж. В ее общине принято сдавать одну из дочерей из каждой семьи в публичный дом. Таких называют «бедни». Они должны кормить родных, в то время как мужчины дуют спиртное и режутся в карты.

— Рождение девочки у нас отмечают как праздник. Мальчишки — лишняя обуза. Бедни из моего села, торгующих телом за деньги,

можно встретить во всех борделях, гостиницах, на стоянках грузовиков и в придорожных ресторанах.

— Но почему выбор пал на тебя? Родители могли бы отдать твою сестру.

Нита неискренне смеется.

— Потому что миловидное личико — это горе. Мама сама решала, кому из нас выйти замуж, а кому отправиться в проститутки. Будь я пострашнее, не работала бы сейчас бедни. Отучилась бы в школе, завела бы семью, рожала бы детей. А вместо этого торчу в доме терпимости. Вот она, плата за красоту. Так что не называй меня красивой.

— И давно ты этим занимаешься?

— С тех пор, как созрела. Стоит окончиться церемонии натхни утерна, когда вынимают кольцо из носа, и ритуалу сар дхаквана, когда покрывают голову, и все считают тебя женщиной. В общем, на двенадцатый день рождения мою девственность продали с молотка и запихнули меня в этот бордель.

— Но ведь если ты пожелаешь, то сможешь оставить свое ремесло и выйти замуж, правда?

Девушка разводит руками:

— Кому нужна проститутка? Наше дело — вкалывать, пока не рассыплемся или, скорее, не умрем от какой-нибудь заразы.

— А я уверен, что кто-нибудь обязательно женится на тебе. Ты еще найдешь своего принца... — У меня в глазах блещут слезы.

В тот вечер Нита отказывается от чаевых.

Позже я вспоминаю наш разговор и удивляюсь: зачем нужно было врать? Мне вовсе не хочется, чтобы она повстречала другого принца. Сам не заметил, как влюбился по уши.

До сих пор мои понятия о любви полностью основывались на болливудских фильмах: взгляды героя и героини встречаются — и готово. Происходит необъяснимая химическая реакция, сердца страстно бьются, голосовые связки сами собой начинают чесаться, и в следующем кадре парочка уже распевает нежную песню посреди швейцарской деревушки, ну, или американских торговых пассажей. Увидев юную попутчицу в голубом салвар камеез, я думал, будто

испытал такую слепящую вспышку. Однако настоящая любовь настигла меня только этой зимой, на окраине Агры.

И вновь оказалось, что жизнь экранная и жизнь реальная — разные вещи. Любовь не обрушивается на вас в одно мгновение. Она исподволь заползает в сердце и опрокидывает все ваше существование вверх дном. Она расцветивает яркими красками каждую минуту обычного дня и наполняет собою ночные грезы. И вот вы уже летаете по воздуху, а все вокруг сияет и переливается бриллиантовой россыпью. Да, но та же любовь приносит сладкие терзания, становится ласковым палачом. Отныне вся моя жизнь состояла из торопливых пылких свиданий с Нитой и тоски без нее. Красавица преследовала меня в самых неподходящих местах и в самые неподходящие минуты. Я видел ее прелестное лицо, читая лекцию какому-нибудь осунувшемуся восьмидесятилетнему туристу. Слышал аромат ее волос, опускаясь на сиденье унитаза. Покрывался гусиной кожей у овощного прилавка с картошкой и томатами, стоило вспомнить жаркую минуту нашей близости. В глубине души я твердо знал: она моя принцесса. И самым жгучим желанием стало жениться на этой девушке. Только согласится ли она? Вот что тревожило меня сильнее всего на свете.

К нашему флигелю подъезжает джип с красной мигалкой. Из него выбираются инспектор и два констебля. Смотрю — и сердце уходит в пятки. Внизу живота все леденеет. Преступления, совершенные в прошлом, наконец настигли меня. Как несправедлива жизнь! Каждый раз, когда я надеюсь оказаться на седьмом небе, судьба выдергивает коврик из-под ног. Нашел настоящую любовь — отправляйся в тюрьму и сиди там, в одиночной камере, точно император Шах-Джахан, тоскуя по собственной Мумтаз-Махал, которую зовут Нита.

Инспектор берет из машины громкоговоритель, собираясь что-то объявить. Я ожидаю слов: «Рама Мохаммед Томас, выходите на улицу с поднятыми руками!» А вместо этого звучит:

— Просим всех обитателей флигеля выйти на улицу. Ограблен городской банк, и у нас есть сведения, что вор находится здесь. Я должен обыскать жилые помещения.

Прямо гора с плеч упала. От счастья мне хочется броситься на инспектора и обнять его.

Констебли поочередно обходят комнаты, проводят повальный обыск. Наведываются и ко мне. Интересуются именем, возрастом, родом занятий, не рыскают ли в округе подозрительные личности. Я, разумеется, не сообщаю о своей нелегальной работе экскурсоводом. Говорю, что учусь в университете и лишь недавно сюда переехал. Это их удовлетворяет. Констебли заглядывают под кровать, суют нос на кухню, открывают горшки с кастрюлями, перетряхивают матрас и отправляются дальше. Начальник следует за ними.

Наступает черед Шанкара.

— Ну, как тебя зовут? — рявкает инспектор.

— Ыкрч Нсгбщ Юдродв, — немного смутившись, отвечает мальчик.

— Чего? А ну, повтори!

— Юдродв.

— Грязный ублюдок, шутить надо мной удумал? — злится начальник, заноса дубинку для удара.

Я тороплюсь вмешаться:

— Инспектор, Шанкар очень болен. У него проблемы с речью.

— Мог бы сразу предупредить... — цедит главный и обращается к своим констеблям: — Пошли дальше. От этого лунатика все равно ничего не добьешься.

За три часа полицейские успевают обыскать тридцать комнат. В конце концов им удается раскопать тайник с деньгами. Где бы вы думали? В жилище Найджми, поэта-бородача. И ведь еще прикидывался, будто пишет песни для Болливуда! Мы в изумлении. Оказывается, в свободное время он подрабатывал грабителем банков. Как же обманчива бывает внешность! А впрочем, не мне возмущаться. Разузнай соседи про мое пестрое прошлое, тоже пришли бы в ужас!

Лайджванти заходит в гости, приносит рассыпчатые свежие ладу^[104] из храма Дурги. Служанка очень взволнована.

— Ара, по какому случаю эти сладости? Тебе повысили зарплату? — любопытствую я.

— О, это самый счастливый день моей жизни. С милостивого благословения богини Дурги, помощник окружного чиновника наконец согласился взять Лакшми в жены. Теперь сестра будет жить,

словно королева. Я закачу ей такую свадьбу, каких еще никто не видел..

— А что с приданым? Разве родня жениха не потребовала денег?

— Нет, ровным счетом ничего. Это очень порядочная семья. Наличные их не интересуют. Разве что несколько пустячков для хозяйства.

— Например?

— Сущие пустяки. Мотороллер «Баджадж», миксер «Сумит», пять костюмов «Раймонд»^[105] и немножко золотых украшений. Я и так намеревалась подарить это все Лакшми.

У меня встают дыбом волосы.

— Лайджванти, это же стоит бешеных денег — не меньше лакха! Где ты раздобудешь средства?

— Вообще-то я давно копила на свадьбу сестры. Отложила за это время пятьдесят тысяч рупий. Остальное попрошу взаймы у Рани-сахиба.

— Ты уверена, что мадам согласится?

— Конечно. Я же лучшая горничная в мире.

— Ну, тогда желаю удачи.

Мы с Нитой по-прежнему встречаемся, но обстановка в борделе угнетает меня. И еще гадко платить этому сутенеру Шьяму с бегающими глазками. Поэтому девушка предлагает видеться где-нибудь еще. По пятницам она ходит в кино; теперь мы бываем там вместе. Красавица любит поп-корн; я покупаю самый большой пакет, и мы садимся на заднем ряду темного замызганного «Акаш токиз». Нита угощается воздушной кукурузой и беззвучно хихикает, когда моя рука забирается под муслиновое платье пощупать мягкие груди. Под конец я выхожу из кинотеатра весь красный, будто вареный рак, даже не зная, какую картину смотрел — семейную драму, комедию или триллер. Потому что не мог оторвать глаз от спутницы. Надеюсь, наша история медленно, но верно вырастет в эпический роман.

Шанкар приходит ко мне в слезах.

— Что случилось? — пугаюсь я. Мальчик показывает на ободранное колено.

— Как же ты поранился, дружище? Споткнулся, что ли? Сосед отрицательно качает головой:

— Ыкрч Бобшупд Шсфдод.

Ну почему Шанкар не может говорить разумно?

— Извини, я ничего не понимаю. Давай-ка сходим на улицу, и ты представишь, как было дело.

Мальчик выводит меня во двор и тычет пальцем в ту сторону, где мощеный дворик на углу смыкается с главной дорогой. Там есть невысокий парапет, откуда любят прыгать ребятишки.

— Гуйуюэ Гср Щб Шсфдоб? Срл Бобшупд Ыкрч Шийд, — произносит Шанкар и трет коленку.

Ага, теперь ясно. Мальчик разыгрался, неудачно прыгнул с тротуара и поцарапался.

— Идем. Помнится, у Лайджванти была хорошая аптечка. Сейчас перевяжем, и все заживет.

Я так и не замечаю шелудивого бродячего пса с черными пятнами, который тяжело пыхтит под самым парапетом; а с белых, острых клыков собаки на мостовую капает слюна.

Наступил новый год — и, как всегда, принес новые мечты и надежды. Нам с Нитой исполнилось по восемнадцать. В этом возрасте закон уже позволяет вступать в брак. Я впервые начинаю задумываться о будущем: может, оно и впрямь у меня будет? Конечно, рядом с этой прекрасной девушкой. Пожалуй, не стоит больше раздавать свою вырубку направо и налево. Самому пригодится.

Сегодня пятница, и к тому же ночью выйдет полная луна. Очень редкое сочетание. Я убеждаю Ниту не ходить в кино, а вместо этого веду ее в Тадж-Махал. Вечером мы присаживаемся на мраморный пьедестал и ждем, когда же из-за струй фонтанов и зубчатой стены темно-зеленых кипарисов покажется царственное светило. И вот по правую руку от нас легко серебрятся верхушки деревьев; луна осторожно пробирается сквозь путаницу листьев и низких построек, а потом величавым шагом восходит на небо. Завеса ночи сорвана, и Тадж-Махал предстает во всей красе. Мы с Нитой замираем от восторга. Что это — райское видение? Серебряный призрак, восставший из вод реки Джамны? Мы радостно хлопаем в ладоши,

забыв о толпах других туристов, заплативших по пятьдесят рупий за привилегию наблюдать восьмое чудо света при полной луне.

Медленно перевожу взор с Тадж-Махала на свою спутницу — и неземная красота великолепной усыпальницы бледнеет по сравнению с безупречной прелестью нежного лица. Из глаз бегут слезы любви, копившейся в моем сердце долгих восемнадцать лет и вдруг прорвавшейся на свободу подобно бурной реке, что разрушила плотину.

Ради этой минуты только и стоило жить. Не сказать, чтобы я не успел к ней подготовиться. Прежде чем загреметь за решетку, бородатый Наджми подарил мне томик поэзии на урду, и в памяти осталось несколько романтических стихотворений. В припадке вдохновения грабитель банков даже сложил мне в помощь особый газаль [\[106\]](#) в честь Ниты.

Твоя краса — как эликсир,
Который сироте жизнь подарил,
Умру и буду плакать из могилы,
Когда женою ты не станешь моей милой.

Ну и конечно, в голове накопилось немало бессмертных диалогов из любовных историй, воспетых на киноленте. Но, сидя рядом с девушкой в лунных лучах у подножия Тадж-Махала, я начисто забываю о книгах и фильмах. Просто смотрю ей в глаза и спрашиваю:

— Ты меня любишь?

А девушка отвечает коротеньким:

— Да.

И это единственное слово наполнено смыслом, который не в силах передать ни поэтические тома, ни все путеводители по Агре, вместе взятые. Сердце подпрыгивает от радости. Любовь расправляет могучие крылья, отрывается от земной суеты и воспаряет к небесам подобно воздушному змею. Внезапно Тадж-Махал уже не выглядит безликой гробницей, но превращается в жилую обитель. А полная луна у нас над головами оборачивается персональным спутником, и мы купаемся в его лучах, упиваясь эксклюзивным раем.

Шанкар вбегает ко мне в комнату.

— Тсюпу Шосвкк. Пдцймгдрщу Тпдякщ, — объявляет он, указывая на дверь Лайджванти.

Служанка рыдает на постели. Жемчужные капли оставляют на покрывале темные пятна, столь неуместные посреди спартанской чистоты, царящей в комнате.

— Что с тобой, Лайджванти? — спрашиваю я. — Почему ты плачешь?

— Все из-за этой сучки!.. Свапна Деви отказалась дать мне взаймы. Как же теперь устроить Лакшми достойную свадьбу? — произносит она, заливаясь горькими слезами.

— Надо подумать. Во флигеле ни у кого не найдется таких денег. Может, попросить ссуду в банке?

— Да кто меня там послушает, простую горничную? Нет, остается лишь одно.

— Что? Расторгнуть помолвку?

Ее глаза полыхают гневом.

— Никогда! Уж лучше последовать примеру Наджми. Пойти на грабеж.

Я подскакиваю словно ужаленный.

— С ума сошла? Даже не думай, Лайджванти. Ты же видела, как его увозили!

— Просто наш бородач — никчемный дурак. А мой план самый надежный. Так и быть, могу поделиться, ты ведь мне словно брат. Только никому ни слова, даже Шанкару. Видишь ли, я узнала, где Свапна прячет все свои драгоценности. В спальне, на левой стене, висит огромная картина в раме. А за холстом — углубление со встроенным сейфом. Ключи хранятся под левым углом матраса. Однажды я незаметно подсмотрела, как мадам отпирает железный ящик. Там полным-полно денег и дорогих украшений. Бумажки я брать не буду, это она быстро заметит. А вот пропажу ожерелья — вряд ли. У нее их целая куча, поди разберись. Ну, что скажешь?

— Лайджванти, Лайджванти, погоди. Если я тебе правда как брат — послушай моего совета. Выкинь свою затею из головы. Поверь, у меня уже были стычки с законом, и добром это не кончается. Вместо того чтобы гулять на свадьбе, ты станешь пилить оконные решетки в тесной камере.

— Какие же вы, мужчины, слюнтяи! — презрительно морщится горничная. — Плевала я на твой совет. Сделаю то, что должна, и все тут.

В отчаянии я прибегаю к испытанному средству.

— Хорошо, Лайджванти. Не веришь мне? Ладно. Тогда поверь вот этой волшебной монетке. Она никогда не подводит. Давай узнаем, что она скажет. Если выпадет орел, ты отказываешься от своего плана. Решка — поступай как знаешь. Годится?

— Годится.

Кидаю денежку. Орел. Горничная вздыхает:

— Похоже, сама судьба против меня. Что же делать? Поеду в деревню. Староста — мой знакомый; может, он ссудит нужные деньги? А ты забудь о нашей беседе.

Три дня спустя служанка запирает комнату на замок, берет неделю выходных и уезжает.

— Хватит уже тебе работать проституткой, — говорю я Ните.

Девушка устало кивает:

— Радха не дожила и до двадцати лет. Я так не хочу. Забери меня отсюда, Раджу.

— Обязательно. Потолковать об этом со Шьямом?

— Да, без его согласия не обойтись.

Вечером я отвожу сутенера в сторонку.

— Послушай, Шьям, я влюбился в Ниту и хочу на ней жениться. Она больше не будет работать в публичном доме.

Мужчина смотрит на меня как на мелкое насекомое.

— Ага. Стало быть, это ты забиваешь ей голову всякой чепухой? Значит, так, щенок. Никто не имеет права отпустить девчонку из борделя, кроме меня. А я не собираюсь этого делать. Нита — гусыня, которая несет золотые яйца. Вот и пускай несет как можно дольше.

— Другими словами, ты никогда не позволишь ей выйти замуж?

— Позволю, но при одном условии. Жених должен будет возместить моему заведению все убытки.

— Сколько это?

— Ну, скажем... четыре лакха. Достанешь ты мне такие деньги? — Сутенер хохочет и прогоняет меня.

Вернувшись во флигель, я пересчитываю сбережения. Всего четыреста восемьдесят рупий. Не хватает каких-то трехсот девяноста девяти тысяч пятисот двадцати.

От злости мне хочется удавить мерзавца собственными руками.

— Шьям никогда не разрешит нам пожениться, делюсь я с Нитой на следующий день. — Единственный выход — бежать отсюда куда глаза глядят.

— Только не это! — пугается девушка. — Его громилы достанут нас хоть из-под земли. Чампа в прошлом году пыталась уехать с мужчиной. Когда их нашли, ему переломали ноги, а девушку морили голодом целых десять дней.

— Тогда мне придется убить Шьяма, — произношу я с мрачным блеском во взгляде.

— Не надо! — пылко восклицает Нита. — Обещай, что никогда этого не сделаешь.

— Почему? — изумляюсь я.

— Потому что он мой родной брат.

У флигеля останавливается джип с красной мигалкой. Во дворик высыпают констебли. Нам опять велят выйти из флигеля.

— Слушайте, бездельники! — объявляет новый инспектор. — Случилось нечто серьезное. Из дома Свапны Деви похищено алмазное ожерелье. У меня есть веские причины подозревать одного из вас, ублюдков. Так что либо вор чистосердечно во всем сознается, либо я сам его найду и выдеру как следует.

Страшная догадка мелькает у меня в голове. Лайджванти! Потом я вижу запертую дверь и с облегчением перевожу дух. Хорошо, что служанка не стала красть ожерелье. Думала, никто не заметит, а вот поди ж ты! Полиция примчалась во мгновение ока.

И снова нас допрашивают одного за другим. И опять повторяется сцена с Шанкаром.

— Имя? — бурчит инспектор.

— Юдродв, — отвечает мальчик.

— Что ты сказал?

— Ч Шодндп, Ыкрч Нсгбщ Юдродв.

— Издеваешься, недоносок?

Полицейский начинает заводиться, но я объясняю, в чем дело, и он отмахивается от моего соседа, как от мухи.

На этот раз констебли уезжают с пустыми руками. Без ожерелья и даже без подозреваемого.

Вечером в окрестностях Тадж-Махала умирает шелудивая собака с черными пятнами на шкуре, однако до этого никому нет дела.

Назавтра Лайджванти возвращается из деревни — и тут же попадает под арест. Потный констебль тащит ее из флигеля к джипу с красной мигалкой. Несчастная безутешно рыдает.

— Абдул, — в полной растерянности обращаюсь я к садовнику, — за что ее забирают? И почему Рани-сахиба не заступится? Ведь это же лучшая горничная на свете!

Мужчина усмехается:

— Мадам сама и сдала служанку полиции.

— Но почему?

— Потому что Лайджванти взяла из сейфа ожерелье с алмазами. Его нашли в ее доме, в деревне.

— Откуда Свапна Деви могла узнать? Горничной даже не было здесь, когда украшение пропало!

— Лайджванти оставила явные улики. Дело в том, что никуда она не уезжала. Заночевала в Агре и вечером незаметно прокралась в дом. Рани-сахиба как раз ушла на праздничный ужин, а перед этим, сидя на кровати, долго делала себе прическу, и несколько заколок и булавок остались разбросаны поверх атласного покрывала. Представь себе: ночью мадам возвращается и видит, что все они аккуратно сложены на туалетном столике. Свапну это сразу насторожило. А когда она проверила сейф и недосчиталась одного ожерелья, то мигом смекнула, кто именно побывал в комнате.

Я хлопаю себя по лбу. Выходит, наша Лайджванти осталась лучшей горничной до конца, даже решившись на преступление!

Пытаюсь уговорить хозяйку флигеля сменить гнев на милость. Но Свапна Деви неумолима:

— У меня здесь приличный дом, а не богадельня. Вечно вы, бедняки, пытаетесь жить не по средствам. Надо же, что надумала: пышную свадьбу ей захотелось! По одежке протягивай ножки, вот и не попадешь в беду.

В этот миг я действительно ее ненавижу. Хотя, возможно, она права. Лайджванти совершила роковую ошибку, попытавшись пересечь запретную черту, которая отделяет безбедное существование богачей от нашей убогой жизни. Не стоит мечтать «на широкую ногу». Чем выше вознесут тебя грезы, тем больше падать. Поэтому лично я ограничиваюсь очень скромными, легковыполнимыми желаниями. Например, хочу жениться на проститутке, заплатив ее сутенеру каких-то четыре лакха.

Не успеваю опомниться после ареста Лайджванти, как судьба наносит новый ужасный удар.

Шанкар заходит ко мне и падает на кровать. Вид у него усталый. Мальчик сетует на ломоту в руках и коленях.

— Ч Ндфспкп, — жалуется он.

Трогаю лоб: у соседа температура.

— Ты простыл, Шанкар. Иди к себе, отдохни, а я схожу за лекарством.

Мой друг печально встает и на цыпочках отправляется к себе. Какой-то он сегодня взвинченный, беспокойный.

Немного погодя мальчик принимает из моих рук обезболивающее, однако его состояние продолжает ухудшаться. На следующий день Шанкару становится совсем плохо. Он уже не может шевельнуть ладонью и кричит от боли, стоит зажечь свет. С огромным трудом измерив соседу температуру, остолбенело смотрю на градусник. Тридцать девять и четыре. Нужно звать врача, и немедленно!

Доктор из бесплатного диспансера наотрез отказывается идти со мной, так что приходится обращаться в частную клинику. За восемьдесят рупий терапевт навещает Шанкара и после осмотра спрашивает, не замечал ли я у друга в последнее время каких-нибудь ран или царапин. Вспоминаю злосчастное ободранное колено. Доктор качает головой и объявляет диагноз. Мальчик подхватил бешенство — скорее всего заразился от бродячей собаки. Необходимо было сразу же сделать ему инъекции человеческой диплоидной вакцины, а также иммунного глобулина. А теперь поздно. Состояние слишком серьезное. Вскоре сосед почувствует отвращение к воде. Начнет вести себя возбужденно, видеть галлюцинации. Потом будут судороги, буйные припадки. Голосовые связки парализует, и он окончательно

перестанет говорить. Под конец Шанкара ждет кома и остановка дыхания. Иными словами, смерть. И все это в течение двух суток.

Врач выкладывает ужасные подробности в обычной бесстрастной манере. Я совершенно раздавлен горем. Даже при мысли о том, что мальчика не станет, на глаза наворачиваются крупные слезы.

— Доктор, неужели ничего нельзя сделать? — принимаюсь умолять я.

— Вообще-то, — мнется он, — месяц назад так оно и было. Сейчас американцы прислали какую-то новую, экспериментальную вакцину. Она продается только в аптеках «Гупта фармаси»...

— Я знаю одну такую.

— ... Но вряд ли тебе это по карману.

У меня падает сердце.

— Что, очень дорого?

— Примерно четыре лакха.

Забавно. Излечение Шанкара стоит столько же, сколько требует Шьям за свободу Ниты. А у меня в кармане целых четыреста рупий. Трать куда хочешь!

Не знаю, где достать такие деньги. Но не бросать же мальчика одного, и я решаю забрать его к себе. Поднимаю приятеля на руки. Он почти мой ровесник — а легкий как перышко. Руки и ноги безжизненно свисают по сторонам. Будто не человека несусь — тряпичную куклу. Положив Шанкара на кровать, устраиваюсь на каменном полу. Пора отплатить за доброту, которой он встретил меня два года тому назад — а кажется, что двадцать.

Ночью мой друг мечется. Мне тоже приходится нелегко. Стоит чуть-чуть задремать, как разум терзают кошмары о бешеных псах и беспомощных младенцах, не умеющих разговаривать по-человечески. Внезапно комнату оглашают крики:

— Мама! Мамочка!

Просыпаюсь. Шанкар мирно дремлет. Потирая усталые глаза, думаю: а не поменялись ли мы, случаем, еще и снами?

Назавтра мальчик остается в постели, продолжая чахнуть на глазах. Я знаю, он обречен, и все-таки по-прежнему притворяюсь перед собой, будто у него заурядный грипп. Сердце разбивается, как только представлю, что больше не увижу этого кроткого ласкового лица. Даже бессмысленные наборы звуков, слетевшие с его губ,

обретают силу глубокомысленных высказываний, достойных навсегда запечатлеться в памяти.

Наступает вечер. Руки Шанкара то и дело сводит судорога. Он почти не пьет и съедает всего лишь одну чапатти с чечевицей, а ведь это его любимое блюдо. Лицо пылает жаром. Измеряю температуру. Оказывается, она подскочила до сорока с половиной градусов.

— Ч Рк Есяб Быувдщэ, Вдймб, — произносит мальчик и плачет.

Я утешаю друга как могу. Только вот нелегко делиться с кем-то силой, когда ты сам опустошен до предела.

Ночью мучительный сон то и дело прерывается, потом наваливается вновь. Меня терзают призраки прошлого. Около двух часов пополуночи Шанкар издает какой-то неясный, тяжелый стон. С трудом понимая, что происходит, я поднимаюсь и смотрю на спящего мальчика. Глаза его закрыты, но губы шевелятся. Напрягаю слух... И чуть не падаю в обморок. Готов поклясться, что друг произносит: «Пожалуйста, не бей меня, мамочка!»

— Шанкар! Шанкар! — тормошу я его. — Ты что-то сказал, дружище?

Однако несчастный уже не слышит. Он затерялся где-то в собственном мире и бредит, вращая глазами. Грудь мальчика содрогается, изо рта выступает черная слизь.

— Почему ты прогнала меня, мамочка? — лепечет Шанкар. — Прости, я должен был постучаться. Но я же не знал, что вы тут с дядей. Я люблю тебя, мамочка. Я все время тебя рисую. Посмотри в мою синюю тетрадку, там очень много портретов. Твоих портретов. Я люблю тебя, мамочка. Я очень тебя люблю. Не бей меня, пожалуйста. Обещаю, что я никому не скажу, мама, родная, мамочка...

Голос его звучит, как у шестилетнего ребенка. Мой друг вернулся в давно утерянное прошлое. В те дни, когда у него была мать. Когда его жизнь и речи были наполнены смыслом. Непонятно: почему он вдруг так чисто и внятно заговорил, если доктор, наоборот, обещал молчание? Впрочем, я не желаю знать ответа. Увидел чудо — не задавай вопросов.

Шанкар затихает и больше не произносит ни слова. Поутру он снова просыпается шестнадцатилетним подростком, способным лишь бессвязно бормотать. Но я не забыл о загадочной «синей тетрадке». Перерыв комнату друга, нахожу то, что искал, под его матрасом. На

каждом листе тонким карандашом нарисована женщина. Очень красивые портреты, почти как живые. Но я каменею совсем не от восхищения перед искусством художника. Дело в том, кого изображают портреты. А это не кто иная, как Свапна Деви.

— Теперь мне известно, что ты все время скрывал от нас, — говорю я Шанкару, показывая синюю тетрадку. — Хозяйка флигеля и дворца — твоя мать.

Его зрачки расширяются от испуга. Мальчик пытается вырвать у меня заветные листы.

— Гквру Ыси Щкщвдйоб!

— Я знаю, что это правда, Шанкар. Полагаю, ты раскрыл ее грязный секрет, и за это был изгнан из родного дома. Тогда-то, наверно, и разучился говорить, как обычные дети. Должно быть, все эти годы Свапну мучил невероятный стыд, только поэтому она платила за твою комнату и подбрасывала денег на еду. Но сейчас я навещу твою мамочку и потребую купить вакцину.

— Ркщ, Ркщ, Ркщ, Тсмдпбщщд, Рк Есйу О Ыскц Ыдысяок! — плачет он.

Однако я решительно отправляюсь во дворец. Настала пора побеседовать с мадам начистоту.

Поначалу Рани-сахиба отказывается принять меня: дескать, она встречается с жильцами исключительно по записи. Два часа я сижу на пороге, и наконец хозяйка флигеля сдается.

— Ну и зачем ты потревожил меня? — надменно спрашивает она.

Бросаю ей прямо в лицо:

— Я раскрыл вашу тайну, Свапна Деви. Оказывается, Шанкар — ваш сын.

Холодная королева на миг теряет маску. Я вижу, как она побледнела. Но в следующую секунду высокомерный взор уже готов заморозить меня презрением.

— Негодный мальчишка, да как ты смеешь заявляться с такими наглыми речами? Между мной и этим сиротой нет ничего общего. Стоило мне пригреть безродного, как ты записываешь его в наследники? Сейчас же убирайся, не то навсегда вылетишь на улицу.

— Я уйду. Но сначала дайте четыреста тысяч рупий. Шанкару нужно лечение. У него осложненная форма бешенства.

— С ума сошел? — визжит Рани-сахиба. — Даже не надейся получить от меня такие деньги!

— Но если не купить вакцину сегодня, он умрет от водобоязни через двадцать четыре часа.

— Делайте что хотите, мне все равно, — заносчиво бросает она. И добавляет самые жестокие слова, какие я только слышал: — Может, оно и к лучшему. Скорей бы отмучился. И не вздумай повторять перед кем-нибудь еще свои непристойные выдумки! — кричит она, захлопывая дверь.

Застываю на пороге. Меня душат слезы. Если моя мама отделалась от ребенка сразу после рождения, то бедного Шанкара вышвырнули из любимого дома в сознательном возрасте, а теперь родная мать не хочет и пальцем пошевелить ради его спасения.

Ох, как несладко возвращаться с пустыми руками. Жестокие слова Свапны Деви отдаются в ушах ударами кузнечного молота. Значит, она желает своему сыну умереть под забором, как бродячему псу? Никогда еще собственная бедность не возмущала меня так сильно. Хотел бы я объяснить той шелудивой собачонке, укусившей Шанкара, что прежде чем разевать пасть, нужно было выяснить: а сможет ли пострадавший позволить себе противоядие?

На другой день я совершаю нечто, чего не делал последние десять лет, — молюсь. Отправляюсь в храм богини Дурги, чтобы пожертвовать цветы за исцеление мальчика. Заглядываю в церковь Святого Иоанна и зажигаю тонкую свечу за Шанкара. Иду в мечеть Кали, где склоняю голову перед Аллахом и прошу помиловать своего друга. Но даже молитвы оказываются бессильными. Весь день мальчик мучается болью буквально в каждой части тела. И дышит все натужнее.

Спускается ночь. Темная и безлунная, хотя по нашему дворику этого не скажешь. Дворец Свапны Деви заливают сотни, тысячи огней; он весь пылает, как огромная свечка. Королева дает сегодня званый ужин. Приехал комиссар полиции, окружной судья и целая уйма бизнесменов, общественных деятелей, журналистов, писателей. Из окон доносятся приглушенная музыка и смех. Там звучно чокаются бокалы, гудят разговоры, звенят монеты. А здесь, у меня, царит зловещая тишина, которую нарушают лишь прерывистые вздохи товарища. Каждые полчаса его тело корчится в судорогах. Шанкара

терзают постоянные спазмы в горле, забитом густой тягучей слизью. Теперь его трясет даже при виде бокала с водой. Едва заметное колыхание воздуха приводит к таким же последствиям.

Из множества человеческих болезней гидрофобия, пожалуй, самая страшная. Источник жизни — вода — превращается в источник мучительной смерти. Даже больные раком часто не расстаются с надеждой. Заразившийся бешенством обречен и знает это. Каждый вздох приближает его к могиле.

Наблюдая за тем, как медленно угасает Шанкар, я не могу постичь всю глубину бессердечия матери, закатившей вечеринку в этот ужасный для единственного сына час. Хорошо, что я выбросил «кольт» в реку, иначе сегодня взвалил бы на свою совесть еще одно убийство.

А ночь продолжается, и мальчик все чаще бьется в припадках, кричит и пускает пену изо рта. Я понимаю: конец уже близок.

Шанкар умирает в двенадцать часов тридцать семь минут пополудни. Но перед тем как испустить дух, он переживает еще одно просветление. Мальчик берет меня за руку и произносит:

— Раджу... — Потом цепко сжимает свои рисунки, зовет: — Мама! Мамочка! — и навсегда закрывает глаза.

Агра стала городом смерти. На моей постели — безжизненное тело, в руках — синяя тетрадка. Бездумно листаю страницы, полные карандашных портретов самой жестокосердной женщины. Назвать ее матерью — значит оскорбить всех матерей в мире.

Не знаю, как теперь себя вести. Я мог бы визжать и выть, подобно Бихари. Проклинать небесных богов и земные стихии. Разбить в щепки дверь, поломать мебель, пинать фонарный столб. А потом свалиться и зарыдать в голос. Вот только слезы никак не хотят приходить. Внутри медленно закипает ярость. Я выдираю листы из блокнота и рву их на мелкие кусочки. После чего вдруг поднимаюсь, беру Шанкара на руки и трогаюсь в путь.

Охранники в униформе преграждают мне дорогу, однако при виде мертвого тела теряются и торопливо распахивают ворота. Прохожу по изогнутой дорожке, вдоль которой выстроились дорогие иномарки прибывших. Богато украшенная парадная дверь гостеприимно распахнута. Я следую по мраморному вестибюлю прямо в столовую,

где собираются подавать десерт. При моем появлении все разговоры тут же затихают.

Бережно опускаю Шанкара на праздничную скатерть, между сливочно-ванильным пирогом и чашей с расагулами.^[107] Официанты замирают безмолвными статуями. Солидно одетые бизнесмены нервно кашляют и передергиваются. Дамы хватаются за свои ожерелья. Окружной судья и комиссар полиции тревожно косятся на меня. Хозяйка дома, восседающая во главе стола, облаченная в шелковое сари с тяжелыми складками, увешанная золотом, готова подавиться от возмущения. Она разевает рот, но оттуда не вылетает ни звука. Должно быть, парализовало голосовые связки.

Я смотрю на нее со всем презрением, на какое способен, и говорю:

— Миссис Свапна Деви, если вы — королева, а это — дворец, то примите наследного принца. Я пришел отдать вам тело вашего сына. Вот он, Кунвар Шанкар Сингх Паутам. Он умер полчаса назад во флигеле, где долгие годы скрывался по вашей воле от посторонних глаз. Вы не купили ему лекарства, забыв долг матери. Почтите хотя бы обязанности домовладелицы: заплатите за погребение безденежного жильца.

Окончив речь, я киваю гостям и в ледяной тишине шагаю прочь из душного дворца в прохладу ночи. Говорят, в тот вечер никто не притронулся к десерту.

Гибель друга потрясает меня до глубины души. Все, что я могу, — это спать, рыдать и снова забываться сном. К Тадж-Махалу больше не хожу. Не встречаюсь с Нитой. Не смотрю фильмов. Недели на две с лишним я нажимаю на своей жизни кнопку «Пауза» и скитаюсь по Агре, точно раненый зверь.

Студент Шакил находит меня как-то вечером у двери в комнату Шанкара; мой взгляд устремлен на висячий замок, и это взгляд пьянчуги на вожделенную бутылку вина. Сапожник Бихари обнаруживает у колонки, причем по моему лицу струится вода совсем не из-под крана. Садовник Абдул застает разгуливающим по двору на цыпочках, как это делал умерший мальчик. Город в разгар зимы становится хуже знойной безлюдной пустыни. Хочу нарушить все

порядки, хочу превратиться в бессмысленный слог среди непрерывного потока бытия, хочу загнать себя в ступор...

Я слишком поздно прихожу в себя.

— Раджу, Раджу, Нита звонила! — сообщает запыхавшись Шакил. — Она в палате интенсивной терапии, в Сингхании. Звала тебя...

Сердце подпрыгивает к самому горлу. Я бегу все три мили до больницы, едва не сбиваю с ног врача, чудом не опрокидываю каталку и врываюсь в палату, словно инспектор, готовый остановить вооруженное ограбление. Набрасываюсь на изумленную медсестру:

— Где Нита?

— Я здесь, Раджу.

Как тихо и слабо прозвучали эти слова!.. Девушка лежит на каталке за тонкой занавеской. Заглядываю туда — и у меня подкашиваются ноги. Бледное лицо любимой покрыто страшными синяками, а губы странно перекошены, как если бы челюсть съехала набок. Два или три зуба окровавлены, левый глаз подбит.

— Кто... кто это сделал? — произношу я, не узнавая собственного голоса.

— Один человек из Мумбаи, — с трудом выговаривает она. — Шьям послал меня в гостиницу «Палас». Когда пришла, мужчина связал мне руки, а потом... Но лицо — это ерунда. Посмотри, что он сотворил с моим телом.

Нита поворачивается: на худенькой спине багровеют глубокие раны от конского бича. Потом любимая распахивает блузку. Не знаю, как я не упал в обморок. Гладкие смуглые груди, как безобразными оспинами, покрыты ожогами от сигарет. Я уже видел такое однажды.

В жилах вскипает кровь.

— Нита, я знаю этого человека. Скажи, ты не запомнила, как его зовут? Найду — прикончу.

— Он не представился. Высокий такой и...

Тут в палату, прижимая к себе пакет с лекарствами, заходит Шьям. Увидев меня, он словно с цепи срывается.

— Подонок! Да как ты посмел заявиться после того, что наделал?! — кричит сутенер, хватая меня за воротник.

— С ума сошел? — отбиваюсь я.

— Нет, это ты психопат! Морочил девчонку, подбивал ее бросить работу и не подчиняться клиентам... Да ты хоть знаешь, сколько тот тип заплатил? Целых пять тысяч рупий! А сестра, поверив тебе, начала строить из себя непонятно что. Вот и смотри, к чему это привело. В общем, так, парень. Хочешь видеться с Нитой, гони четыре лакха. Пока не наберешь, на глаза не попадайся. Если будешь отираться возле больницы — тебе конец. Ясно? А теперь вон отсюда!

Я бы мог убить Шьяма своими руками. Выдавить из его легких последний поток воздуха, выцарапать ногтями бессовестные глаза... И только слово, данное девушке, заставляет подавить безумную вспышку ярости. Не в силах видеть лицо любимой, я покидаю палату. Знаю одно: я должен раздобыть четыре лакха. Но где?

И вот замысел готов. Осталось дожидаться, когда Свапна Деви уедет куда-нибудь из дому. Два вечера спустя «кон-тесса» увозит Ранисахиба куда-то в город на очередной прием, и я пробираюсь в королевские владения через дыру в стене ограды. Однажды Лайджванти подробно рассказывала о планировке особняка. Вспомнив ее объяснения, легко нахожу окошко хозяйской спальни, потом отворяю ставни при помощи ломика и забираюсь в роскошную комнату. Некогда глядеть по сторонам, любоваться массивной кроватью из каштана или тиковым туалетным столиком. Главное — картина в раме слева от окна. Яркий живописный холст, подписанный каким-то Хусейном, изображает скачущих лошадей. Торопливо снимаю полотно с крючка. Так и есть: внутри стены квадратное углубление, в которое встроен железный ящик. Ищу под левым углом матраса. Ключа нет на месте. Пугаюсь, но тут же шарю под правым. Да вот же он! Ключ идеально входит в замок; тяжелая дверь медленно, сама собой открывается. Ну, и что же там?.. Новый удар: сейф практически пуст. Ни тебе алмазных ожерелий, ни золотых подвесок. Четыре тонкие пачки денег, несколько документов и черно-белое фото младенца.

С первого взгляда ясно, что на снимке маленький Шанкар. Меня почему-то совсем не гложет совесть. Рассовываю пачки по карманам, затворяю тайник, возвращаю ключ и картину на место и быстренько делаю ноги.

Позже, заперевшись в комнате флигеля, сажусь на кровать и пересчитываю добычу. Получается триста девяносто девять тысяч

восемьсот сорок четыре рупии. Так, а сколько у меня своих?.. Сто пятьдесят шесть. Вместе выходит ровно четыре лакха. Похоже, богиня Дурга сегодня расщедрилась.

Крепко сжимая в руке коричневатый конверт с деньгами, я пулей лечу в больницу. На входе в отделение с разбегу врезаюсь в небритого, растрепанного очкарика средних лет, от неожиданности спотыкаюсь — и драгоценные бумажки веером разлетаются по полу из пакета. При виде такого богатства мужчина, сверкнув глазами, принимается подбирать банкноты с увлеченностью маленького ребенка. На миг я застываю. Неужели все как тогда, в поезде?.. Однако незнакомец вдруг разгибается, протягивает пачку и умоляюще складывает руки.

— Вот ваши деньги, брат, — произносит мужчина тоном уличного попрошайки. — Пожалуйста, дайте мне их взаймы. Спасите моего сына. Ему всего шестнадцать. Я не перенесу его смерти.

Расторопно сую бумажки в конверт. Как же избавиться от очкарика?

— А что с вашим сыном?

— Его укусила бешеная собака. Теперь у мальчика водобоязнь. Доктор говорит, что к вечеру он погибнет, если не купить вакцину, которая продается только в «Гупта фармаси». Но это стоит целых четыре лакха. Откуда у простого учителя такая огромная сумма? А у вас она есть, я знаю. Умоляю, спасите сына и требуйте взамен чего угодно, берите меня в рабы до скончания дней! — Тут он заливается слезами, будто школьник.

— Эти деньги нужны на лечение очень близкого мне человека. Простите, ничем не могу вам помочь, — говорю я, шагая в сторону стеклянной двери.

Мужчина бросается следом, обнимает мои ноги.

— Прошу вас, брат, погодите минуту. Взгляните на фотографию. Это мой сынишка. Скажите, как мне жить, если он сегодня умрет? — И протягивает цветную фотографию миловидного подростка.

Выразительные черные глаза и теплая улыбка на губах. Я вспоминаю Шанкара и спешу отвернуться.

— Говорю же вам, извините. Оставьте меня в покое.

Вырываюсь и, не оглядываясь, быстро иду к постели Ниты. Шьям и его помощник из борделя сидят на стульях, точно заправская охрана,

и жуют самосы, завернутые во влажную газету. Любимая, кажется, спит. Ее лицо скрывают бинты.

— Ну? — мычит сутенер, чавкая самосой. — Чего приперся, придурок?

— Я достал деньги. Ровно четыре лакха рупий. Смотри!

Машу перед ним купюрами.

Шьям удивленно присвистывает.

— Где украл?

— Не твое дело. Я пришел за Нитой. Она пойдет со мной.

— Никуда она не пойдет. По словам докторов, поправки ждать четыре месяца. И раз уж ты во всем виноват, вот и плати за лечение. Понадобится пластическая операция. Между прочим, это чертовски дорого. Двести тысяч, не меньше. Так что, если действительно хочешь забрать Ниту, приноси шесть лакхов, а то мои друзья о тебе позаботятся.

Мужчина рядом с ним достает из кармана откидной нож, крутит его между пальцами — ни дать ни взять парикмахер, готовый побрить клиента, — и злорадно улыбается, обнажая зубы с пятнами паана.

Теперь я понимаю: Нита уже никогда не будет моей. Шьям ни за что ее не отпустит. Если я наскребу шестьсот тысяч, он повысит цену до десяти лакхов. Разум немеет, вокруг разливается черная тьма. К горлу подкатывает сильная тошнота. Очнувшись, я замечаю на полу вымокшую газету. С первой страницы ухмыляется мужчина и держит в руках веер тысячных бумажек. Заголовок внизу гласит: «Добро пожаловать на самое колоссальное шоу в истории телевидения! На викторину „КХМ“ — „Кто хочет стать миллиардером?“. Звоните по указанным телефонам или пишите письма — и проверьте свою удачу! Удастся ли вам получить величайший джек-пот на свете?» Внизу напечатан адрес: «Прем-Студиоз, Кхар, Мумбаи». В этот миг я точно знаю, куда мне деваться.

Выхожу из палаты, пошатываясь, будто под слабым наркозом. Запах антисептика, пропитавший больницу, больше не раздражает. Очкарик по-прежнему в коридоре. Глядит на меня с надеждой, однако молчит. Возможно, уже смирился с гибелью сына. Пакет еще у меня в руках. Подзываю безутешного отца. Тот недоверчиво приближается, будто пес, ожидающий от хозяина лакомую кость.

— Вот, возьмите, — говорю я, протягивая конверт. — Здесь как раз четыре лакха. Идите, спасайте своего сына.

Мужчина берет подарок, валится к моим ногам и заливается слезами.

— Вы не человек, вы бог!

Уныло смеюсь:

— Будь я богом, никто не лежал бы в больницах. Нет, перед вами всего лишь бывший маленький экскурсовод с огромными мечтами.

Пытаюсь пройти. Очкарик снова преграждает путь и, достав потертый кожаный бумажник, дает мне карточку.

— Это моя визитка. Отныне я ваш должник, покорный раб...

Рассеянно бросаю в ответ:

— Вряд ли мне понадобятся ваши услуги. Мне вообще никто не нужен в Агре. Я еду в Мумбаи.

Засовываю карточку в карман. Мужчина смотрит мокрыми блестящими глазами, после чего со всех ног устремляется прочь, к ближайшей круглосуточной аптеке «Гупта фармаси», за вакциной.

Уже на пороге больницы я слышу протяжный визг сирены. Джип с красной мигалкой тормозит у дверей. Из машины выскакивают инспектор и два констебля. Потом еще двое — они сидели позади. Этих я узнал. Один — охранник из дворца Свапны Деви, второй — Абдул, садовник.

Первый тычет в меня пальцем:

— Инспектор, вот он — Раджу. Парень, который обчистил сейф нашей мадам.

Начальник наставляет подчиненных:

— В комнате пацана ничего не обнаружено. Значит, ворованное при нем. Обыскать недоноска.

Констебли шарят по моим карманам. Находят упаковку жвачки, несколько сухих горошин и счастливую рупию, от которой сейчас никакого проку.

— Сахиб, он чист. Нету никаких денег, — сообщает один из помощников.

— Правда, что ли? — ворчит инспектор. — Ну да все равно, заберем его на допрос. Надо узнать, где парень был этим вечером.

— Твсюб Твськруч? — отзываюсь я, искривив губы.

— Не понял? Что ты сказал? — недоумевают начальник.

— Ч Шодндп, Ящс Щз Твуйбвсо.

— Ерунда какая-то, — злится полицейский. — Решил посмеяться, негодник? Вот я тебя проучу!

Тут он замахивается дубинкой, но Абдул успевает вмешаться:

— Инспектор, не бейте его, пожалуйста. Раджу, как видно, помешался после смерти приятеля. Шанкар говорил точно так же.

— А, вон оно что... Зачем тогда записали его в подозреваемые? От этого лунатика ничего путного не добьешься. Уходим, — кивает инспектор подчиненным и вновь обращается ко мне: — Извини за беспокойство, парень. Можешь возвращаться домой.

— Штдшуфс, — отвечаю я. — Фспэюск Щтдшуфс.

Сидя на постели Смита, я рыдаю, словно ребенок. Девушка ласково берет меня за руку. Ее глаза тоже на мокром месте.

— Бедный Шанкар. Судя по тому, что ты здесь рассказал, он был аутом — необычайно одаренным, хотя и умственно неполноценным мальчиком. И надо же, какая ужасная смерть его постигла! Томас, тебе действительно пришлось пройти через ад. По-моему, ты не заслужил столько боли.

— И все же мою преисподнюю не сравнить со страданиями Ниты. Только представь, чего она натерпелась, начиная с двенадцати лет!

Смита кивает:

— Могу вообразить. Кстати, твоя любимая по-прежнему в Агре?

— Наверное. Хотя сейчас уже трудно сказать. Я не получал от нее вестей четыре месяца. Даже не знаю, увидимся ли мы снова.

— Непременно увидите. А теперь давай посмотрим предпоследний вопрос.

В студии загорается знак «Тишина», однако зрителям наплевать. Они показывают на меня пальцами, оживленно переговариваются. Как же, ведь я тот самый придурок-официант, поставивший на карту десять миллионов.

Ведущий произносит в камеру:

— А мы переходим к заданию номер одиннадцать, цена которого — сто миллионов! Не поверите, я просто покрываюсь мурашками при мысли о столь огромной ставке! Мистер Томас, вы сильно волнуетесь?

— Нет.

— Поразительно. Рисковать десятью миллионами рупий — и даже глазом не моргнуть! Вот это выдержка! Помните, если вы ответите неправильно, потеряете все, что заработали. Назовите верный вариант — и сто миллионов у вас в кармане! Даже в лотерею никто еще не выигрывал подобной суммы. Что же, проверим, удастся ли сегодняшнему участнику войти в историю. Итак, наш одиннадцатый вопрос будет из области... — Прем Кумар выдерживает паузу для пущего эффекта, — английской литературы!

В зале загорается надпись: «Аплодисменты».

— Скажите, мистер Томас, читали вы какие-нибудь британские книги, пьесы, поэмы?

— Могу рассказать стишок про барашка, если вы об этом.

Зрители громко смеются.

— Признаюсь, я имел в виду нечто более сложное. Но вы наверняка слышали о Шекспире?

— Шекс... как там дальше?

— Ну как же, прославленный бард с берегов Эйвона, величайший драматург, писавший на английском языке. Ах, где мои золотые студенческие годы, когда я все свободное время играл в шекспировских пьесах! Помните Гамлета?

Быть или не быть, вот в чем вопрос.
Достоин ль
Смиряться под ударами судьбы,
Иль надо оказать сопротивление
И в смертной схватке с целым морем бед
Покончить с ними?

Но хватит обо мне. Ведь это мистеру Томасу предназначается наше следующее задание. Не забывайте, ответ на него составит астрономическую сумму — сто миллионов рупий! В какой из пьес Уильяма Шекспира встречается герой по имени Башка? Варианты: а) «Король Лир», б) «Венецианский купец», с) «Бесплодные усилия любви» и d) «Отелло».

Слышится музыкальная заставка. Я тупо смотрю на ведущего.

— Мистер Томас, если не секрет, вы хоть немного представляете, о чем мы здесь говорим?

— Нет.

— Нет? И как же вы намерены поступить? Дайте любой ответ. В конце концов, бросьте монетку. Кто знает: а вдруг удача снова не отвернется, и вы совершенно случайно получите сто миллионов? Ну, что мы выбираем?

В голове ни единой мысли. Все-таки меня загнали в тупик. Думаю полминуты, потом решаюсь.

— Беру «Спасательную Шлюпку».

Ведущий удивленно моргает: похоже, и сам позабыл, какие в этой игре правила. Наконец он приходит в себя.

— Шлюпку? Ну да, конечно, ведь ни одной из них вы еще не воспользовались. Итак, что вы предпочитаете: «Пятьдесят на Пятьдесят» или же «Звонок Другу»?

Я снова смущаюсь. К кому обратиться? Салим разинет рот не хуже меня. Владелец бара «У Джимми» столько же понимает в Шекспире, сколько пьянчуга в сторонах света. Думы обитателей Дхавари так же далеки от литературы, как помыслы полицейских от честности. Пожалуй, отец Тимоти что-нибудь подсказал бы, но его уже нет в живых. Может, и впрямь выбрать «Пятьдесят на Пятьдесят»? Рука привычно лезет в нагрудный карман рубашки за счастливой монеткой. К моему изумлению, пальцы нащупывают какую-то карточку. Вытаскиваю на свет: оказывается, это визитка. «Уптал Чаттердjee, учитель английской литературы, школа Святого Иоанна, Агра». На нижней строчке указан телефонный номер. Не могу сообразить: откуда она взялась? Я никогда не знал человека с таким... Внезапно перед глазами всплывает больница, образ непричесанного мужчины в очках, его шестнадцатилетнего сына, умирающего от бешенства, — и с губ слетает невольный радостный вопль.

— Простите, что вы сказали? — настораживается Прем Кумар.

Протягиваю карточку.

— Я выбираю «Звонок Другу». Можно позвонить вот этому джентльмену?

Ведущий вертит визитку в руках.

— Ага. Значит, у вас нашелся знакомый, способный ответить на этот вопрос... — обеспокоенно произносит он и смотрит на

продюсера.

Тот разводит руками. На экране появляются слова «Спасательная Шлюпка» и начинается мультик: по морю плывет лодка, рядом тонет человек, ему бросают красно-белый круг.

Прем Кумар вынимает из-под стола беспроводной телефон, передает его мне.

— Пожалуйста. Спрашивайте кого хотите о чем хотите, только не забывайте: у вас ровно две минуты. И время пошло... — он глядит на часы, — прямо сейчас!

Итак, я набираю номер, указанный на карточке. На другом конце Агры звонит телефон. Звонит, и звонит, и звонит, но трубку никто не снимает. Проходит половина минуты. Напряжение, повисшее в студии, можно резать ножом. Зрители затаили дыхание. Для них я превратился в канатоходца, идущего под куполом цирка без всякой страховки. Одно неверное движение — и акробат разобьется. Еще девяносто секунд — и я потеряю сто миллионов рупий.

Когда надежда готова иссякнуть, кто-то вдруг подходит к телефону.

— Алло?

Осталось чуть больше минуты.

— Алло, — тороплюсь я. — Мистер Уптал Чаттреджее?

— Да-да.

— Мистер Чаттреджее, это Рама Мохаммед Томас.

— Рама Мохаммед... кто?

— Томас. Вы не помните имя, но я тот самый парень, который выручил вас в больнице Сингхания. У вас еще сын болел.

— Господи! — Тон собеседника совершенно меняется. — Я так разыскивал вас четыре месяца! Слава Богу, вы позвонили. Мой мальчик жив только благодаря вам! Не представляете, что...

— Мистер Чаттреджее, у меня нет времени. Я участвую в телевикторине и должен быстро получить ответ.

— Спрашивайте все, что угодно.

В запасе тридцать секунд, даже меньше. Все взгляды в студии устремлены на часы. Стрелки отсчитывают последние мгновения.

— Скажите скорее, в какой из пьес Шекспира есть герой по имени Башка. Варианты: а) «Король Лир», б) «Венецианский купец», с) «Бесплодные усилия любви» и d) «Отелло».

Часы на стене оглушительно тикают. Мой собеседник молчит.

— Мистер Чаттерджее, вы знаете ответ? Уже пятнадцать секунд.

— Не знаю.

Я ошарашен.

— Как это?

— Простите. Правда, не знаю. Вернее, сомневаюсь. Что-то не помню такого в «Отелло» и «Венецианском купце». Значит, либо это «Король Лир», либо «Бесплодные усилия любви».

— Но мне нужен только один вариант.

— Тогда выбирайте второе. Хотя, повторяю, я не уверен. Простите, что не сумел по...

Прем Кумар обрывает наш разговор.

— Очень жаль, мистер Томас, две минуты истекли. Я жду ответа.

Закадровая музыка уже не напрягает. Даже наоборот, подбадривает. Я погружаюсь в раздумья.

— Мистер Томас, давно вы знаете мистера Чаттерджее? — произносит ведущий.

— Мы с ним однажды встречались.

— Толковый ли это преподаватель?

— Понятия не имею.

— Так как же, примете его совет или доверитесь собственному чутью?

Я размышляю:

— Чутье подсказывает, что мистер Чаттерджее прав. Поэтому я выбираю с) «Бесплодные усилия любви».

— Подумайте хорошенько. Не забывайте, неправильный ответ не только не даст вам заработать целых сто миллионов рупий, но и отнимет уже полученные десять.

— И все-таки мое последнее слово — с).

— Вы совершенно, на сто процентов уверены?

— Да.

— Повторяю вопрос. Вы совершенно, совершенно, на сто процентов уверены?

— Да.

Гремят барабаны. Экран загорается.

— Боже, и это действительно с)! Вы совершенно, на сто процентов правы!

Прем Кумар поднимается с места.

— Поздравляю вас, Рама Мохаммед Томас. Вы первый участник нашей викторины, который выиграл сто миллионов рупий. Дамы и господа, запомните этот исторический момент! А теперь нам просто необходима рекламная пауза!

Зрители в исступлении. Все встают и дружно хлопают в ладоши целую минуту.

Красное лицо ведущего обливается потом.

— Ну и как вы себя чувствуете? — интересуется он.

— Твсшщс Ндыкядщкпэрс!

— Извините, что вы сказали? — удивляется Прем Кумар. — Боюсь, я не расслышал.

— Просто замечательно, вот что.

Поднимаю глаза: Шанкар улыбается прямо с небес. И кажется, богиня Дурга тоже не прочь подыграть мне сегодня.

МИЛЛИАРД РУПИЙ: ТРИНАДЦАТЫЙ ВОПРОС

Перерыв еще не закончился. Прем Кумар совещается в углу с длинноволосым продюсером, а я глазею по сторонам: на приятную стенную обшивку, на прожекторы, разнообразные камеры, звуковые системы. Тем временем в зале многие глазеют на меня. Должно быть, им любопытно, о чем сейчас думает храбрый безумец.

Окончив разговор, ведущий подходит ко мне, недобро ухмыляясь во весь рот.

— Не знаю, Томас, как ты ухитрился одолеть одиннадцать вопросов, но теперь уже точно засыплешься.

— Посмотрим.

— Нет, это я посмотрю, как ты всего лишишься. Готовься, — обещает он и присаживается в кресло.

В студии загорается надпись: «Аплодисменты». Звучит музыкальная заставка. Зрители громко хлопают. Прем Кумар обращается в камеру:

— Дамы и господа, мы с вами стоим на пороге знаменательного события, о котором, возможно, будут вспоминать и следующие поколения. Рама Мохаммед Томас, восемнадцатилетний официант из Мумбаи, открыл новую веху в истории нашего шоу, обогнав любого из предыдущих участников. Если он еще раз ответит правильно, то получит величайший джек-пот в мире — миллиард рупий!

Если же нет, утратит самую огромную сумму денег, какую только терял человек за шестьдесят секунд, — сто миллионов рупий. В любом случае для него наступила переломная минута. Так что прошу вас, отбросьте посторонние мысли и от души поприветствуйте вместе со мной нашего сегодняшнего игрока Раму Мохаммеда Томаса!

И снова появляется надпись: «Аплодисменты». Все поднимаются, даже ведущий, и долго хлопают.

Нечего сказать, гениальная тактика — превознести человека чуть ли не до небес, прежде чем выставить за порог без рупии в кармане. Откормить его жирной лестью, словно ягненка, и тут же «зарезать» на следующем задании.

Вот оно, мгновение, которого я так ждал, которого так боялся. Сделав глубокий вздох, готовлюсь посмотреть судьбе в лицо.

— Дамы и господа, еще немного, и вы узнаете наш двенадцатый, последний вопрос. На кону — миллиард рупий, величайшая ставка в истории планеты. И помните, мы по-прежнему находимся в «Рисковом раунде». А значит, победитель получит все, проигравшему не достанется ничего. Итак, не будем терять время. Мистер Томас, выслушайте задание, и на сей раз оно из области... индийской истории! Всем известно, что знаменитый Тадж-Махал был возведен императором Шах-Джаханом в память о любимой супруге Мумтаз-Махал. А вот как звали ее отца? Это и есть вопрос на миллиард рупий. Варианты для мистера Томаса: а) Мирза Али Кури Бег, б) Сираджуддаулах, с) Асаф Джах и d) Абдур Рахим Кхан Кханан.

Обдумайте задание хорошенько, мистер Томас. Не забывайте, что вы стоите на историческом перепутье. Понимаю, вам нужно время, чтобы сосредоточиться, и специально для этого мы устроили еще одну короткую рекламную паузу. Дамы и господа, не вздумайте никуда расходиться.

«Аплодисменты» — вызывает яркая надпись. Повторяется мелодия заставки.

Прем Кумар широко и злорадно скалится.

— Как мы тебя сделали, а? Тут надо быть магистром по истории средних веков, не меньше. Плакали твои сто миллионов, официант. Может, когда-нибудь я тоже загляну в бар «У Джимми». Чем там у вас кормят? «Курицей в масле» и виндалоо?^[108] — смеется он.

Гордо улыбаюсь в ответ.

— Конечно, я не магистр по истории, но знаю ответ.

— Как это? Шутишь, да?

— Даже не думаю. Отца императрицы звали Асаф Джах.

Глаза собеседника округляются от ужаса.

— Откуда... откуда тебе известно?

— Известно. Ведь я два года работал гидом по Тадж-Махалу.

Лицо ведущего становится мертвенно-бледного, почти пепельного оттенка. Холеный мужчина впервые смотрит на меня со страхом.

— Ты... ты колдун, точно, — заикается он и бежит за помощью к продюсеру.

Они возбужденно перешептываются. Прем Кумар несколько раз машет рукой в мою сторону. Кто-то приносит увесистую книгу, и заговорщики внимательно изучают ее. Так проходит десять минут. Зрители начинают волноваться. Наконец ведущий садится в свое кресло. Вид у мужчины довольно бесстрастный, однако внутри наверняка все клокочет.

Снова вспыхивает надпись, призывающая к аплодисментам, и раздается музыкальный проигрыш.

— Дамы и господа! Помните, перед самой паузой я спросил, как звали отца Мумтаз-Махал? Уверен, вы решили, что это и есть последнее задание. Ошибаетесь.

В зале недоумение. Я просто ошарашен. Разве можно вот так менять вопросы? В воздухе сгущается электричество.

Между тем Прем Кумар бодро продолжает:

— Знаете, для чего мы завели речь о Тадж-Махале? Исключительно для того, чтобы лишний раз напомнить об одном из главных спонсоров программы, чае «Мумтаз». Как видите, ради рекламы приходится идти на маленькие хитрости.

В зале гудят изумленные голоса зрителей. Слышатся сдавленные смешки. Кто-то выкрикивает:

— Ну и надули вы нас, мистер Кумар! — И обстановка тут же разряжается.

Включается надпись: «Аплодисменты».

Один лишь я не улыбаюсь. Похоже, тут собрались одни плуты и мошенники.

«Тишина» — призывает горящая надпись во время заставки.

— Дамы и господа, теперь я готов изложить задание, стоимость которого — миллиард рупий, крупнейшая награда в истории человечества. Не забывают, это «Рисковый раунд»: победителю все, проигравшему — ничего. Хорошо, оставим долгие предисловия. Последний вопрос для мистера Томаса будет из области... классической западной музыки! В какой тональности написана двадцать девятая соната Бетховена, опус номер сто шесть, известная также под названием «Хаммерклавир-соната»? Варианты: а) си-бемоль мажор, б) соль минор, в) ми-бемоль мажор и d) до минор.

Обдумайте свой ответ как следует, мистер Томас. Не забывают, впереди судьбоносный перекресток. От вашего решения будет зависеть

очень многое. И чтобы дать вам необходимое время на размышления, мы объявляем еще одну маленькую рекламную паузу. Дамы и господа, пожалуйста, никуда не расходитесь.

Зрители по команде разражаются аплодисментами, после чего начинают гулко переговариваться между собой. А Прем Кумар ехидно подмигивает и встает с кресла.

— Я отойду ненадолго. Сейчас вернусь.

— Мне надо в туалет, — поднимаюсь я вслед за ним.

— Тогда пошли вместе, — кивает ведущий. — Согласно правилам, участник не может покидать зал без сопровождения.

Студийная уборная залита флуоресцентным сиянием. Вокруг удивительно чисто. Плитка сверкает белизной. Огромные зеркала — без единого пятнышка. И никакого художества на стенах.

Кроме нас, тут никого больше нет. Делая свое дело, ведущий довольно посвистывает. Потом замечает мой взгляд.

— Что же ты, передумал? Или, пока ломал голову над заданиями, забыл, как мужчины облегчают мочевого пузырь? — Он смеется, запрокинув голову. — Да, не повезло тебе, парень. Впрочем, если бы не я, кое-кто срезался бы еще на втором вопросе. Ладно, так и быть. Завтра наведаюсь к вам в ресторан и дам тебе на чай ту самую тысячу рупий. Можешь поверить, уж это слово я точно сдержу.

Мужчина снисходительно улыбается.

— Если ты и сделал тогда одолжение, — неожиданно произношу я, — то помог себе, а не мне.

— Как это? — вскидывается ведущий.

— Пора вам узнать, уважаемый мистер Прем Кумар, что Рама Мохаммед Томас явился на вашу программу не за выигрышем. Нет, дело совсем в другом. — Я преувеличенно сильно трясую головой. — Моя единственная цель — отомстить.

Веселая струя резко идет на убыль. Мужчина проворно застегивает брюки, недоверчиво косится на меня.

— Отомстить? Что это значит? Кому отомстить?

— Тебе, — вызывающе бросаю я.

И, отступив, вынимаю из-за пояса оружие. Это маленький короткоствольный револьвер, способный уместиться в кулаке. Я твердо сжимаю пистолет и направляю дуло на ведущего.

В ту же секунду кровь отливает от его лица.

— Вы... вы ошибаетесь, мистер Томас. Мы никогда не встречались раньше, — еле слышно лепечет мужчина.

— Нет, это ты совершил большую ошибку. На самом деле мы уже виделись в подъезде, где жила Неелима Кумари. Стояло раннее утро. Ты вывалился из квартиры в синих джинсах и белой рубашке, с немой головой и налитыми кровью глазами. В руке красовалась толстая пачка денег, отнятых у одинокой актрисы. Погубить Неелиму — разве этого было мало? Но ты сотворил то же самое с моей возлюбленной Нитой.

— Нитой? — Брови Према Кумара ползут кверху. — Впервые о ней слышу.

— Бедная девушка едва не скончалась по твоей вине в больнице Агры. А теперь, — я перехватываю револьвер поудобнее, — умрешь ты.

Ведущий в смятении смотрит на черное дуло. И кажется, решает потянуть время.

— Агра, говоришь? Давно туда не ездил.

— Я освежу твою память. Четыре месяца тому назад. Номер в гостинице «Палас». Ты вызвал девушку, связал, жестоко избил и гасил об нее сигареты, как делал с Неелимой.

Нижняя губа мужчины дрожит, потом изгибается.

— Господи, проститутка!.. Ее хозяин получил пять тысяч рупий. Я даже имени этой девчонки не знал.

— Ее зовут Нита.

Я поднимаю пистолет.

— Не надо... не надо... — Прем Кумар тянет ко мне ладони, а сам невольно пятится. И наступает в канализацию. — Не стреляй... — Он замирает, чтобы вытащить мокрую правую ногу. — Опустит эту штуку, пожалуйста.

Целюсь ему прямо в сердце. Мужчину бьет крупная дрожь.

— Я поклялся отомстить за Ниту. Только не знал, как тебя отыскать. А потом увидел в Агре газету с рекламой. Ты ухмылялся на фото, как последняя обезьяна, и приглашал всех желающих принять участие в телевикторине. Вот почему я здесь. Думал, как только не смогу ответить на вопрос, тут же выстрелю. Однако случилось чудо: я

справился с каждым заданием. Так что, подсказав мне тогда, ты просто продлил немного свою жизнь. А теперь не уйдешь от расплаты.

— Послушай, — хрипит Прем Кумар, — ну да, я дурно обошелся с Неелимой. И с той проституткой в Агре тоже погорячился. Но чего ты добьешься, если выстрелишь? Это не принесет даже денег. Опустит пушку, ладно? Честное слово, я помогу тебе выиграть главный приз. Только представь, какое богатство! С ним воплотятся в жизнь любые мечты официанта вроде тебя.

Я горько смеюсь:

— И что мне делать с миллиардом? В конце концов, много ли надо человеку на саван? Шесть футов полотна вполне достаточно.

Побледнев еще сильнее, ведущий опять поднимает ладонь, точно хочет прикрыться.

— Пожалуйста, не жми на курок. Послушай, тебя же арестуют за убийство. И сразу повесят. Мы оба погибнем.

— Ну и что? Единственное, ради чего я живу, — это месть.

— погоди, обдумай все хорошенько. Томас, клянусь, пощади меня, и узнаешь ответ на последний вопрос. Ты выиграешь величайший джек-пот в истории.

— Я не вернусь на викторину, и ты тоже.

Снимаю оружие с предохранителя.

Мужчина теряет остатки самообладания. В глубине души он трус, и вот напускная смелость покидает его. Прем Кумар крепко зажмуривается. Дрожащие пальцы беспомощно царапают настенную плитку. Минута, которой я терпеливо дожидался два месяца, наконец настала. Обидчик Ниты передо мной, а в руке — заряженный револьвер. Очень хороший револьвер. Я проверял на пустыре: отдача почти не чувствуется. А впрочем, целясь в упор, по-любому нельзя промахнуться.

Давлю на курок, но странно: похоже, тот противится изо всех сил. Указательный палец будто каменеет.

Глядя болливудские фильмы, можно подумать, что убийство — плевое дело. Бац, бац, бац... Пистолеты стреляют непрерывными очередями, люди валятся словно подкошенные. Так некоторые давят назойливых муравьев. Даже какой-нибудь юный герой, ни разу не державший пушку, свободно укладывает на месте десятерых злодеев, собравшихся в логове главаря. В жизни все иначе. Легко направить на

кого-то заряженный пистолет. Но если тебе известно, что настоящая пуля пробьет настоящее сердце и красная жидкость на чужой рубашке окажется настоящей кровью, а не томатным кетчупом, выстрелить просто не поднимается рука. Очень тяжело убить человека. Нужно заглушить голос разума. Тут помогают или бутылка, или гнев.

И я пытаюсь разбудить в себе как можно больше злости. Вспоминаю события, которые привели меня сюда. Перед глазами витают образы Неелимы и Ниты. Черные кратеры ожогов на светлой груди, алые шрамы бича на смуглой спине, ссадины на лице любимой, темное распухшее веко, перекошенная челюсть. Однако вместо ярости в сердце поднимается бесконечная скорбь, и на глазах выступают слезы.

Обращаюсь к другому источнику. Думаю обо всех унижениях и страданиях, которых успел насмотреться. Вот окровавленный труп отца Тимоти — самого доброго мужчины, какого я только знал; вот невесомое тело Шанкара — самого кроткого ребенка, который мне только встречался.

Передо мной мелькают люди, которые сеяли вокруг лишь горе и разрушения: Свапна Деви, Маман, Шантарам. Если собрать и выплеснуть все чувства разом, их достанет на то, чтобы выпустить пулю.

Но, как ни стараюсь, я не могу возложить на этого человека вину за пережитые беды. Нет, моей злости явно не хватит на то, чтоб оправдать его смерть.

Ясно как день: я не могу нажать на курок. Даже при: виде подобной мрази.

И револьвер опускается.

Прем Кумар по-прежнему стоит у стены, зажмурившись. Потом, не слыша выстрела, приоткрывает один глаз. Его кожа лоснится от пота. Ведущий ошалело смотрит на пистолет, замечает нерешительность, написанную огромными буквами на моем лице, и наконец разлепляет веки другого глаза.

— Спасибо, что сжалился, Томас, — произносит он, тяжело дыша. — Я правда отблагодарю. Победа уже твоя, если судить по-честному. Вопрос про Тадж-Махал был на самом деле последним, и ты назвал ответ. А с этим подставным заданием я подсоблю.

— Откуда мне знать, что вы опять не подмените задание в последнюю минуту?

— Держи револьвер при себе. Но, ручаюсь, он не понадобится. Я действительно желаю тебе выиграть миллиард — весь до последней рупии. Наличными.

Впервые за все это время меня соблазняет мысль о несметном богатстве. С такими деньгами многого можно достичь. Освободить Ниту. Сделать Салима известным актером, как он и мечтал. Обеспечить достойную жизнь юным сиротам и бродяжкам вроде меня. Можно купить роскошный красный «феррари». Я принимаю решение. «Да» — миллиарду, «нет» — убийству.

— Ладно, и какой вариант правильный?

— Сейчас... — Прем Кумар глядит на носки своих ботинок и умолкает.

— Ну, в чем дело?

— Только что сообразил. Если я скажу ответ, это будет нарушением моего контракта и правил шоу. Твою победу объявят недействительной. — Он медленно качает головой. — Нет, не могу.

От растерянности я даже не знаю, как поступить. На бледном лице ведущего появляется отблеск улыбки.

— Да, но контракт не запрещает чуть-чуть намекнуть. В общем, слушай внимательно. Сразу после съемок я отправляюсь на вокзал. Меня пригласили в гости четверо лучших друзей. Первый живет в Аллахабаде, второй — в Бароде, третий — не важно где, а четвертый родом из Дели. Но поехать можно лишь к одному. И я выбираю Аллахабад. Хочу окунуться в Сангам, [\[109\]](#) смыть грехи. Понятно?

— Понятно, — киваю я.

И мы возвращаемся из уборной на свои места. Прем Кумар озабоченно косится в мою сторону. Интересно, сдержит ли он слово.

Зрители дружно хлопают, когда я сажусь. Рука ложится на боковой карман, отвисший под тяжестью револьвера.

«Тишина» — гласит яркая надпись.

Ведущий поворачивается ко мне:

— Позвольте напомнить, мистер Рама Мохаммед Томас, что перед самой паузой вы получили последний, двенадцатый вопрос, цена которого — миллиард рупий. Я повторю задание. В какой тональности написана двадцать девятая соната Бетховена, опус номер сто шесть,

известная также под названием «Хаммерклавир-соната»? а) Си-бемоль мажор, б) соль минор, с) ми-бемоль мажор и д) до минор. Скажите, вы готовы назвать правильный вариант?

— Нет.

— Нет?

— Я не знаю ответа.

Камера берет мое лицо крупным планом. Зрители шумно ахают.

— Мистер Томас, как я уже говорил, вы находитесь на роковом перепутье. Одна дорога ведет к невероятному богатству и процветанию, прочие три вернут вас в исходную точку. Не торопитесь говорить наобум, даже если появится какая-то догадка. Возможно, это самое важное решение в вашей жизни. Либо вы все потеряете, либо все обретете.

— Я хотел бы воспользоваться «Спасательной Шлюпкой».

— Ну да, у вас еще есть подсказка «Пятьдесят на Пятьдесят». Итак, из трех неправильных вариантов мы убираем два, и вы получаете равные шансы на победу или поражение.

«Спасательная Шлюпка» — загорается на экране. Рисованная лодка плывет по волнам, рядом тонет человек, ему бросают красно-белый круг. Затем еще раз появляется вопрос, но уже с двумя вариантами выбора.

— Вот, пожалуйста, — сообщает Прем Кумар. — Как видим, это или а), или с). Ответите правильно — и станете первым человеком в истории, выигравшим миллиард. Ошибетесь — и будете первым, кто менее чем за минуту лишился ста миллионов. Что же вы все-таки выберете?

Достаю из кармана рубашки свой талисман.

— Орел — говорю а), решка — значит, с). Годится? Зрители разевают рты, услышав мое безрассудное заявление.

Ведущий кивает. К нему возвращается прежний блеск в глазах.

И я бросаю счастливую рупию. Она летит и кувыркается, точно в замедленной съемке, неумолимо притягивая к себе все взоры. Пожалуй, сейчас это единственная монетка в мире, которая стоит целого миллиарда. Упав на стол, она еще долго вращается, прежде чем окончательно замереть.

Прем Кумар вытягивает шею, чтобы взглянуть поближе.

— Орел!

— В таком случае мой ответ: а).

— Вы совершенно уверены, мистер Томас? Еще не поздно выбрать с), если хотите.

— Жребий все решил.

— Вы совершенно, на сто процентов уверены?

— Да, я уверен. Совершенно и на сто процентов.

Рассыпается барабанная дробь. На экране в последний раз появляется верный ответ.

— Это действительно а)! То есть совершенно, на сто процентов правильно! Мистер Рама Мохаммед Томас, отныне вы войдете в историю как игрок, получивший в награду один миллиард — да-да, один миллиард рупий! И вам их выплатят наличными в самом скором времени. Дамы и господа, прошу вас от всего сердца поприветствовать обладателя величайшего приза в мире!

С потолка начинает сыпаться конфетти. Сцена купается в красных, зеленых, синих и желтых лучах прожекторов. Около двух минут весь зал стоит на ногах и хлопает. Слышится одобрителный свист, улюлюканье. Ведущий раскланивается, точно фокусник после волшебного представления. И с лукавым видом подмигивает мне. Но я не отвечаю.

Внезапно продюсер викторины выходит на помост и уводит Према Кумара в сторону. Судя по жестам, между ними происходит жаркая беседа.

Хьюстон, кажется, у нас проблемы.

Смита смотрит на часы и поднимается с кровати. — Ну и ну! Вот это ночь, вот это шоу, вот это история! Да, теперь мне известно, как тебе удалось выиграть миллиард рупий. Скажи, этот спектакль с монеткой был только для вида? Ты ведь уже знал верный ответ.

— Конечно. Так что решай сама, полагается мне главный приз или нет. Но я ничего не утаил. Выложил все свои секреты.

— И справедливо заслужил такую же откровенность с моей стороны. Ты наверняка удивлялся, кто я и откуда взялась тем вечером в полиции.

— Ну да. Но говорят: увидел чудо — не задавай вопросов.

— Я — Гудия. Та самая девушка из чоула, которой ты в свое время помог. И не терзайся из-за отца. Ты не убил его. Папа сломал

ногу, зато его мозги встали на место. С тех пор он меня больше не беспокоил. Я несколько лет пыталась найти своего благородного спасителя, но ты будто сквозь землю провалился. И вдруг во вчерашней газете читаю: арестован молодой человек по имени Рама Мохаммед Томас. Я тут же смекнула, что на белом свете есть лишь один Рама Мохаммед Томас, и пулей помчалась в полицию. Считай нашу встречу частичной уплатой огромного долга, ведь я тебе всем обязана.

Меня захлестывают горячие чувства. Порывисто хватаю ладонь девушки, нежно глажу ее теплую кожу. Опять наворачиваются слезы. Мы обнимаемся.

— Как же я рад, что ты приехала. Теперь у меня есть адвокат, подруга и сестра одновременно.

— Отныне все твои беды — мои беды, — заявляет Смига, решительно сверкая глазами. — Я буду драться за тебя, Рама Мохаммед Томас, так же, как ты за меня когда-то.

ЭПИЛОГ

Шесть месяцев миновало с той самой длинной в моей жизни ночи.

Смита сдержала слово: боролась за меня, как мать могла бы сражаться за детей. Первым делом она уладила все вопросы с полицией. Вернее, доказала, что у констеблей нет оснований для ареста. Заодно сумела выяснить: никто даже не слышал о мертвом грабителе из поезда, и никаких незаконченных расследований по этому делу никогда не велось.

Затем адвокат взялась за компанию, которая продюсировала викторину. Поначалу меня честили плутом и мошенником, но Смита, как дважды два, доказала при помощи той самой записи на DVD, что я победил совершенно законным образом. Спустя четыре месяца всяческих проволочек компания признала отсутствие веских причин для вручения главного приза.

Правда, миллиарда я так и не получил. Вышло чуть меньше. Какую-то часть забрало себе правительство. Это окрестили «налогом на телевизионные игры». Компания, запустившая проект, загнула после огромной выплаты. Так что я стал первым и последним победителем «КХМ».

Два месяца назад умер Прем Кумар. По версии следствия, покончил с собой, отравившись газом в собственной машине. Хотя газетчики намекают на убийство и подтасовку фактов. Лично я подозреваю, что ему отомстили те, кто финансировал шоу.

Давным-давно мне открылась невероятная власть богатства над чужими умами, тогда как мечты влияют на нас одних. И вот оказалось, деньги обладают силой воздействовать даже на слуг закона. В прошлом месяце я оплатил визит в Горегаон и наведалься в сопровождении солидного полицейского контингента в обветшалое здание с крохотным садом и парой пальмовых деревьев. Пятеро мужчин были тут же арестованы. Констебли обнаружили тридцать пять мальчиков-инвалидов, теперь ими занимается широко известная благотворительная детская организация международного уровня.

Тогда же я позаботился о том, чтобы Лайджванти вышла на свободу и присоединилась ко мне в Мумбаи. На прошлой неделе она

вернулась из столицы, где гуляла на свадьбе младшей сестры. Лакшми вышла замуж за высокопоставленного чиновника из Индийской административной службы. Семья жениха не заикалась о приданом, однако Лайджванти все же подарила невесте автомобиль «тойота-королла», телевизор «Сони», двадцать костюмов «Раймонд» и килограмм золотых украшений.

Салим получил долгожданную роль семнадцатилетнего студента в комедии Чимпу Дхавана и в настоящее время по горло занят съемками на студии «Мемхуб». Мой друг уверен, что главного продюсера зовут Мохаммед Бхатт, хотя на самом деле это я.

Любовь моей жизни тоже переехала в Мумбаи. Теперь она моя самая что ни на есть законная жена с именем и подходящей фамилией. Нита Мохаммед Томас.

Смита и я неторопливо гуляем по Марин-драйв. Приятный ветерок порой доносит легчайшие брызги океана, гигантские волны которого с грохотом накатывают на скалы. За нашими спинами водитель в униформе ведет «мерседес-бенц» на черепашьей скорости, сохраняя почтительное расстояние. На заднем бампере автомобиля красуется наклейка с надписью: «А еще у меня есть „феррари“».

— Знаешь, я все хотел спросить...

— Давай, выкладывай, — разрешает девушка.

— В тот вечер, когда ты спасла меня от полиции, почему сразу не представилась настоящим именем?

— Потому что хотела выслушать твой рассказ и докопаться до истины. Не зная, с кем имеешь дело, ты поведал мою собственную историю: лишь так я могла убедиться, что получу правду, только правду и ничего, кроме правды. Помнишь, мы говорили о том, нужно ли клясться на книге? И я сказала, что сама буду твоей свидетельницей?

Я с пониманием киваю.

— Можно мне тоже кое-что спросить? — говорит Смита.

— Конечно.

— Тогда же вечером, у меня дома, в начале беседы ты бросил монетку. Зачем?

— Сомневался, можно ли тебе доверять. Счастливая рупия всегда помогала мне сделать правильный выбор. Вот я и загадал: если будет

орел, рассказываю все как есть, решка — прощаюсь.

— Значит, упали монетка по-другому, и я бы ничего не услышала?

— Такого никогда бы не случилось.

— Ты настолько веришь в удачу?

— При чем здесь удача? Взгляни повнимательней. Достāju из кармана рупию, протягиваю собеседнице. Та недоверчиво смотрит, затем переворачивает монетку. Потом еще раз.

— Но тут же... с обеих сторон орел!

— Вот именно. Это и есть моя счастливая денежка. Впрочем, удача здесь действительно ни при чем.

Девушка молча протягивает рупию обратно. Я беру и подбрасываю монетку высоко-высоко. Та крутится в воздухе, сверкает на фоне бирюзового неба, улетая все дальше, и дальше, и дальше, и наконец опускается в непроглядную пучину океана.

— Зачем же ты выбросил свой талисман?

— Думаю, он мне уже без надобности.

БЛАГОДАРНОСТИ

Эта книга не появилась бы на свет без поддержки Питера Букмана. Я весьма обязан ему как другу, экскурсоводу и агенту — именно в этом порядке. Благодарю также Розмари и Джессику Букман, позаботившихся о том, чтобы мой дебют стал истинно международным.

Не могу не выразить признательности издательству «Трансуорлд»: во-первых, за столь восторженное принятие данной повести, а во-вторых, за то, что мне предоставили самого лучшего редактора, о каком только может мечтать писатель. Для меня было удовольствием сотрудничать с Джейн Лоусон, ухитрившейся в течение весьма долгих телефонных бесед издалека превратить издание книги в интересную для нас обоих работу.

Бригадный генерал С. К. Шарма внес очень ценный вклад в создание главы «Солдатская история». Мне также хотелось бы выразить благодарность Надвип Сури, Хэмпфри Хаксли, Патрику Френчу, Теджиндер Шарма, Морину Тревису, Британской системе публичных библиотек и поисковой системе Google за всестороннюю поддержку.

Но прежде всего эта книга обязана своим происхождением моей супруге Апарне и сыновьям Адитью и Варуну, которые предоставили мне нужную свободу, чтобы начать этот проект, и придавали сил, чтобы завершить его.

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Пытливому читателю, вероятно, интересно было бы узнать, что именно говорил юный друг главного героя Шанкар. На самом деле такая возможность существует. Создавая особый язык для больного мальчика, автор попросту переставил буквы алфавита в произвольном порядке. Воспользовавшись кодом, приведенным в данной таблице, любой желающий без труда расшифрует фразы Шанкара и, возможно, по-новому осознает некоторые сцены с участием этого бесконечно трогательного героя.

«Алфавит Шанкара» — Обычный алфавит

А — Ф
Б — У
В — Р
Г — В
Д — А
Е — Х
Е — Ц
Ж — Ъ
З — Ы
И — Ю
Й — Д
К — Е
Л — Ё
М — Ж
Н — З
О — К
П — Л
Р — Н
С — О
Т — П
У — И
Ф — Б
Х — Г
Ц — Й
Ч — Я

Ш — С
Щ — Т
Ъ — Щ
Ы — М
Ь — Э
Э — Ъ
Ю — Ш
Я — Ч

notes

Примечания

1

Индийский куриный плов, приготовленный с рисом басмати (длиннозернистый, достаточно дорогой рис); подается с овощным соусом карри. — *Здесь и далее примеч. пер.*

2

Баранина-филе, смешанная с зеленью и приправами.

3

Набережная Бомбея на побережье Аравийского моря, обставленная домами в стиле арт деко и индуистскими храмами.

4

Распространенное средство, улучшающее пищеварение. Состоит из вяжущего ореха арековой пальмы и других ингредиентов, завернутых в острый на вкус лист бетеля.

5

Индийский актер (род. в 1942 г.).

6

Второй человек, ступивший на поверхность Луны.

Дивали (Дипавали) — один из самых важных фестивалей индусского года. По всей Индии в эти дни зажигаются свечи, лампы и костры в ознаменование возвращения бога Рамы из его 14-летней ссылки. Люди пускают фейерверки, раздают друг другу сладости, украшают двери и пороги домов декоративными гирляндами из листьев манго и ноготков (торанс), а также рисунками из разноцветных порошков (ранголис). Неотъемлемая часть праздника — почитание Лакшми — богини богатства и изобилия.

8

Приклеивающаяся точка на лбу. В буддизме и индуизме символизирует «третий глаз мудрости». В современной культуре — модное украшение.

9

Традиционная восточная женская одежда — брюки со свободным топом.

10

Изящная накидка, прикрывающая голову и тело. Бывает расшита бисером и стразами.

Фильмы, произведенные в Бомбее в Болливуде, в отличие от южного кино, произведенного в южных штатах.

12

Здание, в котором сдаются внаем дешевые комнаты.

13

Марка индийского автомобиля.

14

Знаменитый пещерный храм, расположенный на высоте 1700 метров, посвященный трем богиням — Махалакшми, Махакали и Махасарасвати, который ежегодно посещают тысячи индуистских паломников.

15

Пирожки с овощами.

16

Употреблявшееся раньше название афганцев, живущих за пределами Афганистана.

17

Служащий бомбейской сети посыльных, распространяющей
ленчи.

18

Костюм из длинной рубахи без воротника индийского покроя, которую надевают через голову.

19

Длинная рубашка.

«Twinkle, twinkle, little star...». Перевод О. Седаковой.

«Baa Baa Black Sheep». Перевод С. Маршакa.

Индийский поэт (род. около 1440 г. — умер около 1518 г.).

Индийская командная игра.

Шах-Джахан (5.1.1592, Лахор — 22.1.1666, Агра), правитель (в 1627–1658) Могольской империи, в молодости носил имя Хуррам, получил свое имя-титул Ш. -Д. («правитель мира») в 1616 г. за победы в Декане.

Всеиндийская государственная телерадиостанция.

Исламский медальон или амулет.

Хануман, или Гануман, Гульман, герой индийского эпоса «Рамаяна», вождь обезьян.

Индийские Ворота, или Ворота Индии — были построены в 1919 г. и открыты для обозрения в 1924-м. Церемониальная арка сооружена в 1927 году в память о визите короля Георга V и королевы Марии в 1911 г. Исторически Ворота Индии имеют огромное значение, так как британские войска покинули независимую Индию по морю и прошли именно через это место.

Пандит (*санскр.* пандита — ученый, мудрый, учитель), в Индии — старинное почетное звание ученого брахмана, хорошо знающего санскрит и индусскую каноническую литературу.

30

Распространенный в Индии тип мужской одежды — набедренная повязка.

Особый знак на лбу у индийских сектантов, сделанный при помощи какого-нибудь красящего вещества (глины, краски).

Коосе Мунисвами Веераппан — легенда преступного мира Индии, обвиняемый более чем в ста убийствах, контрабанде сандала и слоновой кости стоимостью в миллионы долларов. Владелец знаменитых пышных усов.

Традиционная мужская одежда, длинная юбка, подол которой завязывается между ног.

Маленькие самодельные сигареты, состоящие из различных смесей табака, завернутого в кусочек сухого листка тембурни, и завязанные веревочкой.

Инд. актер, признан лучшим комедийным актером Индии 2000 года.

Равина Тандон, род. 26.10.1969 г. Актриса, продюсер.

37

Излюбленное индийское лакомство.

Гробница Хаджи Али — мавзолей, построенный в память Хаджи Али, мусульманского святого, который утонул на пути в Мекку.

39

Спиртной напиток из риса.

40

Инд. актер и певец, восемь раз удостоивался премии Ассоциации кинопроката за лучшее исполнение песен в фильмах.

Сакральные двустигия.

42

Одна из форм индийской сакральной музыки.

Индийский поэт (около 1532–1624).

Мирабаи (1547–1614) — знаменитая вайшнавская поэтесса, чья гробница и по сей день место паломничества в Индии.

45

Инд. актер, род. 27. 12. 1965 г.

46

Пригород Бомбея.

Гробница Шаха Даула — место, куда на протяжении трех столетий устремляются бесплодные женщины помолиться о потомстве. Своего первенца паломницы обязуются доставить сразу же после рождения в святилище.

Индийский поэт, певец, проповедник (ок. 1483 — ок. 1563). Слагал стихи на брадже (одном из диалектов хинди). Его поэзия связана с традициями религиозно-реформаторского движения бхакти.

49

Индийский струнный щипковый музыкальный инструмент.

50

Мудрец.

51

Господин и госпожа (обычно применяется к европейцам).

Австралийский футбол, или футбол по австралийским правилам, — спортивная командная игра, смесь регби и европейского футбола.

Сырокопченая колбаса.

Пирог с лососем.

Блинчики с фруктами или ягодами.

Креветки, посыпанные сыром и обжаренные в сухарях.

Мусорщик, старьевщик.

Посол, глава дипломатического представительства одной страны Содружества в другой.

Лхаса (лхасский) Апсо. Происходит из Тибета, порода выведена на основе храмовых собак-сторожей.

«Чужие», презрительное название иностранцев.

Бара Гумбад (Большой купол) — крупное квадратное сооружение с массивным куполом. По первоначальным замыслам, Бара Гумбад должен был служить входом в примыкающую мечеть (1494 г.).

62

Принятое почтительное обращение к старшим.

63

Гардероб или комод с ящиками.

Индийская острая кисло-сладкая фруктово-овощная приправа к мясным блюдам; содержит манго или яблоки, чилийский перец, травы и т. п.

65

Мясной фарш или кусочки мяса, зажаренные в масле.

Чарминар (четыре минарета) — архитектурный памятник, один из национальных символов Индии.

Имя женского духа в традиции пуду.

68

Сто тысяч рупий.

69

Обладатель ста тысяч рупий.

70

Конверт большого размера, сделанный из плотной желтоватой бумаги, изготовленной из конопли.

Община торгово-ростовщических каст в основном из раджпутского княжества Марвар (Индия). В современной Индии представители марвари (Бирла, Джайн и др.) возглавляют ряд крупных компаний.

Головной платок или шаль.

Лепешки, жаренные в масле.

Печеные шарики в сиропе, посыпанные орехами.

Молочная помадка.

Компания «Данлопилло» считается ведущим производителем матрасов и подушек из латексного пенопласта.

Воинское звание в индийской армии, относящееся к сержантской категории.

Раджастан — штат на северо-западе Индии у самой границы с Пакистаном.

Гуркхи — условное название народностей, населяющих центральные и юго-западные районы Непала. Считаются одними из лучших наемных солдат мира.

Боевой клич сикхов, разделяющийся на две части. Первая часть означает: «Произнесший будет благословен». Вторая: «Вечен Великий Бессмертный Господь».

«Победа для Бога, Аллах велик!»

Приветствие и поклонение Матери-Индии, слова, которые произносят военные на парадах в знак уважения к родине.

Обращение к мужчине.

После вооруженного конфликта между Пакистаном и Индией (декабрь 1971 г.) в Воротах Индии был установлен памятник Неизвестному солдату и зажжен Амар Джьоти (вечный огонь).

Одна из главных национальных песен Индии.

Железнодорожная станция.

87

Брат.

Удар, за который бэтсмен получает шесть очков; мяч пересекает линию поля по воздуху.

89

Удар, за который бэтсмен получает четыре очка; мяч пересекает линию поля по грунту.

Галиб Мирза Асадулла-хан (1796–1869) — знаменитый поэт мусульманской Индии XIX в., один из последних представителей старого литературного направления, связанного с традициями персидской поэзии.

Мадхубала, урожденная Мумтаз Джехан Бегум — легенда кинематографа, Венера индийского экрана. В возрасте четырнадцати лет уже снималась с Раджем Капуром.

Табу, род. 4 ноября 1970 г. В 2001 году Табу получила премию кинокритиков как лучшая актриса.

Хрустящие жареные спирали в сиропе.

Качори — обжаренные в масле маленькие пирожки с начинкой из овощей с пряностями.

Каменные резные дома богатых вельмож.

Дхаба — небольшая столовая.

97

Анна (индийская монета = $1/16$ рупии).

Пай — самая мелкая индийская монета ($1/12$ анны).

«Пиетра дура», или «твердые камни» — техника, при которой разноцветные пластинки мрамора и самоцветов подгоняются друг к другу так плотно, что узоры и картины кажутся нарисованными.

Богиня-мать, одна из форм Девы, жена бога Шивы.

101

Подарок, деньги на чай (*перс*).

Куриное филе, жаренное в тандере в луково-ореховом соусе.

Индийская разновидность бюстгальтера.

Сладости из нутовой муки.

Индийская фирма, производящая одежду.

Любовная, изящно-сентиментальная песня.

107

Творожные шарики в сиропе.

108

Острое мясо с карри и уксусом.

Сангам на языке хинди означает «объединяться» или «встретить пункт» и также обозначает схождение трех святых рек Индии, Ганга, Джамун и Сарасвати.

Table of Contents

Вопрос — ответ

ПРОЛОГ

ТЫСЯЧА РУПИЙ: СМЕРТЬ ГЕРОЯ

ДВЕ ТЫСЯЧИ РУПИЙ: БРЕМЯ СВЯЩЕННИКА

ПЯТЬ ТЫСЯЧ РУПИЙ: БРАТСКАЯ КЛЯТВА

ДЕСЯТЬ ТЫСЯЧ РУПИЙ: ДУМАЙ О КАЛЕКАХ

ПЯТЬДЕСЯТ ТЫСЯЧ РУПИЙ: КАК РАЗГОВАРИВАТЬ ПО-
АВСТРАЛИЙСКИ

СТО ТЫСЯЧ РУПИЙ: ДЕРЖИСЬ ЗА ПУГОВИЦЫ

ДВЕСТИ ТЫСЯЧ РУПИЙ: УБИЙСТВО В ЗАПАДНОМ ЭКСПРЕССЕ

ПЯТЬСОТ ТЫСЯЧ РУПИЙ: СОЛДАТСКАЯ ИСТОРИЯ

МИЛЛИОН РУПИЙ: ЛИЦЕНЗИЯ НА УБИЙСТВО

ДЕСЯТЬ МИЛЛИОНОВ РУПИЙ: КОРОЛЕВА ТРАГЕДИИ

СТО МИЛЛИОНОВ РУПИЙ: УШЩСВУЧ ППФГУ, ИЛИ ИСТОРИЯ
ЛЮБВИ

МИЛЛИАРД РУПИЙ: ТРИНАДЦАТЫЙ ВОПРОС

ЭПИЛОГ

БЛАГОДАРНОСТИ

ОТ ПЕРЕВОДЧИКА

Примечания

1

2

3

4

5

6

7

8

9

10

11

12

13

[14](#)
[15](#)
[16](#)
[17](#)
[18](#)
[19](#)
[20](#)
[21](#)
[22](#)
[23](#)
[24](#)
[25](#)
[26](#)
[27](#)
[28](#)
[29](#)
[30](#)
[31](#)
[32](#)
[33](#)
[34](#)
[35](#)
[36](#)
[37](#)
[38](#)
[39](#)
[40](#)
[41](#)
[42](#)
[43](#)
[44](#)
[45](#)
[46](#)
[47](#)
[48](#)
[49](#)
[50](#)

[51](#)

[52](#)

[53](#)

[54](#)

[55](#)

[56](#)

[57](#)

[58](#)

[59](#)

[60](#)

[61](#)

[62](#)

[63](#)

[64](#)

[65](#)

[66](#)

[67](#)

[68](#)

[69](#)

[70](#)

[71](#)

[72](#)

[73](#)

[74](#)

[75](#)

[76](#)

[77](#)

[78](#)

[79](#)

[80](#)

[81](#)

[82](#)

[83](#)

[84](#)

[85](#)

[86](#)

[87](#)

[88](#)

[89](#)

[90](#)

[91](#)

[92](#)

[93](#)

[94](#)

[95](#)

[96](#)

[97](#)

[98](#)

[99](#)

[100](#)

[101](#)

[102](#)

[103](#)

[104](#)

[105](#)

[106](#)

[107](#)

[108](#)

[109](#)

